

В КНИГЕ ОПУБЛИКОВАНЫ ФОТОГРАФИИ
ВОЕННЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ:

Е. ХАЛДЕЯ,

А. МОРОЗОВА,

А. ДМИТРИЕВА,

Я. РЮМКИНА,

И. ШАГИНА.

ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ,

ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА

КИНОФОТОДОКУМЕНТОВ,

АГЕНСТВА ПЕЧАТИ «НОВОСТИ»,

А ТАКЖЕ ФОТОГРАФИИ

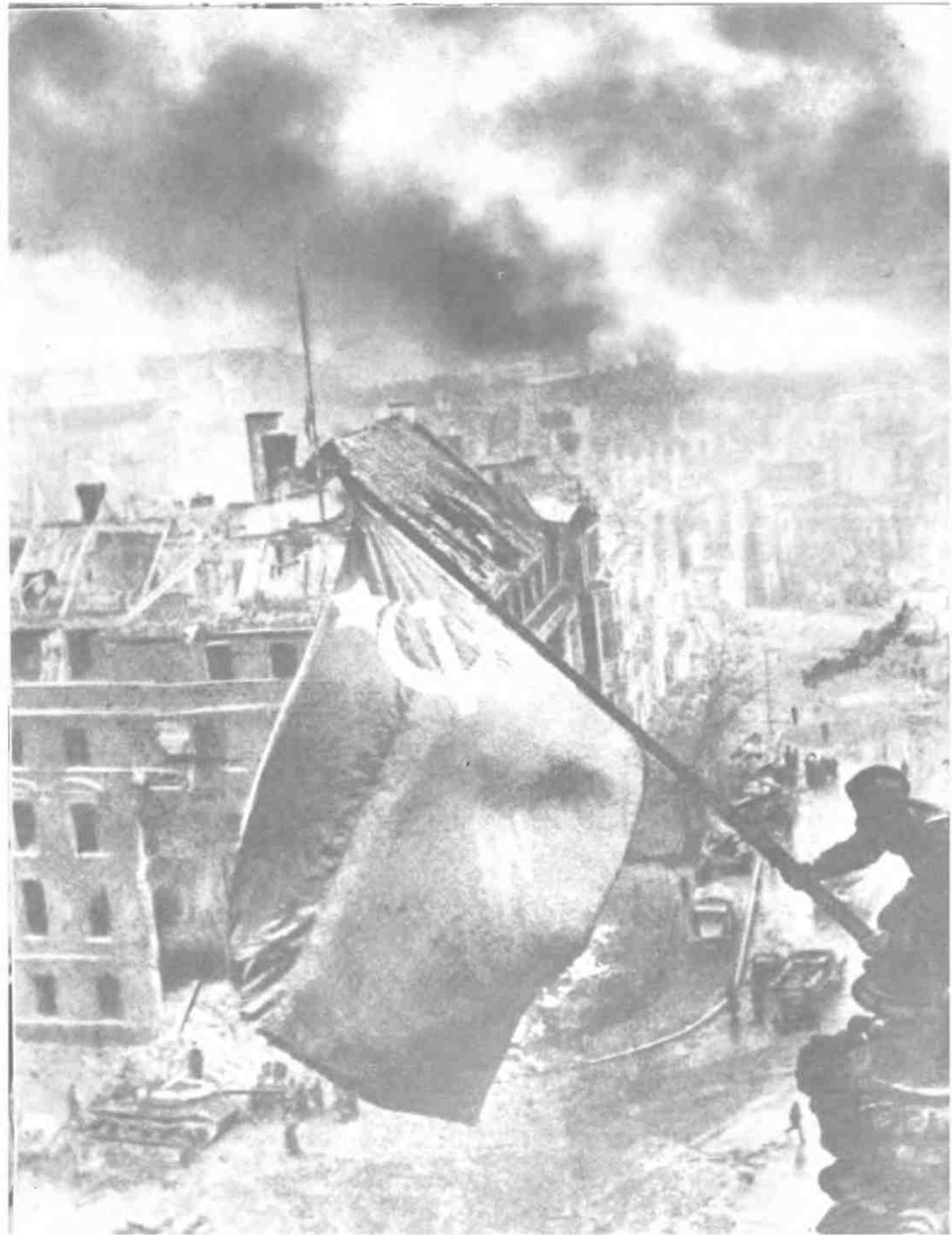
ИЗ ЛИЧНЫХ АРХИВОВ И АЛЬБОМОВ ТЕХ,

О КОМ РАССКАЗАНО В ЭТОЙ КНИГЕ.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОСААФ**

Москва — 1972

ХУДОЖНИК ШАМРО О. П.

A black and white photograph showing a war-torn city street. In the foreground, there is a large, ornate metal structure, possibly a gate or a monument, which appears to be damaged or partially destroyed. In the background, two soldiers are visible: one standing on a raised platform or wall, and another standing further back. The street is littered with debris, and the overall atmosphere is one of devastation and conflict.

**ЕВГЕНИЙ
ДОЛМАТОВСКИЙ**

**АВТОГРАФЫ
ПОБЕДЫ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

К 15 часам 2 мая 1945 года завершилась историческая битва за Берлин. Это был великий день торжества советского народа, его Вооруженных Сил, наших союзников в этой войне и народов всего мира.

Утром 3 мая вместе со своими боевыми товарищами осмотрели рейхстаг и места боев в этом районе и мы — Военный совет Первого Белорусского фронта.

Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов говорили, что на подступах к рейхстагу и в самом здании шла особо ожесточенная борьба.

При входе колонны и стены рейхстага были уже испещрены надписями наших воинов. В лаконичных фразах и простых росписях солдат, офицеров и генералов чувствовалась их гордость за советских людей, за Советские Вооруженные Силы, за Родину и ленинскую партию.

Поставили и мы свои подписи, по которым присутствовавшие там солдаты узнали нас и окружили плотным кольцом. Мы беседовали о жизни, о победе, о будущем.

С тех пор прошло уже более четверти столетия. Автографы советских воинов стерты

с камней рейхстага, но невозможно стереть и вычеркнуть их со страниц истории.

Участник Берлинской битвы поэт Евгений Долматовский разыскал многих товарищей, расписавшихся на рейхстаге, рассказал об их сегодняшней жизни, об их боевом пути. Не все, кто поставил свою подпись, вели бой непосредственно за рейхстаг: ведь даже с других фронтов приезжали в Берлин расписываться. Но каждая подпись на задымленных камнях — это приговор фашизму, нанесенный советскими людьми-победителями. Поиск, предпринятый поэтом, убедительно рисует и раскрывает характер фронтовика, защитника Родины: завершив войну, солдат либо остался в Вооруженных Силах и стал опытным военачальником, либо столь же вдохновенно трудится в народном хозяйстве. На страницах этой книги я встретился с энергичными, сердечными, бодрыми, закаленными в боях советскими людьми, выросшими достойных сыновей. И мне показалось, будто через годы и расстояния продолжается беседа, которую мы вели утром 3 мая 1945 года в рейхстаге, когда вместе с солдатами расписывались на задымленных камнях.

Вот они, победители, славные советские воины, верные сыны Отчизны. Мне хочется пожать руку каждому из них, горячо поприветствовать и пожелать счастья в жизни и труде.

Маршал Советского Союза

Г. Жуков

10/VI 72.

3 мая 1945г. Г. К. Жуков со своими боевыми
товарищами — членами Военного Совета
Первого Белорусского фронта
осматривает рейхстаг

РАСПИСАЛИСЬ НА РЕЙХСТАГЕ

Победное знамя взвилось над рейхстагом 30 апреля 1945 года. Оно появилось сперва на лестнице, потом было закреплено на колонне, потом вспыхнуло на одной из угловых башен.

Впрочем, правильнее было бы сказать, что на рейхстаге были установлены флаги победителей, а знамя, венчавшее и утвердившее Победу, было водружено не в один прием: сначала на фронте, где продырявленные осколками стояли отлитые из меди фигуры — конь, всадник, трубач, а потом уже и на куполе самого рейхстага. Купол был раньше застекленным, но к моменту, когда комсомольцы Михаил Егоров и Мелитон Кантария карабкались к его вершине, все стекла повывлетали и рассыпались, и купол стал похож на мертвый чертеж. Егоров и Кантария взобрались по его ребрам и чехлом от знамени прикрутили древко к вершине купола. А бой еще продолжался, гремели автоматные и пулеметные очереди, рвались фауст-патроны, было дымно, в залах и кабинетах тлел паркет, горела мебель... Битва за рейхстаг пришла к завершению лишь 2 мая. Между прочим, когда Егоров и Кантария в мирный майский денек глянули, куда они вознесли флаг, то сами удивились — да возможно ли туда взобраться?

Сырым и ознобным утром я подошел к закопченному, иссеченному осколками и еще курящемуся зданию. Думалось: неужели это и есть рейхстаг, тот самый дворец, который фашистские провокаторы поджигали в 1933 году, чтобы обвинить коммунистов и организовать гонения на них и запрет компартии. Ведь именно с рейхстагом связан захват власти Гитлером и его кликой...

Наверное, по этой причине рейхстаг, именовавшийся в наших штабных документах «объектом 105», в апреле 1945 года стал для советских людей, бравших Берлин, мишенью и целью номер один, и задачей, пронизавшей

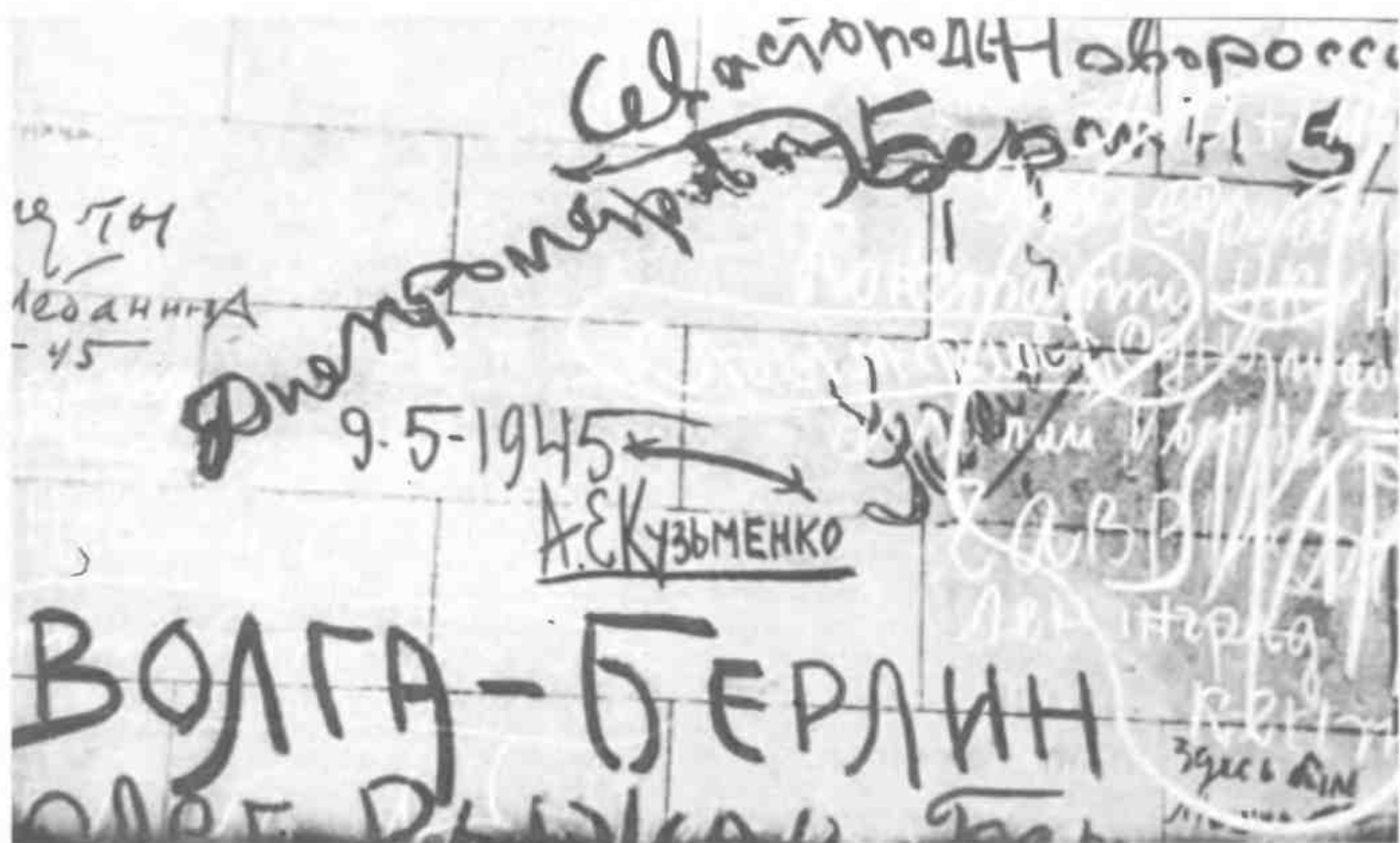
всю армию и жизнь каждого солдата. Слова Верховного Главнокомандующего — «Водрузить над Берлином знамя победы!» — мы понимали в том позднем и холодном апреле, как — «Водрузить над рейхстагом знамя Победы», потому что уже находились в Берлине и надо было определить в этом огромном городе полюс, точку, куда надлежало вонзить древко. Конечно, последней ставкой Гитлера, фашистского правительства и командования был бункер имперской канцелярии, расположенный метрах в пятистах восточнее Бранденбургских ворот, и соответственно еще на несколько сот метров отдаленный от рейхстага. И взятие этого бункера означало бы конец войне, но в сознании сотен тысяч воинов, штурмовавших Берлин, в сознании всего нашего народа, и каждого советского человека, причастного к разгрому гитлеризма, именно рейхстаг представлялся символом окончательной победы. На высоких взлетах истории символы имеют огромное значение. Таким символом оказался рейхстаг, и пятьдесят или шестьдесят часов сражения за него стали важным и завершающим пунктом Великой Отечественной

войны. Я еще расскажу о некоторых героях штурма рейхстага, о тех, кого видел, знаю, запомнил с далеких времен или встретил в послевоенные годы. Не берусь и не ставлю перед собой задачу нарисовать полную картину взятия рейхстага и определить роль тех или иных воинских частей и отдельных героев, непосредственных участников штурма.

Для меня отнюдь не обобщающе звучит утверждение, что штурмовали Берлин войска 1-го Белорусского фронта при содействии 1-го Украинского фронта. Я готов расширить и этот список и, не покрывив душой, сказать, что в этом «последнем, решительном сражении» участвовал весь наш народ.

Я сузил бы и исказил подлинную картину, если бы не вспомнил пограничников Бреста и Перемышля, защитников Лиенау, всех тех, кто первыми приняли на себя удар 22 июня... А разве не участвовали в штурме рейхстага защитники Москвы и Сталинграда, гарнизон Ханко и мученики ленинградской блокады?

Если уж рейхстаг стал символом, пусть встанут с ним рядом другие символы — они ему под стать!

Итак, когда я, пройдя Тиргартен, вышел к рейхстагу, то увидел и знамя на угловой башне, и знамя над фасадом, и знамя на ребристом куполе. И еще много знамен, а точнее говоря, флагов, установленных в трещинах на колоннах, в заложенных кирпичом оконных проемах.

Флаги были чаще всего по размерам небольшие, а то и совсем маленькие. Шелк и бархат знамен полков и дивизий был как бы представлен здесь простыми лоскутами пробитого пулями кумача. Уже тогда трудно было определить, кто и когда, в какой час установил свой флаг или флажок. Всем хотелось быть первыми, но не из чувства соперничества, а потому, что каждый торопился к победе и жаждал ее мучительно и вдохновенно. И тем горше и больнее было видеть на ступенях рейхстага неловко и неуклюже распростертые тела наших товарищей, погибших на самом пороге победы, накануне ликования и салюта. Они знали, что идет бой, завершающий Великую Отечественную войну, знали, что за гранью этого боя — и мир, и тишина, и встреча с родными, и начало большого и

светлого пути по жизни. Было бы наивно и неправильно предполагать, что отсутствовали у них мысли о том, как необходимо выжить, как обидно упасть с остановившимся сердцем в заведомо последнем бою.

Наверное, преодолеть это естественное чувство самосохранения перед лицом очевидной победы и ринуться в огонь — и есть высший подвиг. К нему были готовы все — и тот, кто выжил и удивленными и красными от нечеловеческой усталости глазами рассматривал рейхстаг и Бранденбургские ворота, и тот, кто уже мчался на броне танка к Праге, в новый бой, и тот, кто недвижно лежал на Королевской площади с белым лицом и взведенной гранатой в закаменевшей руке...

Смешанное чувство печали и радости завладело мной. Я подошел вплотную к рейхстагу, поднялся по выщербленным ступеням. Над колоннами по фронту выделялись готические буквы — «Немецкому народу». А на исколотых пулями и исклеванных снарядами колоннах и стенах рейхстага были уже выцарапаны штыками и ножами, написаны углем и даже краской (откуда она взялась!)

имена — русские, узбекские, армянские, украинские, грузинские...

Да, это было 2 мая утром, часов в восемь по Московскому времени (Гринвичское время тогда отступило, и все часы в освобожденной Европе шли соответственно стрелкам Спасской башни).

Я не знаю, кто расписался на рейхстаге первым — наверное, теперь это и установить-то невозможно. Можно лишь назвать тех, кто первыми вели бой за рейхстаг и в рейхстаге, и о них я напишу еще, хотя вряд ли удастся рассказать обо всех.

Мой же нынешний рассказ о том, как на отрезке одних суток родились и утвердились ритуал и традиция: победители ставили свои подписи на рейхстаге, на его стенах, на колоннах — как на важном документе.

Стены и колонны рейхстага в те первые майские дни 1945 года с невероятной быстротой превращались в скрижали истории. Наша победа явилась приговором германскому фашизму, и каждый участник битвы, как судья, ставил свою подпись под приговором.

Я должен сказать, что росписи на рейхстаге были неким стихийным движением, труднообъяснимым порывом, охватившими тех, кто участвовал в битве за Берлин, а затем передавшимися всем, кому доводилось быть в Берлине в первые послевоенные месяцы.

Все же попытаюсь найти объяснение этой так молниеносно возникшей и закрепившейся традиции. Спросим у тех, кто расписывался.

Я ИЗ ТЮМЕНИ. ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА.

Начертал старший лейтенант Григорий Черных 2 мая 1945 года. Ныне профсоюзный работник села Уват Тюменской области, он поделился со мной своими раздумьями:

— Когда я делал на стене рейхстага свою запись, была какая-то потребность написать для кого-то, оставить память о себе...

Я думаю, что Григорий Черных правильно определяет одну из побудительных причин, увлекших его и его соратников...

Человек на войне сталкивается лицом к лицу со смертью. Рождается необходимость спо-

рить с самым невероятным и неестественным, противоречащим жизни. И действительно, рождается потребность оставить память о себе. Рождается потребность передать товарищам и потомкам то, что может безнадежно пропасть и исчезнуть. И назвать свое имя. В бою не разговаривают, не выкладывают душу, не делятся сокровенными мыслями: на это не отпущено времени. Бой — это действие, может быть, выкрик, но прежде всего — огонь.

Но есть потребность и необходимость высказаться в минуту высокого душевного подъема, рождающегося среди справедливого боя за благородные идеалы. Не потому ли на Великой Отечественной войне возродился этот древний обычай и воины стали оставлять на камне записи своих мыслей и своих имен? Так повелось с первых дней небывалой по суровости и по масштабу войны, и, может быть, слова, начертанные на камне, помогут историкам и социологам объяснять истоки нашей победы.

На красных кирпичах Брестской крепости была найдена следующая запись, выцарапанная острым предметом:

**НАС БЫЛО ПЯТЕРО:
СЕДОВ, ГРУТОВ И., БОГОЛЮБ,
МИХАЙЛОВ, СЕЛИВАНОВ В.
МЫ ПРИНЯЛИ ПЕРВЫЙ БОЙ
22. VI. 1941—3. 15 ч.
УМРЕМ, НО НЕ УЙДЕМ!**

А вот еще одна клятва героев Бреста:

**УМРЕМ, НО ИЗ КРЕПОСТИ
НЕ УЙДЕМ.**

И, наконец, надпись, найденная на стене казармы в северо-западной части крепости:

**Я УМИРАЮ, НО НЕ СДАЮСЯ
ПРОЩАЙ, РОДИНА. 20. VII. 41 г.**

Последняя запись имеет огромное историческое значение. Камень поведал о том, что защитники Брестской крепости держались не-

преклонно в течение месяца. Линия фронта проходила уже далеко на востоке, немцами был уже захвачен Смоленск, а горстка бойцов, лишенная связи, боеприпасов, провианта, держалась, приводя врагов не только в неистовство, но и в трепет. О том, как долго держались защитники Бреста, стало известно лишь после войны, и тоже не сразу — через десятилетие. Помогла эта запись. Камни говорят... Камни рассказывают... Камни кричат...

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ!

ВЫСТОИМ, ТОВАРИЩИ!

СМЕРТЬ, НО НЕ ПЛЕН!

ПРОКЛЯТЬЕ ФАШИСТАМ!

ПРОЩАЙТЕ!

Такие слова найдены на стенах в Аджимуш-кайских катакомбах. Они — весть из 1942 года.

Я ПОГИБАЮ... КРЕПКО ЗА РОДИНУ СТОЙ!

написала на стене камеры гестапо член подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Ульяна Громова в Краснодаре. Все это — возвышающие душу свидетельства мужества и благородства советских людей, их веры в жизнь и победу. В Сталинграде на заводской стене у берегов Волги в разгар боев было начертано:

ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ ГЕРОИ-ГВАРДЕЙЦЫ!

Я думаю, что именно стихийное чувство историзма заставило неизвестного бойца во время боя говорить о подвиге в прошедшем времени.

На стенах знаменитого Дома Павлова, тоже еще в дни боев, было написано краской:

Вылезайте, генерал, из своей берлоги...

МАТЬ РОДИНА!

**ЗДЕСЬ ГЕРОИЧЕСКИ СРАЖАЛИСЬ
С ВРАГОМ ГВАРДЕЙЦЫ РОДИМЦЕВА:
ИЛЬЯ ВОРОНОВ, ПАВЕЛ ДЕМЧЕНКО,
АЛЕКСЕЙ АНИКИН, ПАВЕЛ ДОВИСЕНКО.**

ЭТОТ ДОМ ОТСТОЯЛ ГВ. СЕРЖАНТ ЯКОВ ФЕДОТОВИЧ ПАВЛОВ!

Когда после митинга победителей на площади Павших борцов 2 февраля 1943 года я подошел к Дому Павлова, на его стене, рядом со словами, приведенными выше, было написано:

МЫ ВОЗРОДИМ ТЕБЯ, РОДНОЙ СТАЛИНГРАД!

Вероятно, эти слова принадлежали уже не солдатам, а жителям города, возвращавшимся на свои пепелища из-за Волги...

Стремление записать на бумаге, запечатлеть на камне самые сокровенные и высокие свои мысли овладевает людьми, к писательству непричастными, в часы и минуты, которые можно было бы назвать звездными.

Утро в рейхстаге. 2 мая 1945 года...

Через сорванную с массивных петель, расщепленную гранатами дверь я вошел в зал заседания. Откуда-то снизу наши автоматчики выводили понурых и пыльных эсэсовцев. Зал был освещен мятущимся пламенем испытанных фронтовых светильников — горели фитили в сплюснутых в верхней своей части латунных артиллерийских гильзах. Сверху полосами, в которых ронялась пыль, пробивался свет дня — не через окна — они были замурованы раньше для обороны здания, а через снарядные пробоины.

Между рядов депутатских кресел на носилках лежали раненые вражеские солдаты. Наш военврач жестами (видимо, он, как многие после боя, потерял голос) распоряжался: кого перевязать, кого нести на операцию, кого эвакуировать.

На ораторской трибуне примостился смуглый парень. Я застал его за работой — он пыхтел над бумагой. Я спросил, как его зовут и что он пишет. Он отрапортовал:

— Гвардии красноармеец Абдулла Аташев. Пишу письмо маме в Хорезм.

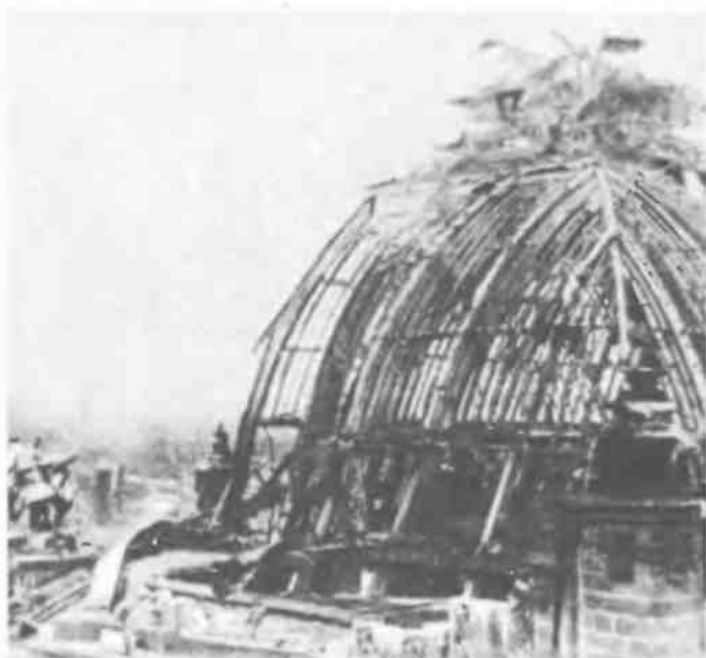
Я в полумраке разглядел не сразу, что под локтем у него косо лежит здоровенная бронзовая голова Гитлера (плечи фюрера возвышались отдельно за трибуной. Воротником было опоясано квадратное отверстие для скрепления головы и туловища). Абдулла Аташев облокотился на бронзовую голову для удобства. Мне показалось, что водить карандашом по бумаге ему труднее, чем действовать автоматом или гранатами.

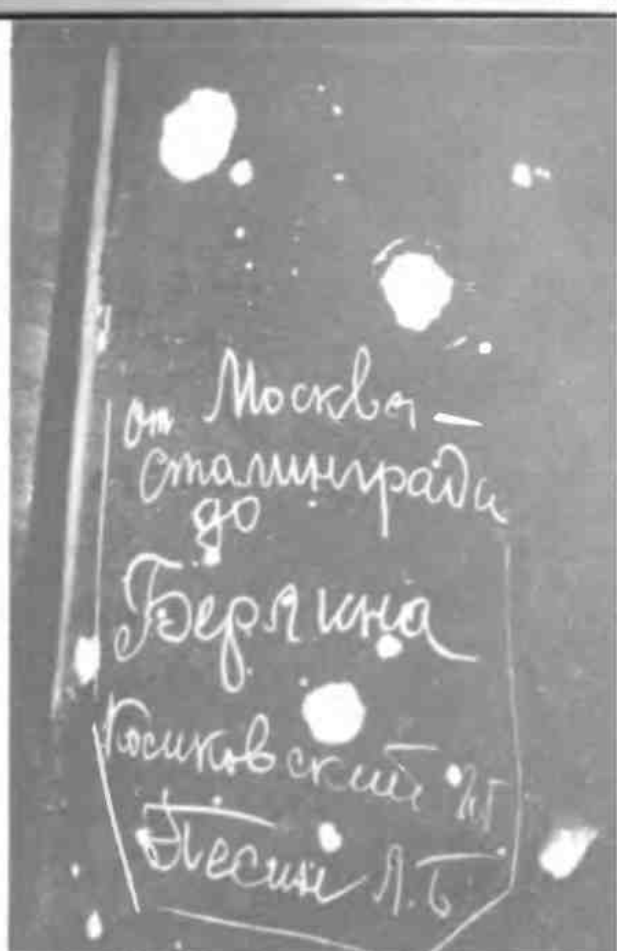
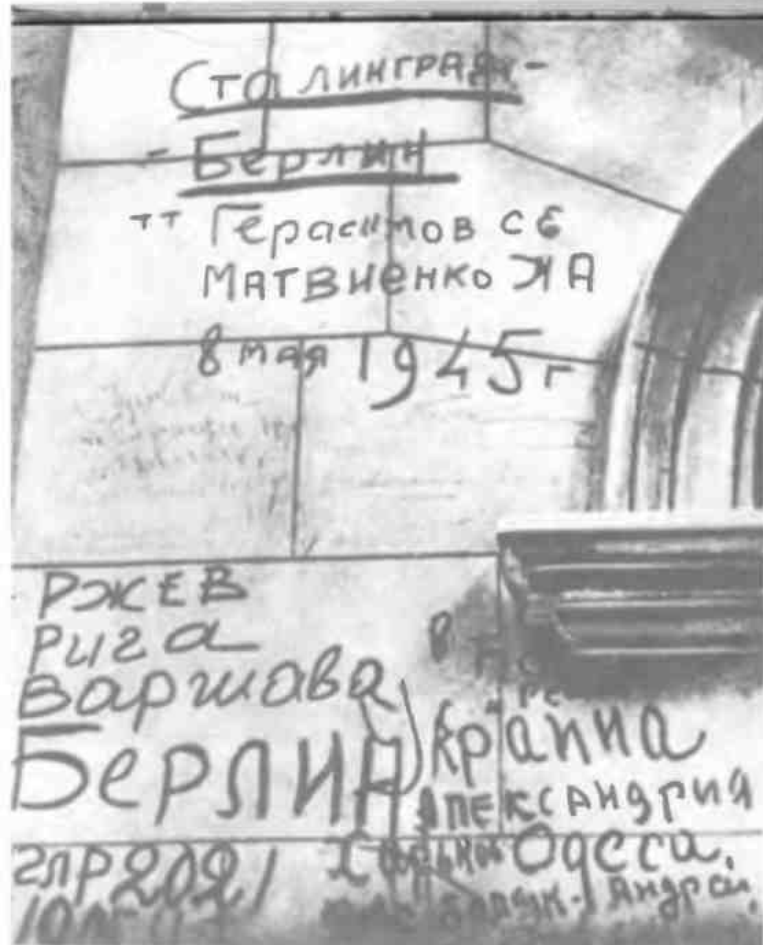
Я пошел бродить по рейхстагу. Под куполом, над которым молодо трепетало на ветру знамя Победы, находится большой круглый зал, высокий, как если бы это была кирха. Его огибают коридоры, опоясывает галерея. К нему примыкают с четырех сторон расположенные в башнях, делящихся на этажи, залы, приемные, кабинеты. Стены и лестницы в разной степени разбиты или повреждены, так что некоторые комнаты соединились, а иные, наоборот, разобщены завалами, грудами камня и кирпича.

В рейхстаге хранились некоторые реликвии и просто экспонаты, относящиеся к разным периодам германской истории. Тут были не только скульптуры рыцарей, но и их доспехи, значки, амуниция. Скульптуры, высеченные из камня, выдержали штурм, более или менее сохранились, а вот экспонатам не повезло — разбитые на куски, разорванные в клочья, они валялись в пыли и мусоре.

По коридорам, кабинетам и залам ходили солдаты-победители, разглядывали то самое «логово», к которому шли долгим и трудным путем.

Нет, это были еще не экскурсанты, — экскурсанты понаехали через несколько дней — это были участники штурма и по виду можно было сразу определить, что они смертельно устали, но держатся на возбуждении. Некоторые солдаты и офицеры медленно и сосредоточенно чертили кинжалами, ножами, осколками, карандашами, обгорелыми головешками, поднятыми с полу, свои имена на стенах. Правильно ли я сравниваю и сопоставляю эти надписи победителей с трагическими

записями на кирпичах Брестской крепости, на стенах краснодонской тюрьмы? Может быть, сравнение со стенами завода и Дома Павлова в Сталинграде более естественно?

Нет, я вправе утверждать, что и слова, о которых невозможно вспомнить без щемящей боли в сердце:

СМЕРТЬ, НО НЕ ПЛЕН!

нанесенные слабеющей рукой на песчаник аджимушкайских катакомб в 1942 году, и лучащееся радостью слово

ДОШЛИ!

вырезанное штыком на прочной штукатурке рейхстага 1 мая 1945 года, — в равной степени автографы победителей!

И продиктованы эти надписи на камне единым чувством любви к Родине, единым ощущением правоты нашего дела и личной ответственности за судьбы страны, Европы, мира. Я поднялся по разбитой лестнице, на отдельных участках подкрепленной досками и наспех сколоченными стремянками, на этажи одной из башен.

Под самым чердаком лежал неразорвавшийся снаряд большого калибра. На нем тоже было выцарапано несколько слов. Мелькнула мысль: «Почему же снаряд не разорвался? Неужели где-то на Урале сработали такой вот немощный снаряд? Как это могло произойти?»

Лишь через много лет я узнал тайну неразорвавшегося снаряда. В одном из писем было рассказано, как артиллеристы бригады большой мощности специально освободили снаряд от взрывчатки, превратили его в болванку, сделали надпись на корпусе и использовали как некий ультиматум — запустили снаряд навесной траекторией в рейхстаг.

Когда я вышел из здания рейхстага, подписей на внешних стенах и колоннах еще прибавилось. Скоро уже на уровне человеческого роста не стало места для автографов, солдаты карабкались выше и выше, как при штурме.

Несколько позже, уже в середине мая, я из любопытства облазил здание рейхстага — росписи виднелись и на карнизах, и трудно было вообразить, как это туда добрались те, кто добыл Победу.

Что писали на рейхстаге наши товарищи?

Очень много было надписей, что называется, с географией. Первоначально преобладала география военная, боевой путь, отмеченный крайними пунктами, либо изложенный как бы пунктиром.

МОСКВА — БЕРЛИН.

СТАЛИНГРАД — БЕРЛИН.

КУРСК — БЕРЛИН.

РЖЕВ — РИГА — ВАРШАВА — БЕРЛИН.

ЛЕНИНГРАД — БЕРЛИН.

**МЫ ЗАЩИЩАЛИ ОДЕССУ, СТАЛИНГРАД,
ПРИШЛИ В БЕРЛИН.**

ЛЕТЧИКИ 2-Й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ.

Я РАЗВЕДЧИК ШУБИН.

МОЙ ПУТЬ

ДНЕПР — МОСКВА — ВАРШАВА — БЕРЛИН.

Эта была редкая надпись. В ней указывался и путь отступления — Днепр — Москва. Обычно же писали лишь путь с Востока на Запад, в те дни об отступлении не вспоминали... Потом география стала расширяться. Видимо, кто-то начал, сообщив, откуда он родом или свое гражданское местожительство — и пошло:

**БЫЛИ И МЫ:
ИЗ ЯКУТИИ ДОНСКОЙ,
ИЗ ЧУВАШИИ КОННОВ Ф. Ф.**

**МЫ ИЗ КОЛХОЗА РЯЗАНЬ.
СУХОВЕРХОВ.**

СТААПЕТОВ ИЗ БАКУ.

**САРАНСК — БЕРЛИН Л-Т ГОРОХОВ Н. Н.,
СЫН МОРДОВСКОГО НАРОДА.**

**ЗДЕСЬ БЫЛ ВЕНИАМИН БАХАРЕВ
ИЗ БАРНАУЛА.**

В надписях этого рода был тоже свой великий смысл; из всех республик нашего необъятного государства — союзных, автономных, из всех областей и городов, из тысяч больших и малых сел и деревень дошли советские воины до «логова», до «берлоги», олицетворенных в этом вот огромном черно-сером здании на берегу реки Шпрее.

Много было в рейхстаге надписей не только сообщавших маршрут победителей, но и острых, суровых, радостных, полных энергии, силы, любви к Родине, ненависти к врагу:

**РУССКИЕ ЧУДО-БОГАТЫРИ
ПЕРЕД ВАМИ ФАШИСТСКОЕ ЛОГОВО!
РУИНЫ ЗА МУКИ РУССКОГО НАРОДА.
ГАЛАЙЧУК.**

**ЗАПОМНЯТ ГАДЫ
ПУТЬ ОТ ГРОЗНОГО ДО БЕРЛИНА.
МУРАШОВ.**

**СЛАВА СОВЕТСКИМ БОГАТЫРЯМ!
КАПИТАН ИСАЕВ П. Т.
НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛ.
СИБИРЬ — БЕРЛИН В. V. 45.**

**МЫ ПРИШЛИ СЮДА,
ЧТОБЫ ВЫ К НАМ
БОЛЬШЕ НЕ ХОДИЛИ**

**9 МАЯ. ЗА КРОВЬ ОТЦА.
ИВЧЕНКО.**

**ЗДЕСЬ БЫЛИ СТАЛИНГРАДЦЫ
МАЙОР ЕВСЮКОВ
И КАПИТАН СЫРОВАЦКИЙ
12 МАЯ 1945 Г.**

**ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА.
СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СКАТЕНОК Н. И.**

Прескрасные слова, могучие и значительные, потрясающие своей прямоотой и точностью формулировок! Да, есть дни, когда каждый солдат становится и летописцем и пророком, и судьей, и знаменосцем. Именно такими были майские дни 1945 года в Берлине. Для точности должен сказать, что именно изречения, выражавшие главные мысли и чувства победителей, преобладали на тех закопченных стенах, как на скрижалях... А подписи были подтверждением, дополнением, утверждением. Ощущение важности, не побоюсь сказать — эпохальности момента владело людьми, только что завершившими небывалый и невероятный поход. И в то же время здесь, в рейхстаге, царило веселье, легкая и светлая окрыленность пришла к труженикам войны. Кто бы посмел упрекнуть победителей за то, что они словно опьяненные побе-

дой, с особой силой почувствовали и ощутили, что преодолели смерть и теперь вступили в бескрайние пределы жизни! Эта радость тоже нашла отражение на камнях рейхстага. Расписались ротные балагуры, не унывающие местные Василии Теркины, мудрые «папашаши», деревенские «деды» и «дядьки», которым, наверное, и сорока лет-то не было, (сейчас бы они показались мне молодыми!), юные остряки, соскучившиеся по школьной стенгазете — (вот досада, ее не закончили рисовать 22 июня 1941 года!)... В воюющем нашем народе, несмотря на нечеловеческую тяжесть, свалившуюся ему на плечи, жили и ирония, и остроумие, и веселье. Можно обобщенно назвать все это оптимизмом, но это, пожалуй, слишком общее определение. На стенах рейхстага в первые же дни появились подписанные и безымянные надписи с улыбкой. Улыбки были всех оттенков — от доброй и легкой до саркастической и злой. Вот некоторые изречения, переписанные мной тогда в полевую книжку:

**РАЗВАЛИНАМИ БЕРЛИНА
УДОВЛЕТВОРЕН.
БЕЛЯЕВ, МОСКВА.**

**РУССКИЕ В БЕРЛИНЕ БЫВАЛИ
ПРОЕЗДОМ В УЛЬЯНОВСК
ЧЕРЕЗ РЕЙХСТАГ.
СМАКОВ.**

**Я УДИВЛЕН —
ПОЧЕМУ ТАКОЙ БЕСПОРЯДОК
В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ УЧРЕЖДЕНИИ.**

Не скрою, попадались мне на глаза и такие лихие и хлесткие изречения, что, хотя и выдержала их рейхс-штукатурка, но бумага, боюсь, не выдержит.

И все же это не было заборной грубостью, а, скорее, современным вариантом ответа запорожцев султану или, если искать пример поближе и на этой войне, — продолжением замечательного письма защитников острова Ханко, направленного фашистам и прогремевшего на всех фронтах. К составлению этого послания, кстати сказать, приложил «руку мастера» и мой товарищ поэт Михаил Дудин. Вообще озорства в те берлинские дни хватало. Вспомним хотя бы стихийно возникший салют, прогремевший на всей территории от Одера до Эльбы 8 мая 1945 года. Узнав, что в Реймсе подписан предварительный протокол о капитуляции Германии, победители стали стрелять в воздух. Это произошло вече-

ром и трассирующие пули были хорошо видны. Грандиозное зрелище!

Я находился в этот момент в пригороде Берлина, где дислоцировалось политуправление фронта. Мы стояли у штабного автобуса с одним очень высоким и славившимся своей строгостью и педантичностью начальником. Услышав беспорядочную стрельбу на соседних линиях дачного поселка, начальник приказал мне немедленно выяснить — в чем дело. Я побежал выполнять приказание и сразу, узнав, почему стрельба, вернулся, доложил и шарахнул в небо очередь из автомата. Начальник посмотрел на меня ужасным взглядом. (Такого нарушения дисциплины он не ожидал даже от поэта!) Потом сам выхватил пистолет из кобуры и выпустил вслед моим пулям всю обойму. Так вот было!

Ушедший на войну со школьной скамьи и расписавшийся на рейхстаге 2 мая рядом со словами **Танкисты из Ельца** В. Куролесин (ныне он живет и работает в Нижнем Ломове Пензенской области) поведал мне историю, которую я попробую пересказать. Она

невероятна и исключительна по обстоятельствам, и в то же время в ней удивительно четко отразилось время и настроение тех дней...

Группа бывалых воинов, которых по их тогдашнему возрасту сейчас бы назвали мальчишками, 2 мая в рейхстаге обнаружила сейф с высшими орденами гитлеровского рейха.

Прихватив с собой пригоршню орденов, лейтенант Владимир Куролесин и его товарищи отправились искать переместившуюся за Берлин свою часть. Мосты были взорваны, улицы перегорожены баррикадами и завалами. Одним словом, заблудились. Неизвестно откуда появился немец средних лет, одетый в гражданское. Он увидел, что русские ищут на обгорелых домах жестяные вывески с названием улиц и вызвался быть проводником. Он вывел грузовик на дорогу, и тут кому-то из солдат пришла веселая идея — дать этому немцу железный крест в дубовых листьях. Немец был очень удивлен и даже воскликнул:

— Это ж при Гитлере мог получить генерал, и то не всякий! А я побыл проводником на два квартала, и вот получил!

Еще более поразило незадачливого проводника, что русские остальные кресты просто взяли да выбросили...

Я понимаю, что можно прочесть эту историю, насупив брови. Но мне она кажется очень хорошей. И я еще раз хочу напомнить, что в исторические последние атаки шли восемнадцатилетние солдаты и девятнадцатилетние лейтенанты и среди командиров полков были двадцатичетырехлетние, а тридцатилетние — среди генералов. Конечно, не только такие юные были в Берлине, но могу засвидетельствовать, что юных было много и, пройдя через страшную войну и увидев саму Победу, они могли и имели право в день величайшей радости оказаться мальчишками, ну, хотя бы ненадолго.

Виктор Фаненко из Запорожья прислал мне воспоминания об эпизоде, относящемся ко Дню Победы. Были в полку музыканты, музыкантская команда. Только играть им на своих золотых трубах почти не приходилось,

некогда было и негде — ни в наступлении, ни в обороне. Поручали музыкантам лишь хоронить погибших — фронтовики это хорошо помнят. И в атаку бросали, когда уже совсем трудная обстановка...

И вот Победа, и музыканты в Берлине, надо ж отметить конец войны!

Виктор Фаненко и его товарищи Аркадий Софронов, Николай Чекунов, Василий Ильин решили «дать музыку». Они по обрушившимся лестницам и по кое-как положенным доскам в обнимку со своими трубами забрались на правую переднюю башню рейхстага, на самую крышу, верней, на самый верх: крыши уже не было. И что было силы в легких сыграли Гимн Советского Союза. И еще — марш «Триумф Победителей».

Когда спустились вниз и спросили у солдат, слышали ли они, как грянула полковая музыка, оказалось, что никто не слышал: забрались слишком высоко, а к тому же был ветер. Но удовольствие сами музыканты получили превеликое — может быть, за всю долгую войну не было у них такого гордого переживания!

Ко Дню Победы — 9 мая — здание рейхстага было уже исписано сверху донизу, вдоль и поперек. Боевая страда утихла и в Берлин, чтобы посмотреть на рейхстаг, стали приезжать на грузовиках и автобусах, да и поездами (железные дороги были восстановлены в кратчайший срок) солдаты и офицеры из разных частей.

И расписывались, расписывались...

Собирая материал о расписавшихся на рейхстаге, я слышал и упреки — они исходили от тех, кто штурмовал это здание, превращенное в крепость. Правильно ли вспоминать и разыскивать расписавшихся на рейхстаге?

«Весь наш великий народ ковал победу над врагом и никому не было запрещено поставить свой автограф на логове врага. Но вот нам (оставшимся в живых — 100—150 человек в рейхстаге) даже не только 30 апреля, а и в последующие дни в голову не пришло поставить свои автографы, вернее, как-то и времени не находилось...».

Это пишет заслуженный ветеран войны, ныне мастер-взрывник шахты № 3 Садово-Хрустальной из города Антрацит В. И. Мальцев.

В рейхстаг В. И. Мальцев врывался в составе 380-го полка 171-ой стрелковой дивизии. Это героический полк, героическая дивизия, получившая наименование Берлинской.

Но В. И. Мальцев, бывший тогда помкомвзвода, не мог обозреть всей картины битвы за громаду рейхстага и не совсем точно предполагает, что в живых осталось лишь 100—150 бойцов. Я счастлив, что он ошибается, верю, что и он будет счастлив узнать, что ошибся, что в этом сражении потери не были столь велики, хотя трагичность их усугубляется завершающим характером боя. В. И. Мальцев не знает и не мог, наверное, увидеть тогда, в бою, что многие его однополчане расписались все же на камнях, которые им достались такой дорогой ценой.

Конечно, отсутствие росписи на рейхстаге отнюдь не умаляет роли участников сражения 29 апреля — 1 мая за «объект № 105». И В. И. Мальцев сам указывает в письме, что героям рейхстага было воздано заслуженное: «Командир батальона Самсонов, — пишет В. И. Мальцев, — приказал написать боевые характеристики на всех воинов батальона для награждения. Командир нашего корпуса генерал Переверткин отдал приказ, чтобы за штурм рейхстага всех награждать только орденами. Целый день 6 мая я сидел в рейхстаге и писал боевые характеристики. Потом нас оттуда отозвали, так что не только мне, но и многим нашим воинам не пришлось поставить автографы на стенах».

Автограф на стене, конечно же, не мог ничего прибавить к боевой характеристике. Но мне думается, эта традиция, молниеносно возникшая и утвердившаяся среди участников боев за Берлин, важна для боевой характеристики нашего времени, для мироощущения современников, памяти потомков. Нельзя забывать, что для многих тысяч воинов их роспись на рейхстаге была завершением долгого и многострадального пути.

Рейхстаг был символическим последним пунк-

том, последней целью и мишенью, символом поражения врага, потому и росписи на задыхающихся стенах превратились в символ нашей победы.

Потому они сродни последним клятвам героев на стенах Брестской крепости.

Насколько высокое значение придавали участники битвы росписям на рейхстаге, свидетельствует следующая история, фигурирующая в поэме Якова Хелемского «Неприкосновенный запас». Поэт рассказывал мне, что это не его выдумка, такой случай действительно имел место на 2-ом Прибалтийском фронте. Ефрейтор, раненный при ликвидации Курляндской группировки и оставшийся в госпитале, тогда как его часть была переброшена под Берлин, получил после победы фотографию с его фамилией на камне: за него друзья расписались на стене рейхстага.

Уборка в наградном отделе рейхстага

Эта форма причащения к победе заслуживает того, чтобы остаться в человеческой памяти, тем более, что находящееся ныне в Западном Берлине, в английском его секторе, здание рейхстага отремонтировано и все надписи, сделанные победителями, старательно стерты и соскоблены.

Спасибо фронтовым кинооператорам и фоторепортерам за то, что тогда в 1945 году они почувствовав значение и значительность росписей победителей — запечатлели их на пленку. Правда, сняты были далеко не все стены, колонны, карнизы и потолки, где оставляли свою память бравшие рейхстаг и посещавшие его после победы. Говорят, что кто-то из политработников в конце мая 1945 года переписал все фамилии и тексты для истории, но мои поиски в архивах пока не дали результатов. Если такой свод и был сделан, неизвестно, где он теперь находится.

Хорошо, что западноберлинские рабочие передали в демократический Берлин несколько плит облицовки. (Об этом я еще расскажу). Когда некоторая часть снимков стен и колонн рейхстага была опубликована в журналах и газетах, проявился огромный интерес людей разных поколений к именам и фамилиям, которые можно разглядеть на фотографиях. Редакция газеты «Красная звезда», напечатавшая мой призыв к переключке расписавшихся на рейхстаге, получила много писем, в которых творцы победы рассказывали о себе, а чаще — о своих боевых друзьях, об их пути к Берлину и о дальнейшей судьбе.

Далеко в прошлое, в историю ушла Великая Отечественная война, но ее героика не перестает волновать и старшие и новые поколения. При помощи старых фотографий стен рейхстага мне удалось узнать и воскресить много человеческих судеб. Автограф на рейхстаге явился, быть может, только поводом для встреч и воспоминаний, но поводом счастливым. Я прикоснулся к славной жизни товарищей, превративших мрачное здание в центре Берлина в исторический памятник. Переключка ветеранов показала, что время их не согнуло, что свой боевой дух они как эстафету передают новым поколениям.

ПОД ФЛАГОМ

Автографы победителей захлестнули все стены и колонны рейхстага, и уже ко Дню Победы трудно, а вернее невозможно, было установить и определить, кто явился начинателем, кто по велению сердца первым расписался, положив начало необычному ритуалу, ставшему историческим.

Майор в отставке А. Бабенко (г. Николаев) сохранил в памяти следующую лаконичную фразу:

ЗДЕСЬ БЫЛ ВАРЛАЧЕВ — СИБИРЯК.

30. 4. 45.

Дата показывает, что сибиряк не просто «был», а врывался в рейхстаг, штурмовал его. 30 апреля просто «быть» там не представлялось возможным.

Я пытался разыскать безвестного Варлачева, но пока поиски не дали результата.

Все же с одним из первых, бравших рейхстаг и расписавшихся на его стенах, я знаком и считаю своим долгом познакомить с ним читателя.

В солидных и толстых книгах о войне и энциклопедиях, в мемуарах о Берлинской операции в Истории Великой Отечественной войны (том 5) непременно фигурирует это имя: Кузьма Владимирович Гусев, старший лейтенант. «...Воины, возглавляемые И. Я. Сьяновым, А. П. Берестом и адъютантом батальона К. В. Гусевым с криками «ура» дружно бросились на врага...»

А в заводской газете в городе Электростали под Москвой мне довелось однажды прочитать такие стихи:

Мы шли дорогою солдатской
Через войну и вкривь, и вкось.
И в свежий холм могилы братской
Не раз бросать нам горсть пришлось...
Но как итог за это всё нам
Был на рейхстаге, знаем мы,
Штыком написанный каленым
Автограф Гусева Кузьмы.

Мы условились, что Гусев будет рассказывать о себе, но он говорит о Бересте и вновь о Бересте. Замполит батальона, именно Берест, повел знаменосцев комсомольцев Михаила Егорова и Мелитона Кантарию ставить знамя на купол рейхстага. Но этим не ограничился подвиг Алексея. Немецкий гарнизон, находившийся в подвале, запросил переговоры. Немцы заявили, что будут объясняться только с высоким чином. Юный Берест накинул на свои богатырские плечи чью-то новую кожаную куртку. Вместе с комбатом Степаном Неустровым и одним солдатом,

Замполит батальона А. П. Берест

После боя дымит трубкой Кузьма Гусев; все его гвардейцы, как на подбор

И вот мы сидим с Кузьмой Владимировичем за столом. Он приехал ко мне в гости из города Электросталь, где ныне работает на заводе мастером.

Его жена Екатерина Семеновна — тоже участница штурма Берлина, кавалер двух орденов. Когда-нибудь отдельно я расскажу романтическую историю их любви, их встречи и разлуки в госпиталях и на фронтовых дорогах. Гусев невелик ростом, одет по-домашнему. Глаза у него светлые, добрые, смотрят спокойно и ровно. Руки худощавые, пальцы как у музыканта. Голос тихий и глухой. Очень трудно сопоставить Гусева со строкой о нем и его товарищах в «Истории Великой Отечественной войны»: «...с криками «ура» дружно бросились на врага». Неужели это он бросился, да еще и с криком «ура»?.. Никак мы с Гусевым не выберем, не приладимся — на вы или на ты нам обращаться друг к другу. Нас свели и давние воспоминания и свежее горе — из Ростова пришла трагическая весть: герой взятия рейхстага, добрый великан Алексей Берест погиб под колесами электрички. Опасность угрожала ребенку. Ребенка Берест спас, оттолкнул от рельсов, а сам спастись не успел...

только что освобожденным из плена и вновь ставшим в ряды армии (он в плену выучился немецкому языку и мог быть переводчиком), Берест отправился в подземелье. Немцам он представился полковником и предъявил противнику ультиматум.

За его плечами стояла сама Победа и он ничуть не боялся, хотя находился лицом к лицу с отчаянными и обезумевшими эсэсовцами. Он казался себе бессмертным.

Гусев вспоминает о Бересте сдержанно.

Я знаю, чего ему стоит этот спокойный разговор. Жизнь Береста после войны сложилась трудно. Юность, озаренная вспышками подвигов, не выдерживала ровного будничного света. Берест метался. Его мягкая и романтическая сущность оделась в колючий панцирь. Окружавшие его люди не всегда были осторожны с этой натурой, способной выдержать осколочные и пулевые ранения и не выносившей булавочных уколов. Эх, да что теперь говорить! Нет Береста...

Кузьма Гусев в кабинете Геринга

Я все пытаюсь выпросить у Гусева, что он ощущал и чувствовал, когда с горсткой бойцов под ураганным огнем бежал по ступеням парадной лестницы рейхстага. Но прежде чем говорить о Берлине, Кузьме Владимировичу необходимо рассказать о Могилеве. Он утверждает, что и при прорыве ленинградской блокады, и в Прибалтике, и при освобождении Варшавы, и при форсировании Одера, и, наконец, на Шпрее всегда помнил июль 1941 года, защиту Могилева. Двадцать дней и двадцать ночей сплошные атаки, рукопашные схватки в окружении. Оборона Могилева, по мнению Гусева, в прямой связи со штурмом Берлина.

Только тот, кто не пережил 1941 года, не согласится с ним.

Бой непосредственно за рейхстаг Кузьма Владимирович определяет как двухдневный. В ночь с 29 на 30 апреля в здании Министерства внутренних дел, которое нашими бойцами было названо «домом Гимmlера», батальон Неустроева, где Гусев был адъютантом, изготавливался к атаке.

Было получено пополнение: выздоровевшие, прибывшие из госпиталей, юноши 1926 года рождения, а еще — интересный народ — только что освобожденные узники и пленники из тюрем и лагерей. Гусев и его товарищи вспоминают: первым добежавшим до ступеней с красным флагом в руках и сраженным в том последнем бою, был Петр Пятницкий, молодой (по тогдашним нашим представлениям) солдат, прошедший два года в гитлеровском концлагере. Он был освобожден из плена раньше и успел уже проявить себя в боях на пути в Берлин.

Гусев и его товарищи — это была штурмовая группа, человек сто — ворвались в рейхстаг с западной стороны. Внутри здания удалось сначала захватить небольшую комнату и коридор. Здесь атакующие оказались отрезанными от основных сил дивизии.

Оборонявшие рейхстаг эсэсовцы подожгли шкафы с бумагами. Возник пожар, бойцы штурмовой группы задыхались в дыму. Командир полка полковник Федор Зинченко успел передать, что разрешает батальону покинуть

Комбат Степан Неустроев (слева) и
адъютант батальона Кузьма Гусев

рейхстаг, переждать пожар, а потом снова повести бой. На войне начальники не дают советов, они приказывают, и разрешение командира полка было приказом... Но произошло нарушение дисциплины, за которое потом ни с кого не взыскивали.

Гусев, Берест и другие товарищи — рядовые автоматчики — устроили короткое совещание, которое тут же в шутку было названо «военным советом». Прерванная связь позволила бойцам послушаться приказа командира. Они решили из рейхстага не выходить. Схватка продолжалась.

В дыму был обнаружен выход на второй этаж, капитан Ярунов вступил в бой там. Был захвачен купольный зал.

Перед тем, как Берест повел Егорова и Кантарию ставить флаг 756-го стрелкового полка на ребрах купола рейхстага, батальон закрепился в центре здания.

Когда на куполе заплескалось знамя Победы, на стенах, карнизах и колоннах, на разных уровнях тоже вспыхнули флаги, установленные героями из нескольких частей: участвовавших в штурме, входивших в состав корпуса, которым командовал генерал Семён Никифорович Переверткин. Мы вспомнили это имя и вновь загоревали. Семен Никифорович, не раз смотревший смерти в глаза в бою, погиб при авиационной катастрофе уже в мирные времена...

Мы склоняемся над картами и схемами. Кузьма Гусев сурово насупился. Горячий патриот первого батальона, он говорит только о своих бойцах. Я не прерываю его и не спорю, хотя знаю, что и другие батальоны участвовали в штурме. Здание рейхстага слишком велико, чтобы можно было предположить, будто его захватили сто человек. Тем более, что сам Кузьма Владимирович считает: в боях за рейхстаг было убито и ранено 2500 солдат и офицеров противника и захвачено 2600 пленных.

Такие трофеи не под силу сотне смельчаков, а надо учесть еще, как яростно сопротивлялся враг.

Но Гусев — не историк, даже не очевидец — он частица того боя...

Гусев дает интересное объяснение, как возникли первые подписи на стенах и колоннах:

— В частях, находившихся в непосредственной близости к рейхстагу и нацеленных на штурм, готовились флаги и флажки. Флагов, выданных Военным советом третьей ударной армии было девять. Один из них и был установлен Михаилом Егоровым и Мелитоном Кантария.

Были подготовлены флаги и в стрелковых частях корпуса Переверткина, и в приданных артиллерийских бригадах, и у танкистов.

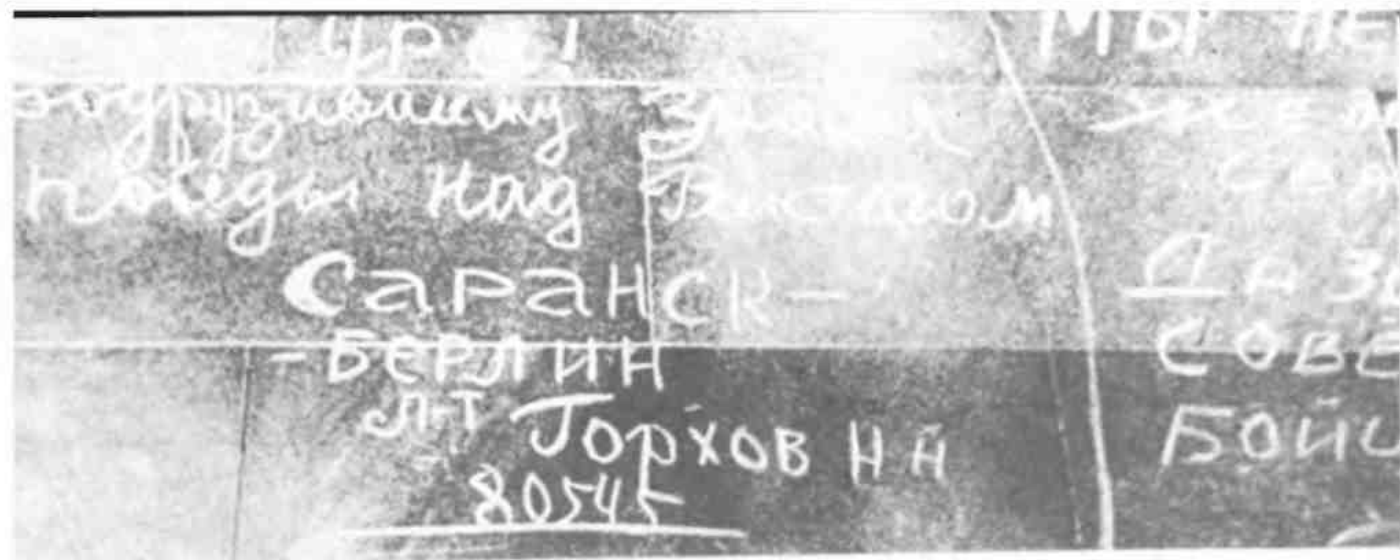
На полотнищах некоторых флагов были написаны номера частей. Флаги и флажки втыкали в образовавшиеся в камне расщелины, привязывали к выступам и колоннам.

Некоторые бойцы, ставшие знаменосцами, писали на материи свои фамилии. Так лейтенант Рахимжан Кошкарбаев, лежа на земле в 300 метрах от ступенек, написал химическим карандашом на флаге, не имевшем древка, номер полка 674 и фамилии — свою и своего напарника разведчика Григория Булатова. А вот знаменосец Михаил Еремин (из батальона К. Самсонова) был ранен в голову при штурме и привязал свой флаг к колонне окровавленным бинтом, а написать на флаге ничего не успел. «Безымянных» флажков было немало, поэтому, закрепляя флажок, бойцы штыком, кинжалом, осколком — уже не на полотнище, а около, на штукатурке, выцарапывали свою фамилию, либо слова, казавшиеся им тогда необходимыми.

И товарищи, находившиеся рядом тоже ставили свои имена. Таким образом, первые подписи на рейхстаге явились дополнением к установленным на здании знаменам, флажкам и флагам, как бы автографами под флагами. Вот интересное и кажущееся мне достоверным объяснение — как родилась традиция.

Под одним из флагов, установленных солдатами батальона Неустроева, старший лейтенант Кузьма Гусев тогда начертил:

МЫ ИЗ РЯЗАНИ.

СУРОВЫЙ МСТИТЕЛЬ С ОТКРЫТЫМ СЕРДЦЕМ

Владимир Зиновьевич Шептун учительствует вот уже почти сорок лет. Свою преподавательскую работу он начинал неподалеку от песенной Каховки, после окончания педагогического института.

В той же школе, которой он заведовал, работала учительницей Ольга Петровна Левитан. Молодые люди полюбили друг друга, поженились. В 1933 году у них родился сын — его назвали Виталием, а в 1938 году — дочь, ее назвали Анной. Хорошо жила эта семья; любили они петь под гитару, любили с детьми и учениками выезжать по воскресеньям на Днепр.

В день, когда Виталику исполнилось восемь лет, началась война.

Сурово смотрел учитель в сторону Днепрогэса — там в небе вились вражеские самолеты, клубились разрывы зенитных снарядов. Чтобы хоть как-то помочь колхозникам, учителя водили детей на поля убирать оставшийся без присмотра урожай.

В августе воздушный десант и танковый рейд противника отрезали этот район. Плотина Днепрогэса была взорвана, хлынула вода, залила улицы.

20 августа 1941 года район очутился «под немцем».

На стенах домов, однако, забелели листовки: «Смерть фашистским оккупантам».

Начавшиеся аресты обрушились на головы учителей. Четырех учителей из Горностаевки.

В. З. Шептун в Берлине

В родной Горностаевке

в том числе Владимира Шептуна, увезли в Запорожскую тюрьму. В камере было тридцать человек, среди них — секретарь Каменского райкома партии, схваченный в окружении.

Под конвоем, окружив овчарками, заключенных водили на восстановление Днепрогэса. Когда шла колонна, по обочинам дороги стояли люди, пытались передать узникам что-либо из еды. Так длилось не день, не месяц — весь сорок второй, часть сорок третьего...

Каждой ночью двор тюрьмы и оставшиеся в камерах слышали лязг лопат и возгласы: «Прощайте, товарищи!» Шептуна истязали на допросах, требовали признания о подпольной организации. Добивались: не приходится ли его жена, Ольга Левитан, родствен-

ницей московскому радиодиктору Юрию Левитану.

Наконец ничего не добившись от учителей и не имея против них никаких улик, полиция выгнала их из тюрьмы. Это чудо, но такие случаи бывали при приближении Советской Армии. Страх перед возмездием заставил полицейских хитрить перед гестаповцами и выслуживаться перед жертвами своего палачества.

Ужасную весть узнал Владимир Зиновьевич, выйдя из тюрьмы: еще весной 1942 года возле Верхней Хортицы фашисты расстреляли его жену Ольгу Левитан, недожившего до девяти лет Виталика и маленькую Анну. Шептун остался один на земле. Горе вело не к отчаянию — к оружию. Шептун подался в партизаны. Это был маленький отряд, по существу группа из бежавших военнопленных. Они имели на всех лишь три автомата, несколько винтовок... Но ожесточенное желание сражаться делало их силь-

ными. Им удалось связаться с наступающей дивизией и оставить своим несколько «языков», а потом они стали проводниками на Днестре.

Шептун вступил в ряды армии, его взяли в 60-ю гвардейскую дивизию, так что он сразу стал гвардейцем.

Правобережная Украина, Молдавия, Польша — вот боевой путь мстителя из Горностаевки.

19 апреля 1945 года батарея, где наводчиком орудия служил Владимир Шептун, вступила в

Берлин... Учитель участвовал в наступлении на Франкфуртер — аллее и Унтер-ден-Линден. Снаряды Шептуна были прямо нацелены в сердце врага. Владимир Зиновьевич — человек обстоятельный, об этом свидетельствует и его подпись на камне, обведенная чертой — чтобы другие подписи не затеряли его автографа.

Почти сразу же после войны был специальный Указ Верховного Совета СССР о демобилизации учителей.

Шептун вернулся в свою родную Горностаевку. Побывал в Хортице у рва, где расстреливали... Мучительное и страшное оставалось с ним рубцом на сердце. Но надо было начинать жизнь сначала. И вместе с односельчанами и учениками он восстанавливает свою школу, директором которой его назначили.

Работал, не позволяя себе пасть духом. Потом встретил хорошую женщину, вдову солдата. На военных руинах двух семей сложили они свою жизнь... Когда родился сын, назвали его в память о первом сыне Шептуна Виталиком. Виталий Шептун-второй отслужил уже службу на границе и работает ныне в Херсоне, на заводе Коминтерн.

А Владимир Зиновьевич директорствует в школе и преподает историю.

Историю общества, гвардейцем которого он является.

ДЕЛО О ПОДЖОГЕ РЕЙХСТАГА

Ты помнишь это дело о поджоге
Рейхстага?

Давний тридцать третий год...

Огромный Геринг, как кабан двуногий,
На прокурорской кафедре встает.

Еще не взят историей к ответу,
Он хочет доказать неправду свету,
«Рейхстаг большевиками подожжен!»

Но вот пред всеми — смуглый, чернобровый —
Встал подсудимый. Чистый и суровый,
Он в кандалах, но обвиняет — он!
Он держит речь, неистовый болгарин.
Его слова секут врагов, как жгут.
А воздух так удушлив, так угарен, —
На площадях должно быть книги жгут.

...В тот грозный год я только кончил школу.
Вихрастые посланцы комсомола
Вели метро под утренней Москвой.
Мы никогда не видели рейхстага.
Нас восхищала львиная отвага.
Болгарина с могучей головой.

Прошло немало лет.

А в сорок пятом

Тем самым, только выросшим ребятам
Пришлось в далеких побывать местах,
Пришлось ползти берлинским Зоосадам...
«Ударим зажигательным снарядом!»
«Горит рейхстаг! Смотри, горит рейхстаг!»

Прекрасный день — тридцатое апреля.
Тяжелый дым валит из-за колонн.
Теперь не выдумка — на самом деле
Рейхстаг большевиками подожжен!

О СВОИХ КОМИССАРАХ

В песне-марше бывшей 171-й Краснознаменной Идрицко-Берлинской ордена Кутузова стрелковой дивизии — есть такие слова:

Самсоновцы, наши герои
Сломили твердыню рейхстага.
И поднял над нею Еремин
Полотнище алого стяга.

Рядом со знаменитой 150-й дивизией, ставшей героиней последнего штурма, сражалась на берегах Шпрее, на Королевской площади и в рейхстаге эта самая 171-я. Быть может, не историку и не ветерану цифры 150 и 171 мало о чем говорят. Однако это высокие и важные наименования, которые стоит знать. Тем более, что дивизии — как бы побратимы. Обе они были Идрицкими и стали еще и Берлинскими, а значит, задолго до последнего боя взаимодействовали и сражались плечом к плечу. Маленькая Идрица на Псковщине широко

прославилась подвигами своих освободителей. В толстостенной пачке откликов на мою статью в газете «Красная Звезда» я обратил внимание на письмо полковника в отставке Ивана Феокистовича Топорова, который был начальником штаба 171-й дивизии. Меня тронуло то, что полковник с любовью, с чувством, которое не назовешь иначе, как отеческим, рассказывает о молодом командире полка Викторе Дмитриевиче Шаталине. Правда, по возрасту Шаталин на год старше Топорова, но был помоложе по должности, по званию, по боевому опыту. Топоров — кадровый военный, Шаталин из гражданских. Впрочем, оба они пришли к победе тридцатилетними... Письмо Ивана Топорова мне, как писателю, ищущему характер и образ человека, больше говорило о самом Топорове, чем о Шаталине. Я понял, что Топоров — скромняга и четкий штабист. Что ни строчка, то рапорт. И все же я узнал и почувствовал обстановку: полк уже в Берлине, командир смертельно ранен, его заменяет майор Шаталин. Полк врывается в тюрьму Плетцензее и осво-

бождает более двух тысяч заключенных. И дальше, вперед, через Шпрее (мост Мольтке), к рейхстагу.

30 апреля бойцы Шаталина зацепились за рейхстаг, за тот край здания, что выходит к Шпрее — это южная сторона.

Воспетый в песне Михаил Еремин вместе с Григорием Савенко, который, очевидно, не уместился в строку песни, устанавливают флажок на колонне. Константин Самсонов (в прошлом — московский метростровец), тоже попавший в песню, был командиром батальона в полку Шаталина. Интересно было узнать, что Шаталин сейчас на заводе — ударник коммунистического труда.

А все же мне было досадно, что бывший начштадив так сдержанно, скупой рапортует о командире полка, которого конечно любит. И я прямо-таки подпрыгнул от радости, когда в очередной пачке писем увидел на конверте фамилию — Шаталин. Ну уж, наверное, майор сам расскажет о себе!

Но я ошибся. Владимир Шаталин писал о командире батальона, первым перерезавшем кольцевую автостраду, Константине Самсо-

Заместитель командира полка Ш. Х. Килькеев

Командир полка В. Д. Шаталин

нове, о сержанте и стрелке, установивших флажки. Потом он восторгался товарищами из соседней дивизии и своими подчиненными. Горько и строго записал майор — «Были ранены или убиты почти все командиры взводов и рот...»

Шаталин как бы извинялся, что, мол, не подходит он для моего поиска, поскольку сам на стенах рейхстага не расписался:

«Было как-то не до этого... Мы все настолько устали и были измотаны, что я, например, иногда под конец путал — вечер или утро, и как только был дан отбой — хотел спать, настолько хотел, что из рейхстага среди общего веселья и ликования шел, спотыкаясь, и думал, что вот в эту лужицу я бы лег, и несмотря ни на что, заснул бы. Потом спустя некоторое время я побывал в рейхстаге, он был весь исписан. Но и тогда я не оставил там своего автографа. Насколько рейхстаг мне был угарным...»

Ага, прорвало-таки Шаталина, написал наконец о себе! Ну, наверное, дальше он развернется, расскажет о своей жизни. Но я опять ошибся. Шаталин взялся за перо, чтобы перечислить имена своих солдат и офицеров и «рассказать об одном человеке, который трижды достоин, чтобы о нем знали».

Виктор Шаталин называет этого человека — Килькеев Шахим Хусаинович. Заместитель командира полка по политической части, майор, он оказывается, в Берлине был всегда там, где страшнее всего.

«С наступлением темноты 30. 4. 45 он увлек меня перенести КП в рейхстаг и сам взялся провести людей до швейцарского посольства через бушующую огнем площадь».

Шаталин тоже, как и полковник, рассказавший о нем, виден и понятен мне как личность, хотя говорит не о себе, а о своем замполите. Я думаю, что только хорошие люди могут так восторгаться своими товарищами, как это — искренно и сдержанно — получается у Топорова и Шаталина.

Шаталин сообщил, что замполит после войны доучивался в Ленинградском горном институте, сейчас — доцент этого института, кандидат наук.

И все же мало, скупо написал Шаталин о Килькееве. Я подумал: напишу Килькееву, он тоже не о себе сообщит, а еще о ком-то... И решил не писать. А недавно я узнал, что в стенах Ленинградского горного института собираются ветераны 171-й Краснознаменной Идрицко-Берлинской ордена Кутузова стрелковой дивизии и заперщик всего этого дела, конечно доцент Килькеев.

Он разыскивает товарищей по дивизии, (подготовил памятную книжку с их адресами) он по-прежнему — комиссар, в самом красивом и глубоком смысле этого слова.

У меня скопилось немало писем от однопольчан Шаталина и Килькеева. Интересно, что у всех у них почти правило — не о себе рассказывать, а о своих товарищах, о подруге. Признаюсь, я даже иногда злился на них — ведь просил же, чтобы рассказали о себе. А потом я почувствовал, что все равно мне с ними не

справиться, есть личность посильнее, которая их в таком духе воспитала и воспитывает. По-видимому, это комиссар Шахим Хусаинович Килькеев.

Вот опять пришло несколько писем, среди них письмо о Герое Советского Союза подполковнике А. Сотникове. Письмо о том, что не смог герой рейхстага расписаться на колонне. При штурме, в нескольких метрах от цели, он, начальник политотдела дивизии, был тяжело ранен — потерял ногу.

Вот какие комиссары были в этой дивизии! Я всегда буду взволнованно думать о них, учиться у них мужеству, убежденности, беззаветности и редкому, и великому умению строить характеры людей.

ДОШЛИ!

В городе Брянске проживает бывший воин, путь которого на Великой Отечественной войне прошел между двумя крайними точками. Судите сами: пушки, которыми командовал Николай Любезный в ноябре 1941 года, вели огонь с рубежа, являющегося ныне окраиной новой Москвы. Это Химки, там стоят многоэтажные дома, туда идут поезда метро, троллейбусы. Может быть, в 1941 году эти кварталы еще были полями и перелесками, но страшно сейчас вспомнить, как это близко от Кремля и в каком положении мы тогда оказались. Все это было близко к отчаянию. Стратегически... Тактически... Но не духовно.

И молодой артиллерист Николай Любезный, словно бы оттолкнувшись от самой Москвы спиной, пошел вперед, к Волоколамску, тоже не очень далекому от столицы городку. Шел он долго и закончил войну на Королевской площади Берлина. Так что путь его можно было бы обозначить: Химки—рейхстаг.

А между этими крайними точками было много сражений и горя, и радости, и были знаменитые Понеры, где тяжелые гаубицы били по наступающим танкам «тигр», и сражение не утихало ни днем, ни ночью, считай, целый месяц.

А потом Николай Любезный, командир батареи, вновь пошел на запад, шел через те места, где в детстве бегал босиком, и родное свое село Зерново увидел на крупномасштабной карте почти рядом с маршрутом движения гаубиц.

С хорошими товарищами, с людьми высокого сердца служил Николай Любезный. Узнав о том, что малая Родина капитана Любезного здесь, рядом, в разграничительных линиях соседей и, кажется еще не освобождена, комбриг полковник Сазонов (позднее — генерал, Герой Советского Союза) собрал батарейцев и спросил: кто хочет как доброволец сопровождать капитана Любезного в родное село? Все артиллеристы, все как один, шагнули вперед.

Н. Ф. Любезный. 1944 г.

На войне бывают ситуации, которые могут показаться придуманными, литературными. Капитан оказался вблизи родной деревни. Она в руках врага. Часть не имеет задачи освободить эту деревню, она должна после короткого отдыха двигаться дальше. Капитан с группой добровольцев, рискуя жизнью, заходит на пепелище, встречает жену, детей... Но это не придуманная история, так бывало, так было, а писатели не сочинили ее, а взяли из жизни. Одна из таких неправдоподобно хрестоматийных историй — приход Любезного в свою деревню.

Вот как вспоминает этот эпизод Герой Советского Союза подполковник запаса Николай Любезный. Письмо его адресовано старому товарищу, бывшему политруку, а ныне тоже подполковнику запаса И. Гуревичу, проживающему в Самарканде.

«...Нас было 11 человек. На рассвете 4 сентября оврагами, лощинами, где бегом, где ползком мы подобралась к месту, где должен был стоять наш дом. Село было начисто сожжено. Только холмики землянок да трубы сгоревших изб. Открываем один погреб — нет. Следующий погреб, еще один, еще... В них дети и женщины. Мы уже потеряли надежду кого-то из родных найти, время на исходе. И вдруг из глубины одной ямы голос:

— Николай Федорович, это вы? Я ваша ученица.

Взяла за руку и потянула в землянку. Спускаясь со мной в подземелье, она громко кричит: «Наши пришли!»

На нее сначала зашикали, а потом выскочили дети. Повисли на шее. Вылезли жена и ее сестра.

Истощенных, полураздетых, как ты помнишь, мы привели их на огневые позиции нашего дивизиона.

Ты, вероятно, помнишь эту картину! Один вид жены и детей лучше любого агитатора подействовал на солдат. Затем приказ на наступление в район хутора Михайловского, затем — на город Глухов. Ну, об остальном ты знаешь».

Путь Николая Любезного от Поньрей на Запад точно совпадает с моим путем, у меня в записной книжке даже сохранилось название его села — Зерново.

Мы на одних и тех же участках — переправлялись через все реки, пересекавшие дорогу на Берлин: через Днепр у Лоева, через Буг перед Хелмом, через Вислу у Демблина, через Одер у Кюстрина.

И мне кажется, что я не раз встречал Николая Любезного, и даже когда нашел в газете его портрет, подумалось, что именно так он должен выглядеть — этот бесстрашный и веселый пушкарь, именно таким я представлял его себе.

Но мне не довелось с ним встретиться и мало что удалось узнать о нем из его письма: он не из тех, кто велеречиво и бахвалисто рассказывает о себе. Но у хороших людей бывают хорошие товарищи. Они и помогли мне сло-

жить для себя образ Николая Любезного, которого я все-таки никогда не видел. Это человек храбрый, красивый своими поступками, и, наверное, потому всегда он окружен друзьями.

Армия есть армия. Как бы не были близки по духу начальник и подчиненный, тем более — офицер и рядовой, все равно они соотносятся друг с другом на основе дисциплины, подчинения младшего старшему. Но вот есть такие офицеры — и это характерно именно для нашей Советской Армии, к которым идут, помимо всего полагающегося по субординации, волны человеческого тепла. И снизу, и, что называется, — из шеренги, и сверху. Вот к таким людям в полной мере относится Николай Любезный.

86-я, тогда еще не Берлинская, но уже Краснознаменная ордена Богдана Хмельницкого тяжело-гаубичная бригада резерва Верховного Командования во время штурма рейхстага сопровождала войска стрелкового корпуса, которым командовал генерал Переверткин.

Участвовать в последнем сражении Великой Отечественной войны только снарядами — этого не могли выдержать ни Любезный, ни его товарищи по бригаде!

Артиллеристы, все, кроме орудийных расчетов, прорывались в рейхстаг плечо к плечу со

стрелками 756-го полка, ставшего знаменитым в самом точном и глубинном смысле этого слова,— знамя на куполе рейхстага было установлено разведчиками этого полка.

Флаги были розданы пехоте: не предполагалось, что артиллеристы могут ворваться в рейхстаг. А они, оказывается, имели такое намерение и накануне штурма, 29 апреля, приняли на партийном собрании решение: «Флаг 2-го дивизиона 86-й гаубичной бригады водрузить первыми. Ответственные — коммунисты». И все фамилии коммунистов — под решением!

Сержант Байдамир Япаров нашел в городе серебряную ацетоновую краску, написал ею на красном флаге номер бригады и свою фамилию.

30 апреля вместе с пехотой полковника Ф. Зинченко в атаку пошли артиллеристы. Свои гаубицы они сумели подкатить близко и били прямо по первому этажу. Орудия 6-й батареи Николая Любезного вели огонь с Королевской площади. А группа артиллери-

9 мая 1970 г. Н. Ф. Любезный (второй слева) и другие ветераны 86-й бригады в г. Уральске у могилы сержанта Игнатова, орудие которого первым открыло огонь по рейхстагу

Герой Советского Союза
подполковник запаса Н. Ф. Любезный
в родном Брянске на пионерском слете

37

стов, в который был и Николай Любезный, бросилась вперед. Артиллеристы сумели добежать до колонн. Сержанта Япарова подняли, посадили наверх, и ему удалось укрепить свой флаг на уровне второго этажа, на колонне.

Когда бой начал стихать, оказалось, что запасливый Байдамир Япаров захватил с собой флягу с серебряной краской и кисть. Капитан Николай Любезный размахисто написал:

ДОШЛИ

И если вспомнить, что Николаю Любезному пришлось отбивать атаки противника у стен Москвы, в Химках, то это слово, да еще серебром написанное, приобретает прямо-таки торжественное значение. Долго красовалось оно на стене, привлекая внимание и обрастая все новыми и новыми подписями.

КРЕСТ НА ШЛЕМЕ КРЕСТОНОСЦА

В вестибюле рейхстага колонны вырастают не от пола: они берут начало на крепкой стене. А вдоль стены, под колоннами — вырубленные из камня статуи рыцарей. 10 мая 1945 года капитан Анатолий Морозов, корреспондент газеты «Фронтовая иллюстрация», вновь пришел в рейхстаг. А в ночь с 8 на 9 мая Морозов снимал в Карлсхорсте подписание акта о капитуляции Германии. Это историческое событие происходило в здании инженерной школы, в зале, где недавно была курсантская столовая. Морозов выбрал хорошую «точку», отснял и маршала Жукова, приказывающего фельдмаршалу Кейтелю подойти к столу и поставить свою подпись, и флаги держав-победительниц под потолком, и союзников, и даже нашу братию — притихших от волнения и ошалевших от счастья деятелей корреспондентского корпуса.

Весь день девятого, когда ликовала Победа, Морозов возился со своими пленками. Слава богу, почти все кадры удались — ни одного бракованного.

Морозов удивился — все эти четыре года съемки были особые: то земля залепит объектив, то вместе с аппаратом приходится кланяться пуле — и кадр сорвался. Ну, и выходило не все, что снимал. А тут — один к одному все снимки, что картинки.

Потом пришлось ехать на дальний аэродром, вручать летчику пакет для доставки в Москву. И вот наступило 10 мая... Для Анатолия Морозова это был первый спокойный день, и капитану с фотоаппаратом очень хотелось снять какой-нибудь сюжет, свидетельствовавший о том, что война закончилась. Клонило ко сну, усталость ломила плечи. Но в такой день не уснешь!

И его вновь потянуло к мрачной глыбе здания рейхстага, где сразу же после 1 Мая он снимал тех, кто водрузил знамя на куполе. Репортер поднялся по лестнице. Тут много объектов для съемки.

Морозов начал взводить затвор и вдруг обнаружил, что пленка в аппарат не вставлена. Боже мой, такого с «ассом объектива» не случалось ни разу за всю войну. Впрочем, я могу засвидетельствовать, что не только в военные годы, никогда в жизни такой оплошности вообще не числилось за Анатолием. Я знаком с ним с 1932 года: мы работали тогда в редакции «Пионерской правды» и ездили в совсем юные подмосковные колхозы. Всегда Морозов был готов к съемке!

И вдруг — незаряженный фотоаппарат! Уж не сказалось ли то, что в эти дни артиллеристы зачехляли орудия, а минометчики складывали невыпущенные мины в железные ящики?

Капитан Морозов присел на мешки с песком, оставшиеся в вестибюле от обороны рейхстага, и стал вправлять пленку в фотоаппарат. В вестибюле рейхстага было пустынно. Сквозь образованные снарядами проломы лились солнечные полосы. Гулко отдались чьи-то тяжелые шаги. Морозов увидел нашего солдата в пилотке, выцветшей гимнастерке и порывавших сапогах с винтовкой в левой руке. Солдат в правой руке держал кусок мела и время от времени нянчил его на ладони. Подойдя к каменному рыцарю, солдат нарисовал мелом на его темном шлеме — как раз надо лбом — четкий крест. Этот момент Морозов не успел снять. Досадуя и спеша, он вставлял пленку в аппарат.

Наконец, пленка была заряжена, репортер изготовился к съемке. Это потом, лет через пятнадцать, придумают название «скрытая камера». А нашим офицерам с фотоаппаратами и в голову не приходило таиться. Просто каждый боец выполнял свой воинский долг: у одного — затвор винтовки, у другого затвор фотоаппарата. А предупреждение «спокойно, снимаю» — это не для боевой обстановки. Ведь не говорят — спокойно: стреляю. На колонне, возвышавшейся над рыцарем, солдат расписался

ПЛАТОВ СЕРГ. ИВ. КУРСК — БЕРЛИН.

10. 5. 1945.

Ну, конечно, в этот самый момент Анатолий Морозов сфотографировал солдата. Платов не заметил, что его фотографируют. Каждый был занят своим делом — один расписывался, другой фотографировал. Снимок, сделанный Анатолием Морозовым, впервые был опубликован во «Фронтowej иллюстрации», но Платову на глаза он не попал. Зато осенью сорок пятого в «Крокодиле» был напечатан рисунок художников Кукрыниксы «Так писалась история». Художники в основу своей композиции положили снимок Анатолия Морозова и использовали в точности роспись минометчика. Сергей Иванович Платов держал в руках этот номер журнала, улыбался: нежданно-негаданно попал в историю... Берлин он помнил, а про рисунок вскоре забыл.

Потом снимок Морозова неоднократно публиковался, экспонировался на выставках и у нас в стране, и за рубежом.

Однажды товарищ корреспондента, вернувшись с берегов Камы, позвонил Анатолию Морозову:

— В Перми, я слышал, живет Сергей Иванович Платов. Не его ли ты снимал в Берлине?

Почему весть о Платове из Перми — ведь написано было Курск — Берлин. Надо разобраться!

В тот же день Морозов вылетел в Пермь.

В парткоме телефонного завода подтвердили — есть такой Платов С. И., слесарь-ремонтник.

В обеденный перерыв под сводами механического цеха собрались молодые рабочие. Их было человек полтора. Морозов вошел, держа в руках отпечаток фотографии Платова. Молодые парни рассматривали фотографию, но никто сначала Сергея Ивановича не узнал. Просто не складывались воедино давнишний и хорошо знакомый всем снимок,

Так Сергей Платов
нежданно-негаданно
попал в историю.

который всегда появляется в газетах в День Победы, и образ, тоже давно знакомый каждому: свой человек в рабочем халате поверх спортивного свитера — худощавый, с резким острым профилем. Но когда Платов начал говорить, стали слесарята пристальнее вглядываться в него и сравнивать с фото и признали, что это он на фотографии, только теперь на четверть века старше...

Платов говорил задумчиво, медлительно, как бы отбирая воспоминания — те, которые нужны именно сейчас. Все на фотографии точно. Хотя он и не курянин, но боевой путь начал на Курской дуге и кровь свою впервые пролил под Курском. Потому и посчитал правильным написать на колонне рейхстага **Курск — Берлин**. О Перми, родном городе, уже не с руки было писать. В тот день Платов бродил по рейхстагу впервые, присматривался — нет ли следов минометного огня, который вел его расчет.

О том, что Анатолий Морозов «взял его на объектив», минометчик и не догадывался...

Сергей Иванович повел Анатолия Морозова к себе домой, познакомил с женой, с двумя дочерьми. В деревянном доме, в уютной квартире показалось двум старым солдатам, что они давным давно знакомы.

На следующее утро Морозов отправился на аэродром, чтобы лететь в Москву, а Платов — к себе на завод. Не знаю, сохранились ли в вестибюле рейхстага статуи ливонских рыцарей. Если сохранились, у одного из них — крест на шлеме...

Вот, вкратце, все, что можно рассказать о надписи на капители колонны, стоящей в вестибюле рейхстага.

Но кроме росписи Сергея Платова, на колонне, над самым шлемом пса-рыцаря, внизу, на ее базе — четко видна надпись:

**ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА.
МАЙОР ЯКОВЛЕВ М. В.**

Надпись датирована тоже 10 мая, следовательно сделана в то же утро, только майор Яковлев побывал здесь чуть раньше рядового Платова.

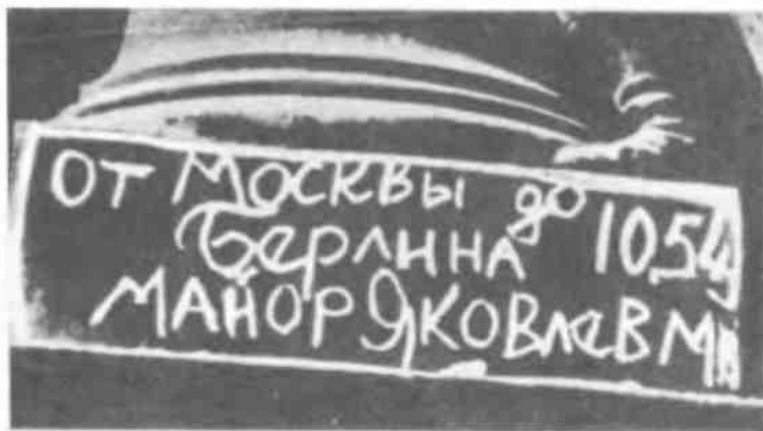

Яковлев — фамилия весьма распространенная, так что можно предположить — и майоров Яковлевых было несколько, и не один Яковлев дошел до Берлина.

С. И. Платов с женой и дочерьми

— Да, это я расписывался на колонне

Редакция журнала «Советский Союз» предприняла трудный поиск, и наконец в городе Смоленске был обнаружен старый авиатор Михаил Васильевич Яковлев. Правда, он уже не майор — ушел в запас подполковником. Он начал свой боевой путь в многострадальном 1941-м, отступал до Подмоскovie.

А на базе колонны в вестибюле он в самом сжатом виде записал путь наступления, в котором участвовал, — от Москвы до Берлина.

42

ДЕДУШКЕ БЫЛ 21 ГОД

Товарищи сменного мастера Ивана Воробьева на хлебоприемном пункте в Изобильном (Ставрополье) обратили внимание на напечатанную в газете фотографию стен рейхстага.

Там на видном месте был размашистый автограф Ивана Андреевича.

— Расписывался?

— А как же...

О многом мог бы рассказать этот нестарый и деятельный кубанец, да хватает в Изобильном сегодняшних забот, не до воспоминаний бывалому воину.

Но раз уж зашел разговор о военном прошлом, сообщу некоторые сведения о Воробьеве. Семнадцатилетним сжал он в руках автомат, и выпало ему нелегкое счастье начать боевой путь с освобождения своего родного Ставрополья. К родительскому порогу привел его

бой, и от этого порога дальше на Запад пошли сражения, в которых Иван Воробьев был, может, малой, но значительной боевой единицей. Юг страны пришлось исходить весь: освобождал Иван Воробьев и Ростов, и Таганрог, и Николаев, и Одессу, и Никополь, и Кишинев. Под Мелитополем ранили, два месяца провел юноша в госпитале, оттуда бежал, перехитрив врачей: спешил в свой полк. Наверное, не будь войны, никогда бы не встретить в жизни столько городов. А города не просто увидеть довелось — их надо было брать с боем, в них пришлось вползать на животе, а не входить! И за каждый из них Воробьев дрался столь же ожесточенно, как за свой родной порог на Ставрополье, в начале пути.

Фронтовая судьба уже двадцатилетнего Ивана Андреевича поставила на главное направление: Варшава — освободили Варшаву; Кюстрин — окружили Кюстрин, крепость на Одре. Гарнизон крепости пытался прорваться, но не вышло. Его окружили опытные войска, отлично справлявшиеся с любой фронтовой работой. Наши танкисты осваивали целехонькие «тигры» и «фердинанды», а Воробьев и его соратники-пехотинцы забирали в плен гарнизон. Старшине Ивану Андреевичу Воробьеву вручили под Кюстриным орден Красной Звезды. Так что дальше он пошел орденоносцем, написав на своей каске мелом, как многие тогда писали, — «Даешь Берлин!». Эти слова были начертаны на броне танков, на стволах орудий...

Бешено сопротивлялся враг в самом Берлине: дрались не только за кварталы, и отдельные дома, а за этажи, за комнаты.

Иван Андреевич говорит, что самое тяжелое сражение из всех, в каких ему пришлось участвовать, происходило в Берлине в последних числах апреля 1945 года.

Полк наступал вдоль по улице Унтер-ден-Линден в направлении Бранденбургских ворот. Грохот стоял такой, что острая боль давила на барабанные перепонки; дома горели, дым застилал все кругом, и Бранденбургские ворота не всегда было видно, хотя цель крупная и приметная.

В том сражении Иван Воробьев, старшина, замещал выбывшего из строя командира взвода, и выполнил эту работу, по-видимому, правильно — наградили орденом Отечественной войны...

Но битва была жестока и отчаянна, казалось, все — и силы и нервы — на последнем пределе. Даже некогда было подумать, что наступает 1 Мая. Из дня бой переключался в ночь, потом снова из дыма, громящая, появилось утро.

И вдруг дым начал развеиваться, а грохот затихать. И показались совсем близко Бранденбургские ворота, а на их гребне красный флаг.

Странная тишина ошеломяла, оглушала, быть может, еще больше, чем адский грохот, все нараставший в эти дни и так неожиданно оборвавшийся.

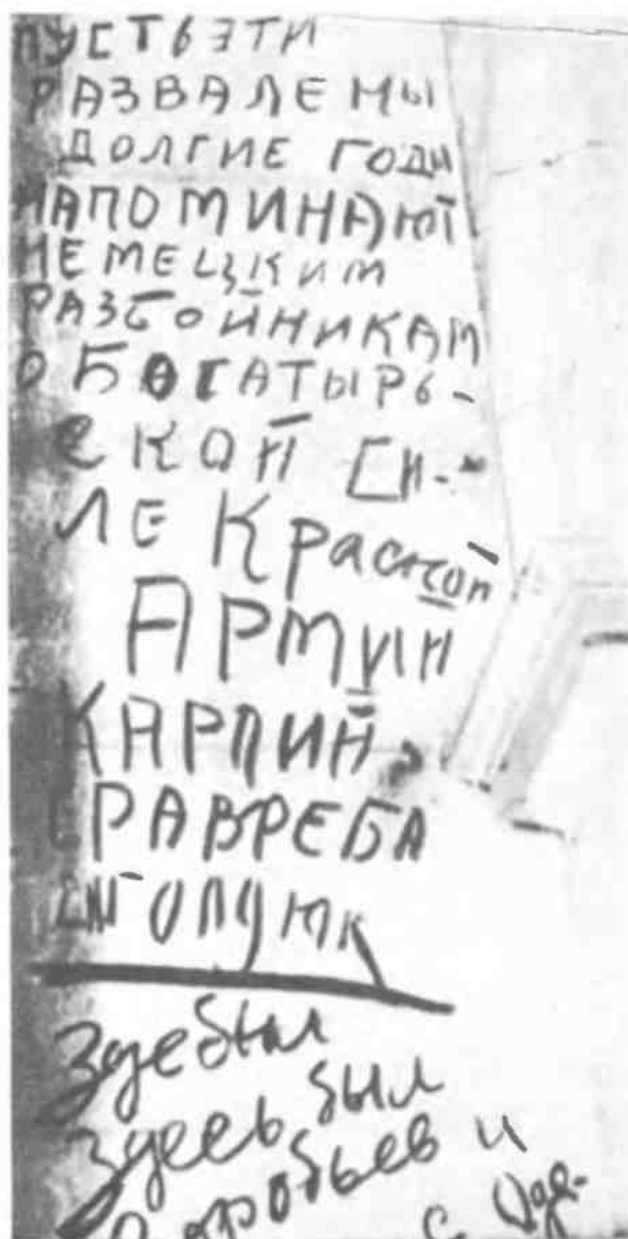
Иван Андреевич Воробьев и его соратники вышли из развалин дома, где гнездились их позиции. Комбат сказал, что, кажется, все, на рейхстаге наши водрузили знамя Победы... Тогда Воробьев с товарищами осмотрел Бранденбургские ворота и пришел к рейхстагу, где и расписался.

Это все было очень давно: тогда Воробьеву исполнился только 21 год, а теперь он уже дедушка — вот как время летит.

СЛУЖИЛИ ДВА ДРУГА В ОДНОМ ПОЛКУ

Это очень достоверно и очень даже типично: служили два товарища в одном полку. Не случайно и любимая довоенная песня так начиналась...

Но чтобы два друга не просто служили какое-то время в одном полку, а прошагали всю войну в одной части, к тому же это был не полк, а рота, которой выпал на долю и далекий поход на восток, и еще более далекий — на запад, — это уж случай редкий, поверьте мне.

43

Были два друга молодыми и в армию пришли оба из глухих сел. Один родился в Якутии, в юрте, а другой — в Чувашии, в курной избе. В юрте светили жировые плошки, в избе — лучина. И то и другое жилище теперь — музейная редкость, но разговор сегодня не о том.

Родившиеся уже при Советской власти, были они и пионерами, и комсомольцами, а с 1939 года пошли служить в Красную Армию и оказались на Украине, в авиации — связи

стами. Чуваши Федул Фомич Коннов был взят по специальности: он работал «на гражданке» телеграфистом на станции Канаш. А якут Феодосий Семенович Донской учился на рабфаке легкой промышленности в Москве и премудрости связи пришлось ему осваивать уже в армии. И на рассвете 22 июня оба они услышали свист бомб и увидели, как горят наши самолеты, не успевшие взлететь.

Это, наверное, был самый тяжелый и самый горький день в жизни двух друзей. Но зарядил он их сердца не просто болью — мужеством и верой, верой, что не может погибнуть их государство, а если погибнет — то это будет просто конец света. Значит, не может погибнуть.

Они шли на восток, а потом тем же путем на запад. Шли два друга — один рослый, другой — крепенький, но ростом невысокий, так ведь и бывает, что друзья друг на друга внешне не похожи. Один нетороплив и спокоен, другой — быстр и, что называется, реактивен.

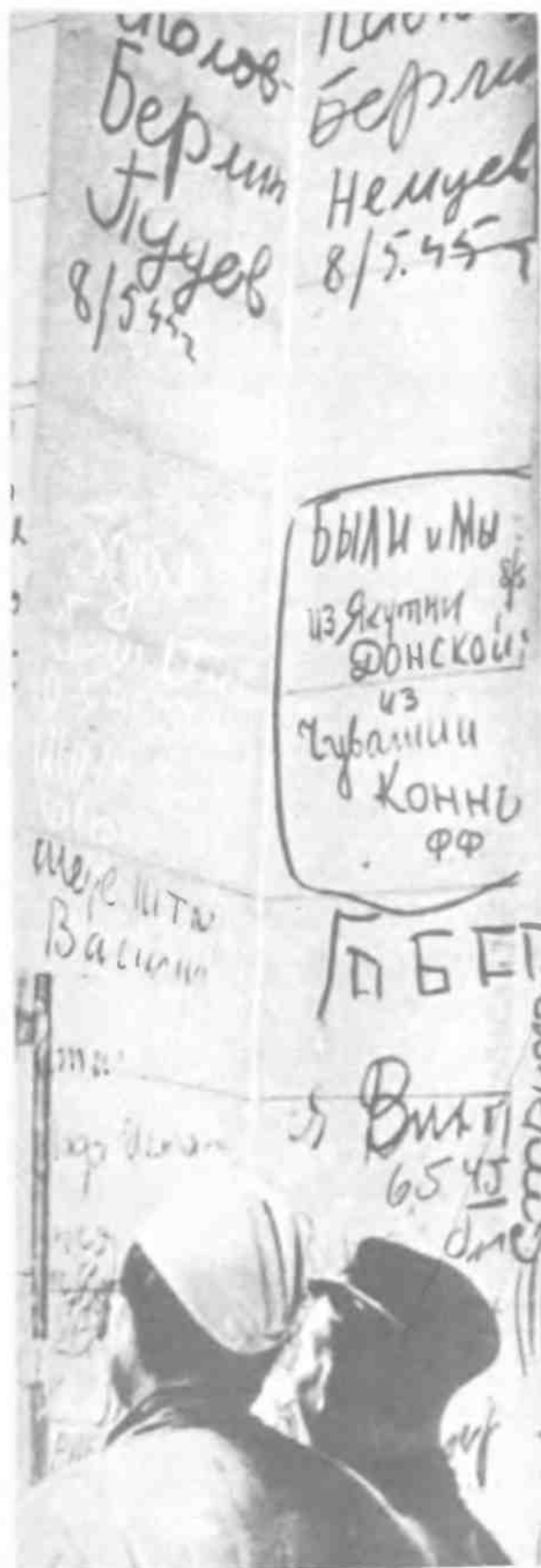
44

Были они оба комсомольцами, в армии, на фронте, стали коммунистами.

Когда Федула Фомича ранило, Феодосий Семенович скучал и волновался: как друг себя чувствует в лазарете, вернется ли по выздоровлении в свою часть; а Коннов тоже скучал и тоже волновался, хотя как всегда, виду не подавал. Его тревожило: как там воюют без него товарищи и увидит ли он их вновь. Но сумел он все-таки попасть опять в свою часть, и друзья продолжали путь вместе.

Телеграф, радио, телефон на аэродроме — важнейшая вещь. В нынешних условиях и при современной технике успешная боевая деятельность авиации просто немыслима без связи. Так что хотя и не летали Донской и Коннов, но с полным достоинством и правом могли говорить, что служат в авиации.

«Пусть живет в вашем сердце гордое сознание, что немалая доля ваших трудов заложена в победах, которые прославили знамена нашей армии», — сказал воинам по завершении войны в специальном письме Военный совет воздушной армии, которой командовал генерал (ныне маршал авиации) Красовский.

Ф. С. Донской теперь

Ф. С. Донской тогда

Ф. Ф. Коннов

Письмо это есть и у Коннова, и у Донского. Оно — как подтверждение их авиационной принадлежности.

Донской и Коннов в начале победного мая оказались на ранее принадлежавшем люфтваффе аэродроме под Берлином. Связисты уже попали в спокойные условия — ни обстрела, ни бомбежки, но летная работа еще продолжалась: летчики участвовали в освобождении Праги.

Выискав несколько свободных часов, связисты поехали к рейхстагу и оставили на колонне свои имена. Федул Коннов вспоминает, что ему пришлось стать на плечи низкорослого Феодосия Донского, чтобы расписаться на еще не занятом месте.

Два друга потом еще служили в армии, повидали Прагу и Вену, совершенствовались в своей специальности, очень нужной и в мирные времена. Война сдружила их крепко и тяжким было расставание в дни демобилизации.

Коннов, вернувшись в Чувашию, стал начальником отделения связи в Большом Сундыре, а Донской пристрастился к журналистике (он еще в начале войны был автором и редактором «Боевых листков», а в мирную пору стал редактором стенгазеты). В Якутске он работал и в газете, и на радио, и занимался переводами (в частности, переводил стихи Рабиндраната Тагора на якутский язык), а в последние годы ведет научную работу в Якутском филиале сибирского отделения Академии наук СССР.

Наверстывать упущенное время пришлось уж совсем взрослым: в сорок лет он завершил высшее образование, а сейчас готовится к защите диссертации. Зато уж две его старшие дочери студентками стали в свой срок, и есть все основания рассчитывать, что все шестеро детей Феодосия Донского нагонят отца. Да и три сына Федула Коннова растут правильно, в хороших мирных условиях. Среди учебников, которыми пользуются дети Донского и Коннова, есть книга по истории, а в ней фотография колонны рейхстага с надписью двух друзей, служивших в одном полку, их отцов — **Были и мы...**

КЛЮЧИ ОТ БЕРЛИНСКИХ ВОРОТ

Гвардейская пехота штурмовала подступы к Берлину. В те апрельские дни мне пришлось быть свидетелем интересного события. Мы с писателем Всеволодом Вишневским на «виллисе» догоняли наступающий полк. Вдруг со стороны Одера налетели штурмовики с красными звездами на фюзеляжах. Они шли совсем низко, словно бы искали цель для штурмовки. Мы, грешным делом, подумали, что авиаторы потеряли ориентир и сейчас ударят по нашей пехоте. Всеволод Вишневский поднял воротник своей черной морской шинели:

— С этими мальчиками: шутки плохи. Сейчас разнесут в пух и прах! Укрытый здесь нет, так что можно попрощаться...

Ведущий действительно что-то бросил в боевые порядки нашей пехоты. Странной конфигурации предмет медленно спускался на парашюте. Штурмовики сделали еще один заход, словно проверяли, замечен ли их маневр. Потом набрали высоту, покачали крыльями и полетели дальше на запад.

Герой Советского Союза
Аллаберды Агалиев

Мы с Вишневым подскочили к солдатам, ловившим гонимый ветром парашют. Оказалось, что летчики сбросили громадных размеров ключ, а с ним дощечку с надписью:

«Гвардейцы, друзья, к победе вперед! Шлем вам ключи от берлинских ворот. С вами гвардейцы-штурмовики Героя Советского Союза Белавина».

Через много лет бывший летчик, а ныне известный радиокомментатор Юрий Гальперин, рассказал мне, как он с товарищами ковал этот ключ в походной ремонтной «летучке». Я вновь встретил упоминание об этом ключе в письме кандидата исторических наук подполковника запаса Михаила Сухаря из Ашхабада.

Откликаясь на призыв рассказать о тех, кто расписался на стенах рейхстага, Михаил Сухарь сообщал о Герое Советского Союза Аллаберды Агалиеве.

Комсомолец из туркменского села Геркез был призван на срочную службу незадолго до войны. На рубеже реки Ирмень под Киевом он впервые вступил в бой и был впервые ранен. Он сражался под Сталинградом и был ранен вторично. Он сражался под Ростовом, где получил третье ранение.

Особо отличился пулеметчик Аллаберды Агалиев, на Сандомирском плацдарме. Его бесстрашные действия и личная отвага по-

могли решить исход тяжелого боя в нашу пользу. В марте 1945 года ефрейтору Агалиеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Как свидетельствует Михаил Сухарь, подарок летчиков-штурмовиков — ключ от Берлина, опустился на парашюте как раз в том месте, где шли в наступление Аллаберды Агалиев и его товарищи.

Герой Советского Союза Агалиев держал этот ключ в руках, с ним дошел до Берлина. Ворот, правда, которые были бы на замке, в столице германского рейха не оказалось. Были в двух шагах от рейхстага Бранденбургские ворота. Пространство между колоннами заложено кирпичом — неизвестно с какой целью: ведь ворота можно было обойти и слева, и справа, да к тому же мы наступали на рейхстаг с разных направлений и обязательно было проходить через Бранденбургские ворота.

Ефрейтор Агалиев хоть и получил от летчиков символические ключи, должен был проложить дорогу к рейхстагу очередями своего пулемета. И он проложил ее, дошел, ну и расписался на задымленной стене. А потом вернулся в Туркмению, получил высшее образование, снова, как в довоенном юношестве, работал в колхозе, а теперь является заместителем директора Ашхабадского училища сельского хозяйства.

В дни, когда отмечалось 25-летие Победы, готовилась телевизионная передача о тех, кто расписался на рейхстаге, я должен был ее вести и попросил ашхабадских кинооператоров найти Героя Советского Союза Аллаберды Агалиева, побеседовать с ним и заснять его на пленку. Операторы работу эту выполнили, но на участника штурма Берлина жаловались — сниматься не хочет, говорит: снимайте наших студентов-механизаторов, это куда интересней; о военных своих делах не рассказывает, мол, воевал как все, ничего особенного не сделал. Все-таки операторы сняли Аллаберды в училище и даже проникли к нему домой, и по центральному телевидению была показана вся семья героя; его рослые, могучие сыновья.

Я знаю этот характер и понимаю, как непросто кинооператорам было провести съемку. И тем более благодарен кандидату исторических наук подполковнику запаса Михайлу Сухарю за то, что он рассказал об Аллаберды Агалиеве, своем боевом товарище, туркменском колхознике, державшем в руках ключи от берлинских ворот.

ДОБРЫЕ УСЛУГИ

Если вы живете в Волгограде и вам необходимо произвести ремонт квартиры или пригласить няню для ребенка, вручить имениннику цветы, наколоть дров, реставрировать старую одежду и вообще получить помощь во всевозможных хозяйственных и бытовых делах, обращайтесь в Бюро добрых услуг.

Может быть, не сразу (извините, очередь...), но вам выпишут наряд, и заведующий Бюро добрых услуг подпишет его своим беглым почерком «Брызгалов, П. П.». А если вам доведется побывать в музее Вооруженных Сил в Москве, вы увидите в экспозиции фотографии стен рейхстага, и на одной из них такую надпись:

СТАЛИНГРАД — БЕРЛИН

БРЫЗГАЛОВ.

Между этими двумя подписями — на стене рейхстага и под нарядом на добрые услуги — более четверти века.

Но, рассказывая о подполковнике запаса Павле Петровиче Брызгалове, я вынужден начать еще с более далеких времен — с 1941 года.

Служил он на западной границе. Город, где стояла часть, носил женское имя — Лида. Был лейтенант Павел Брызгалов зенитчиком, но в первый день войны пришлось ему отражать натиск врага с винтовкой в руках в рядах мотострелков. В ту пору происходило

переворужение частей, и зенитчику без зенитки оставалось лишь с горечью грозить небу кулаком. Ну, погоди, придет еще наше время!

Под бомбежками и в непрерывных стычках с прорывавшимися и окружавшими немцами, по тяжелейшему пути отходила часть, где служил лейтенант: Лида — Вилейка — Минск — Витебск. Пришлось быть и офицером связи, и минометчиком в Вязьме и под Смоленском.

Подполковник запаса П. П. Брызгалов — заведующий Бюро добрых услуг

1 сентября 1941 года — этот день особо запомнился Павлу Брызгалову: под Ярцево, на реке Воль, 152-я стрелковая дивизия, в которую попал молодой лейтенант, прорвала оборону противника и продвинулась на 12—15 километров на запад. Было взято много пленных, уничтожено много вражеской техники.

Минометная рота, которой командовал зенитчик Брызгалов, немало содействовала знаменательному успеху под Ярцево, хотя понесла очень большие потери.

А все же бойцы почувствовали свою силу. Значит, можно бить их! Можно наступать! Можно остановить и отбросить врага!

После многих тяжелых боев в редкостно холодном и уже снежном октябре дивизия попала в окружение под Вязьмой. Брызгалов тогда вновь получил работу по специальности — стал командиром зенитного взвода. Но специализироваться пришлось не только по небесным, но и по земным целям. И по самолетам били, и по танкам. Сражались в кольце, гибли, умирали от ран. Но теперь в истории выкристаллизовалось: тяжелые бои под Вязьмой все же задержали и расстроили наступление врага на Москву.

Брызгалов и его товарищи выходили из кольца по-партизански и, как ни тяжело пришлось, вышли, вновь встали в строй.

В 1942 году Павлу Брызгалову опять выпало испытать чашу горечи. Тяжелые оборонительные бои пришлось на долю его подразделения в районе Тим — Касторное — Ливны. Зенитный дивизион сражался с танками противника и три из них подбил. Но танки прорвались на командный пункт дивизиона. Брызгалов видел героическую гибель своих командиров и товарищей, сам чудом уцелел.

В августе он оказался под Сталинградом в составе 35-й гвардейской стрелковой дивизии. Мне приходилось бывать в этой дивизии в те времена и я хорошо помню, из каких людей она комплектовалась. Это были, в основном, парни воздушнодесантных бригад, не раз участвовавшие в самых отчаянных операциях и

в тылу противника и на сложнейших участках фронта. На их гимнастерках с голубыми петлицами мы впервые увидели гвардейские знаки.

Нормой в 35-й гвардейской и еще нескольких дивизиях с близкими этому номерами, укомплектованных десантниками, были бесстрашие, бесшабашность, прямота. Я думаю, что о них мало написано книг только потому, что парни эти попали на самый жестокий участок и заслонили собой Сталинград, и мало осталось в живых тех, кто мог бы написать книги. Вот в какую дивизию назначили Павла Брызгалова командиром взвода. В такие части, выходившие под гвардейскими знаменами на первый свой рубеж, брали только самых безупречных и испытанных огнем.

Дивизия шла занимать оборону, находилась в районе станции Котлубань, когда мощная вражеская группировка прорвалась к Сталинграду. (Это было в ночь на 23 августа — дата, запомнившаяся всем участникам великой Волжской битвы и вошедшая во все исторические труды, мемуары и справочники).

Не успев развернуться, застигнутая на марше дивизия преградила путь врагу и атаковала. Это был неравный и кровавый бой страшной силы. Достаточно вспомнить, что в районе Котлубань наши войска не пропустили немцев к городу.

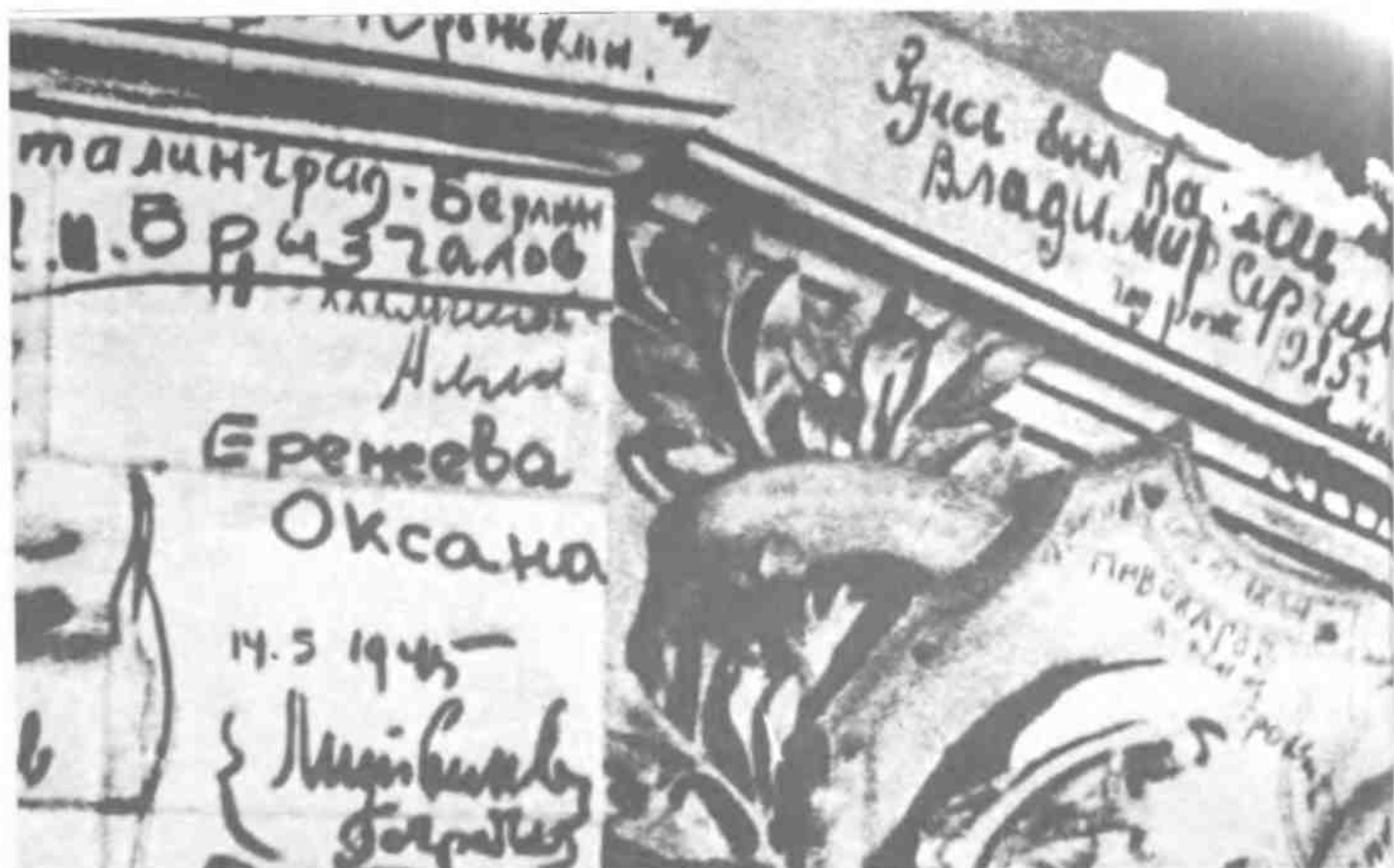
Павел Брызгалов видел, как упал тяжело раненный командир роты Рубен Руис Ибаррури...

На позициях зенитчиков гремел и полыхал сущий ад, а все же они сбили три самолета. Десантники 35-й не выходили из боя до конца сентября, они сражались в Купоросной балке, в Ельшанке. В контратаке погиб генерал Глазков, командир дивизии. Представляете, какие были схватки!

35-ю гвардейскую вывели на отдых и комплектование, когда она отдала все свои силы защите Сталинграда. Но в начавшемся наступлении она вновь шла впереди, прошла по Донбассу, подошла под Харьков.

И в 1943-м испытал Павел Брызгалов тяжесть поражений: после успешного наступления дивизия была отброшена на Северный

Сталинград. Берлин
П.И. Брызгалов

Донец, но каждый метр земли отдавала, завалив его вражескими трупами. Зенитчики не раз поспешно опускали стволы своих орудий и прямой наводкой били по вражеским танкам.

Лишь 44-й год провел Брызгалов в частях противовоздушной обороны на защите освобожденных городов. А в начале 45-го он оказался на территории Германии. Зенитчики установили свои орудия на переправе через Одер, близ Кюстрина.

Да, жарко пришлось здесь Брызгалову! Переправы были главной мишенью гитлеровской авиации. Штурмовики и бомбардировщики налетали днем и ночью. Впервые применил здесь противник беспилотные самолеты, начиненные взрывчаткой. А все же переправы работали, и в этом высокая заслуга зенитчиков.

Интересно, как рассказал сам Брызгалов об этих боях. Ни слова о себе. И приложил список отличившихся товарищей и подчиненных:

офицеров, потом сержантов и особо — воннов-девушек. Письмо с этим списком я получил от Павла Петровича недавно и порадовался его памяти. Но не только памяти.

Порадовался еще характеру старого командира, не умеющего говорить о себе и считавшего своим долгом отметить тех, кого видел в бою храбрыми и деятельными. Зачехлив орудия, зенитчики приехали в рейхстаг и по праву поставили свои подписи на его стенах. Почти 20 лет после войны служил Павел Петрович в Вооруженных Силах, жил в разных гарнизонах.

Демобилизовавшись, вернулся на Волгу, занялся самым мирным делом, а воинскую эстафету принял его сын — Виктор Павлович. Хорошее это коммунальное предприятие — Бюро добрых услуг. Название какое — человеческое, коммунистическое. А, пожалуй, подполковник, заведующий Бюро в Волгограде, добрые услуги оказывал миру всегда и это подтверждено его подписью на рейхстаге.

ОСВОБОДИТЕЛИ СВОИХ ОТЦОВ

Когда в повестях и мемуарах люди сегодня читают, что командир или политрук обратился к красноармейцам и краснофлотцам и призвал их идти в бой, чтобы освободить своих отцов и матерей, братьев и сестер, иному читателю может показаться, что журналист или писатель вложили командиру в уста стандартные слова, примелькавшиеся лозунги...

Но вот какую историю рассказал мне севастьяпольский моряк Николай Павленко. Он не вошел, не вполз в Берлин, а, если можно так выразиться, вплыл. Катера Краснознаменной Днепровской флотилии участвовали в штурме города, моряки шли в атаку с берегов Шпрее. Девятнадцатилетние парни в классических клешах и лихо заломленных бескозырках явились в уже отдымившийся рейхстаг. Конечно, им интересно было бы повоевать здесь: ведь внешняя оборона рейхстага состояла из вражеских моряков, которых специально десантировали в Берлин из Ростка. Но на берлинской суше с ними справилась пехота, а днепровцам хватило забот на берегах Шпрее.

Но подписи свои на стенах рейхстага поставили и Николай Павленко, и его дружки Василий Самайда и Василий Москалев. Было у Василия Москалева горе, которое невозможно забыть и в победные дни. А может, именно в обстановке всеобщей радости это горе стало еще пронзительней: отец моряка пропал без вести.

Но когда Москалев написал домой на Дон, что находится в Берлине, ему ответили, чтобы отца искал там же: есть данные, что он жив и является так называемым ост-рабочим на электрозаводе. Моряки разыскали электроламповый завод «Осрам», ворвались в бараки, где размещались пригнанные с Востока. «Молодые моряки оказались освободителями своих отцов», — вспоминает Николай Павленко — люди, пережившие все ужасы плена, плакали, не стесняясь друг друга и нас, своих детей».

Так вот получилось, что лозунг «Освободим своих отцов и матерей, братьев и сестер» стал для Василия Москалева и его морских братьев совершенно конкретной личной задачей. Что подписью на рейхстаге и удостоверяется...

51

Вот и встретился
Василий Москалев (крайний справа)
со своим отцом в Берлине

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

(песня)

Вспомни, друг, соратник верный,
Сражения бывшие.
Вспомни, вспомни сорок первый,
Страдания России.
Полыхал закат багровый,
Героев смерть косила.
По земле, политой кровью,
Ушли мы в глубь России.

Мы никогда и нигде
Не уронили честь солдата.
Бывалые ребята,
Товарищи в беде
Помнят всегда и везде
Победный год наш сорок пятый,
Как водружен был алый флаг
В Берлине на рейхстаг.

Мы прошли путем суровым
Сквозь пули и осколки
И в дыму сорок второго
Дошли до самой Волги.
Но настал конец терпенью,
Конец разлуке долгой,
В сорок третьем в наступленье
Рванули мы от Волги.

А в году сорок четвертом
Границу брали с ходу,
Шли в атаку шагом твердым,
Неся друзьям свободу.
Мы в броне уральской стали
Прошли огонь и воду,
Пол-Европы прошагали,
Неся друзьям свободу.

Мы никогда и нигде
Не уронили честь солдата,
Бывалые ребята,
Товарищи в беде
Помнят всегда и везде
Победный год наш сорок пятый,
Как водружен был алый флаг
В Берлине на рейхстаг.

СВЯЗАНО С РИХАРДОМ ЗОРГЕ

У капитана милиции Ивана Жильцова редкая судьба. Еще до того памятного дня 2 мая 1945 года, когда он вошел в рейхстаг, забрался под самую крышу и выцарапал рядом с надписями **Я здесь был. Я тоже здесь был** свою **И** я здесь был, ефрейтор Жильцов — еще до этого славного дня он побывал во всех странах, куда дошла наша армия, выполняя свою освободительную миссию. Ну и конечно, на всех фронтах. Наверное, и генерала такого не было, чтобы на всех фронтах побывал, а ефрейтору Жильцову пришлось. Началось с Монголии. Там Иван Жильцов служил в одном из гарнизонов. В феврале 1942 года его часть перебросили на запад. Был Жильцов на «гражданке» слесарем, стал военным шофером и попал в автополк Ставки Верховного Главнокомандования. На ветровых стеклах грузовиков полка была нарисована эмблема — лебедь, и лебедь этот летал по земле во всех местах, где предстояло жаркое дело — подвозил боеприпасы.

За последний год войны Жильцов через ветровое стекло с нарисованным на нем лебедем видел Румынию и Болгарию, Венгрию и Австрию, Польшу и Югославию...

Последний его боевой рейс был под Берлином со снарядами, которые уже для стрельбы негодились — опоздали.

Шоферы, как только об этом узнали, обратились к начальству за разрешением выделить машину и съездить в центр Берлина. Так он попал в рейхстаг.

После войны Жильцов пришел работать в Московскую милицию. Я встретил его на проспекте Маркса в универмаге «Детский мир», где капитан поддерживает порядок. Говорили о прошлом, вспоминали боевые дни и дальние страны.

Страж «Детского мира»
капитан И. Я. Жильцов

— А знаете, кто дал мне возможность расписаться на стенах рейхстага? — спросил Иван Яковлевич.

Я несколько опешил, а Жильцов сам ответил на свой вопрос, но ответ этот опять показался мне загадкой:

— Рихард Зорге!

Иван Яковлевич Жильцов вспомнил, как удивлялись красноармейцы, когда их часть из Монголии перебросили в центр России. Ведь говорили, что предстоит война и на Востоке. Лишь теперь, через много лет, стало известно, что Рихард Зорге сообщил нашей разведке: Япония в войну не вступит. И тогда часть, в которой служил Иван Жильцов, перебросили с Востока на Запад.

Так капитан милиции из магазина «Детский мир» связывает свою судьбу и свою подпись на рейхстаге с жизнью Рихарда Зорге, советского разведчика, немца-коммуниста, солдата Революции.

ПРОЕЗДОМ

Второго мая истребительная противотанковая бригада, где служил Григорий Бурмистров, не входила в Берлин, а проходила его маршем. Только вчера противотанкисты били «тигров» и «фердинандов» на балтийском побережье, а завтра им предстояло, преследуя противника, с боями выйти на берег Эльбы. Еще не было ясности: где и как, полностью или частично, будут капитулировать вражеские армии, брошенные на последнюю оборону Берлина.

Вот представьте себе: Берлин. Тот самый Берлин! Выстраданная, долгожданная, многотрудная цель... Здесь происходят исторические события: на главных правительственных зданиях, вернее, на руинах и коробках этих зданий развеваются установленные победителями красные флаги, а в окнах уцелевших жилых домов — белые флаги, флажки и тряпки капитуляции. Пленные движутся колоннами и вереницами, складывают в пирамиды, а то и просто сбрасывают в кучи сружие. Наши уже почти повсеместно прекратили

огонь, момент наступил если не праздничный еще, то во всяком случае торжественный.

Навстречу нашим солдатам идут пестрыми толпами освобожденные люди из разных стран. И опять флажки, на этот раз многоцветные: тут и Италия, и Франция, и Югославия, и Бельгия — вся Европа. И наши девушки с нашивками «ОСТ» на ветхой одежде. Спрашивают:

— Полтавские здесь есть?

— Кто из Витебска?

— Отзовитесь, если брянский!..

А противотанковая истребительная бригада, в боях непосредственно за Берлин не участвовавшая, проходит по улицам, и личный состав в каком-то возбужденном и странном состоянии: не приходилось этим людям за войну ни разу быть зрителями, быть наблюдателями и не думали, не гадали товарищи, что походным порядком будут они следовать через Берлин, насквозь от северо-восточной окраины и до окраины юго-западной...

Отвоевались...

Г. Т. Бурмистров

В этом странном, удивленном состоянии, на своей тяге, перетрудившейся сверх всех положенных и неположенных моточасов, утром войдя в Берлин, противотанкисты к вечеру пересекали центр германской столицы. Рассчитав по времени движение машин и уточнив по плану города дальнейший маршрут (вообще отстать от своих нельзя и невозможно, ну, а в такой день это уж и вообще невообразимо!), Григорий Тихонович Бурмистров и несколько его товарищей бегом бросились к рейхстагу. Это уже был бескровный, почти совсем безопасный штурм. Внутри здания они стали подниматься вверх: хотелось взобраться на крышу. Лестница третьего этажа была разбита, и наверх вела временка, наспех сколоченная из досок.

На площадке четвертого этажа лежал огромный неразорвавшийся снаряд. Противотанкисты перешагнули через него и вышли на

крышу. На плоской площадке стояли ящики с песком, а по углам — автоматические спаренные и счетверенные зенитки. А справа они увидели купол, кривой и разбитый (очень точно, одним словом изобразил его Григорий Бурмистров — «обрешетчатый!»), а на куполе — прошитое осколками знамя Победы.

Бурмистров и его товарищи увидели сверху, как удаляется их бригадная колонна по направлению к какому-то обелиску... Надо было спешить, и Григорий Тихонович успел только выцарапать ножом на камне:

**МОСКВА — БЕРЛИН.
БУРМИСТРОВ.**

А его друг Виктор Фокин написал:

КУЙБЫШЕВ — БЕРЛИН.

И они торопливо стали спускаться по выщербленным и ненадежным лестницам. Это продолжалось всего несколько минут, но перед Григорием Тихоновичем, как бывает в кино, прошла вся его фронтовая эпопея.

Он оказался в 1941 году на оккупированной земле, связался с партизанами, с группой юных односельчан перешел фронт, встал в солдатский строй. Односельчане Иван Седнев, Григорий Бурмистров попали в одну дивизию. Иван Седнев был у пулеметчика Бурмистрова вторым номером. 23 февраля 1943 года Седнев героически погиб, а Бурмистров был ранен и эвакуирован с поля боя.

Так, наверное, в сказаниях и песнях чаще бывает, чем в жизни. Но так было! По излечении Григорий Бурмистров воевал на Курской дуге, шел на запад с противотанковым ружьем и прошел в шести километрах от своего сожженного села. Из боя в бой шел Григорий Бурмистров и под новый 1944 год был вновь ранен в атаке, вытаснен с поля боя не своими санитарями. Раненого Бурмистрова увезли в госпиталь, а в освобожденное село Улемь под Жиздрой пошла похоронная, что он, мол, геройски погиб и посмертно награжден Красной Звездой.

Так, наверное, в сказаниях и песнях чаще бывает, чем в жизни! Но так было!

Солдат освобождал Оршу, Минск, Молодечно,

брал города Восточной Пруссии и осенью 1944 года при столкновении с дивизией «Великая Германия» был в третий раз ранен, но через два месяца вновь оказался на фронте, уже в артиллерии.

Вот что вспомнилось Григорию Бурмистрову, когда он торопливо спускался по ступеням рейхстага.

К ночи бригада уже была в полях — за Берлином, а день победы Бурмистров встречал в немецкой деревушке с названием Берлинхен.

Вот и вся история одной из надписей.

Но если вам хочется узнать подробней, как воевал Григорий Бурмистров, могу помочь вам его найти.

А найти его совсем не просто.

Уволился он из Армии в 1954 году, уже став офицером. И построил в Симферополе дом с садом, виноградом и всем, полагающимся для уюта, тишины и тепла. Но там его не найдете.

Он поехал на год на Север, стал слесарем-дизелистом на приiske Кулар в Усть-Янском районе. Он на приiske — человек уважаемый, ударник коммунистического труда. Бурмистров пишет мне:

«Понравился север с его сильными смелыми людьми. Так я и сам стал северянином. Пошел седьмой год, как я здесь, уезжать неохота, привык. Пока здоровье позволит, буду в Заполярье. Жена в Крыму сердцем болела, а здесь чувствует себя очень хорошо. Сын с нами.

В 1972 году буду в отпуске, приглашаю в гости. За чаркой хорошего крымского вина мы бы с вами многое вспомнили, а вспомнить есть чего...»

Фронтовик знает свое место в жизни — оно на ледяном ветру. Долго еще дожидаться хозяина симферопольскому дому и саду.

Так, наверное, в сказаниях и песнях чаще бывает. Но так есть.

МАЛЕНЬКОЕ ВОИНСКОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ

Может быть, не каждый читатель знает, какого труда стоит писателю выбор фамилии для своего героя или персонажа. Но чтобы не отвлекаться, скажу только, что каждый свод имен и фамилий — золотое дно для писателя.

Май 1945 г. Семья Подуст (в центре)

Находясь в первое время после Победы в Берлине, я часто ходил в рейхстаг, читал, читал надписи и имена на стенах и колоннах. Кроме поисков имен друзей, чей след затерялся в вихре войны, кроме любования этим самовыражением победителей, была у меня еще одна очень узкая, личная задача: я искал и переписывал в свою «полевую книжку» фамилии, которые могли бы послужить «заготовками» для будущих персонажей поэмы, к которой я тогда приступал.

Среди других интересных русских, грузинских, латышских, белорусских фамилий я записал украинскую фамилию — Подуст. Она была выцарапана на правой колонне: мне казалось, что эта фамилия сгодится для

моего героя, мечтательного человека, нелегко переходящего после Победы из военного в гражданское состояние.

Однако в дальнейшем, когда работа над поэмой развернулась, оказалось, что герою вообще не нужны ни имя, ни фамилия. Лишь местоимение «он»...

А фамилия Подуст запомнилась. Я более не встречал ее нигде, только недавно вновь обратил на нее внимание — она значилась в Указе Верховного Совета СССР в списке офицеров, награжденных орденами за успехи в боевой и политической подготовке.

В дальнейшем мне удалось установить, что расписавшийся на правой колонне и награжденный к 50-летию Советской власти — одно и то же лицо, Михаил Александрович Подуст, ныне полковник. Он начинал войну в далеком 41-м, только что закончив офицерскую школу. Отступал он под Москву — до декабря 1941 года, а с конца трагического года и до самого мая 1945-го участвовал только в наступлении — так ему повезло, такая дорога ему выпала. На этом пути было многое: и вызов огонь «катюш» на себя — под

Семья Подуст сегодня

Юхиновом, и схватки с танками на рубеже реки Угра, и отражение вражеских контратак в Могилеве, и бои в Польше, и прорыв в Восточную Пруссию.

Сейчас кавалер пяти орденов, гвардии полковник Михаил Александрович Подуст — на преподавательской работе. Его жена Клавдия Николаевна, с которой вместе поднимался он

М. А. Подуст с женой и сыном у памятника в Трептов парке

по выщербленным снарядами ступеням рейхстага, лейтенант медицинской службы в отставке, старший сын Игорь закончил строительный институт и служит в армии, после окончания института собирается в армию и второй сын — Олег. А самый младший Подуст — еще школьник, тоже мечтающий стать военным. Я видел семью Подуст на экране телевизора, заочно познакомился с Михаилом Александровичем и, пожалуй, теперь не смогу дать его интересную фамилию какому-нибудь вымышленному персонажу. Это было бы неудобно, было бы не по правилам. Зато мне доставило удовольствие рассказать об этом скромном воине и о его славной семье, представляющей собой маленькое воинское подразделение.

САБЕЛЬНАЯ РОСПИСЬ

Гвардеец Григорий Головкин расписался на стене рейхстага по-кавалерийски — саблей. Но не в первые дни мая, а позже, когда найти свободное место для росписи было уже не так просто.

Однако это пришлось ему расписываться «за победу» уже вторично. Потому что первую свою подпись победителя Григорий Головкин поставил не на стене рейхстага, а на полотнище фашистского знамени. И вот при каких обстоятельствах.

Когда был взят город Виттенберг, полуэскадрон связи 25-й гвардейской кавдивизии встретился с американскими войсками. Рядовому Григорию Головкину и сержанту Дудушкину приказано было проложить кабель по дну Эльбы и поддерживать связь нашего командования с американским. За Эльбой, в американской зоне находились тысячи советских граждан, происходила их передача на эту сторону, репатриация, и связь была необходима.

Два кавалериста почти месяц жили с американцами на берегу Эльбы. Именно они, сержант Дудушкин и рядовой Головкин, оказались первыми представителями Родины и армии, которых видели на берегу Эльбы советские люди, возвращавшиеся из неволи.

Группами подходя к Эльбе, наши соотечественники бросались к двум гвардейцам — кавалеристам, стоявшим в кругу американских солдат. И все было в новинку тем, кого еще в 1941—1942 году увезли немцы с оккупированных территорий — и гвардейские знаки, и погоны.

Двум связистам приходилось не только принимать на себя весь выплеск человеческих чувств, но и рассказывать, рассказывать, рассказывать о многом и разном, что происходило на Родине в военные годы...

Американцы диву давались: что это за парни дежурят на телефонной связи, уж не комиссары ли высоких рангов, обмундированные как солдаты? Или это опытные лекторы с энциклопедическим образованием?

Они и предположить не могли, что Головки и Дудушкин — действительно просто кавалеристы, солдат и сержант, и что солдат, уйдя лишь через пять лет в запас, будет работать обыкновенным кочегаром на паровозе и учиться в вечерней школе рабочей молодежи, и только через десять лет после войны поступит в институт, окончив который, станет учителем физики...

В своем письме Григорий Яковлевич вспоминает тогдашних коллег:

«Американские солдаты, с которыми нам пришлось встречаться, были очень приветливыми, не чета тем, которые убивают сейчас детей во Вьетнаме».

В ту пору один американский лейтенант нашел спрятанное в доме фашистское знамя. Вынесли это знамя на берег Эльбы и стали на нем расписываться, как бы приговор подписывая фашизму. Расписывались американские солдаты, советские граждане, возвращавшиеся из фашистской неволи, люди разных национальностей, уходившие на ту сторону Эльбы, чтобы следовать затем в свои страны, откуда их вывезли гитлеровцы.

Встреча с союзниками на Эльбе

Расписывались, как это не удивительно, — а может, это не удивительно вовсе — немцы, жители прибрежных городков.

Где теперь необычайное знамя? Григорий Яковлевич Головки справедливо полагает, что знамени этому место в музее. Американцы, особенно негры, обещали выслать фотографии, брали адреса, чтобы сообщить, куда отправят знамя. Но вскоре наступили времена «холодной войны», обещания остались невыполненными.

Лишь завершив свою дипломатическую миссию на берегах Эльбы, гвардеец Головки поехал в Берлин. Всю войну проводивший в седле, в «логово» он ехал автобусом.

Войдя в мрачное здание, Григорий Яковлевич вынул саблю из ножен, нашел «чистый» кусочек стены и начертал свою фамилию... Такое применение он дал своей сабле впервые.

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ И СЫНЕ

В День Победы два танка застыли
За чертой Бранденбургских ворот
И стоят на солдатской могиле,
Вспоминая Берлинский поход.

В сектор западный, мрачный и чуждый,
На могилу советских солдат
Каждый день для несения службы
Сквозь ворота проходит наряд.

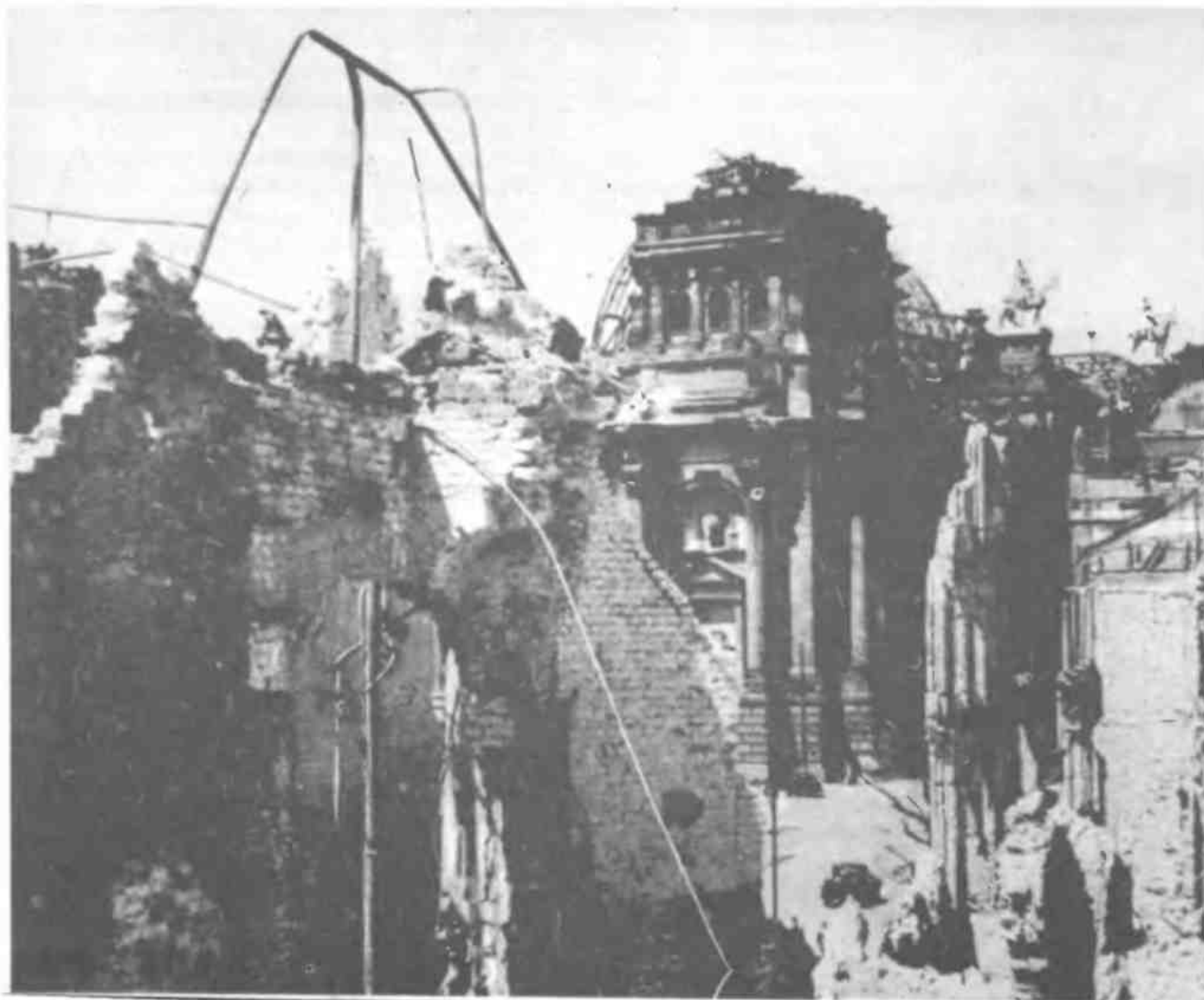
В карауле почетном впервые
Там ефрейтор стоял молодой.
Пред войною рожденный в России,
Рос, как многие, он сиротой.

В списке бронзовом рядом с другими,
Что погибли в последнем бою,
Вдруг он видит отцовское имя,
Он фамилию видит свою.

Сердце острой наполнилось болью —
Тени прошлого видит солдат.
Он молчит. Он владеет собою,
Но глаза его гневом горят.

Это западный сектор Берлина,
Это пост молодого бойца.
Осторожней! Не трогайте сына,
Он стоит у могилы отца.

Вот они развалины
столицы фашистской империи

СВЯЩЕННЫЕ ПЛИТЫ

Владимир Синев, главный инженер треста «Мособлстрой» № 4, воспользовался свободным днем и отправился с сыном Андрюшей в Музей Вооруженных Сил. Об этой семейной экскурсии речь шла давно, но все никак не удавалось младшему и старшему Синевым согласовать время — то у одного важнейшие дела в первом классе, то у другого аврал на стройке.

Младший Синев слышал от сверстников, что в музее есть шашки полководцев с орденами на эфесе и чапаевская бурка, а во дворе стоят танки и даже самолеты-штурмовики, а старший просто обещал, что поведет мальчика в музей, да и самому интересно было побывать там.

Синевы, неторопливо и обстоятельно рассматривая экспонаты, поднялись на второй этаж: им сказали, что там можно увидеть Знамя Победы и еще другие знаменитые знамена и они направились к центру зала.

И точно — здесь знамена, ордена и очень интересные фотографии, относящиеся к весне 1945 года. Старший не мог оторваться от этих, не очень четких, но столь памятных

картин, возбуждавших столько воспоминаний: идут по Европе, освобождая столицы знакомых по школьному атласу стран, очень молодые советские парни, так похожие суровым обликом своим и счастливым выражением лица на Владимира Синева тех времен, на человека, ушедшего на войну школьником и пришедшего в Берлин младшим сержантом, бывалым воином.

Теперь старший Синев еще более светловолос, чем был тогда — поседел рано, как многие в его поколении. Но осталась прежняя сержантская стройность и подтянутость и глаза также ярко-голубые — хорошо, что глаза не седеют.

В центре зала — знамена с лентами и орденами. Каждое знамя — история и слава, надо бы преклонить перед ним колени, тронуть его губами. Но здесь, вроде бы, не принято. Нет, не просто это музейные экспонаты, это вехи нашей судьбы, высокие и острые вершины нашего боевого прошлого...

Под знаменами Синев старший увидел серые облицованные плиты, по-видимому, обработанные по краю камнерезной пилой и поставленные на ребро.

Как строитель, Владимир Синев определил, что это очень прочный вручную сработанный материал, круто замешанный, особо скрепленный и положенный толстым слоем.

Главный инженер
треста «Мособлстрой» В. Синева

Почему-то все это возникло в сознании почти механически; ну что поделаешь, если у специалистов вырабатываются рефлексy на все, что имеет отношение к их повседневному труду. А младший Синева тоже подошел к этим плитам, но со своим углом зрения. Дело в том, что он именно в текущем году постиг сложную премудрость чтения по слогам и читал теперь все, что только попадалось на глаза, особенно если написано большими буквами и разборчиво. Более того, он научился писать на обложках тетрадок без линеек свою фамилию. И он увидел, что на серой плите написана эта самая фамилия и еще несколько слов.

— Папа, смотри, наша фамилия...

И Синева старший узнал свой почерк, только не сразу четко проступили в памяти все обстоятельства. От боевых знамен, склонившихся в стеклянном зале, словно пахнуло жаром.

**С. Т. СИНЕВ
ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА.**

Да, это было после Ковеля и Люблина, Варшавы и Познани. На Одере был Владимир Синева ранен и полтора месяца держали его в госпитале. Сперва, правда, не то, чтоб кто-нибудь держал, раненая нога не пускала. А потом уж все было почти в порядке, и бои разгорелись на подступах к Берлину, а врачи не выписывали. Однако госпиталь находился в тылах армии, товарищи, направленные за снарядами, проезжали на полutorке мимо греющихся на апрельском солнышке бедолаг в бинтах. И вот одним бедолагой стало меньше — Владимир Синева убит на передовую, не доложив медперсоналу, что убывает. Случай для тех дней довольно типичный.

В бой, правда, идти больше не пришлось. Берлинское сражение завершилось, и Владимир Синева прямым сообщением из госпиталя попал в рейхстаг, где и подтвердил письменно, что дошел.

И вот именно его подпись, сделанная углем, головешкой, подобранной на пожаре, оказалась на той плите, что прибыла в Москву, в Музей.

Как же очутились плиты облицовки здания рейхстага в Музее Вооруженных Сил в Москве?

История эта стала мне известна, пусть не во всех подробностях, но в общих чертах, и я должен рассказать то, что знаю.

В течение десяти лет после штурма задымленное, иссеченное осколками, исписанное от фундамента до чердака именами победителей, здание рейхстага возвышалось на окраине Западного Берлина, в английском секторе, как мрачный памятник. Эта каменная руина оставалась неприкосновенной, окруженная пружинистой проволоочной спиралью (военные люди знают ее полевое наименование — МЗП — малозаметное препятствие) и охранялось западно-берлинскими полицейскими и английскими патрулями.

А неподалеку находится памятник советским воинам — два танка Т-34 на постаменте, обелиск с именами погибших за Бер-

лин. В отличие от рейхстага у памятника несут охрану советские воины: специальный караул приезжает из Германской Демократической Республики из группы Советских войск. В 1955 году 25 октября в Бонне, в бундестаге Федеративной Республики Германии, было принято решение о восстановлении здания рейхстага в Западном Берлине и на капитальный ремонт было ассигновано 100 миллионов марок.

Незаконность и вздорность этих действий станет очевидной, если вспомнить решения конференций руководителей держав-победительниц и послевоенные договоры и соглашения: Западный Берлин ни в коей мере не является территорией Федеративной Республики Германии, никак не подчиняется боннским властям.

Решение бундестага, между тем, пусть медленно и робко, но проводилось в жизнь. Здание, воздвигнутое в конце прошлого века за счет контрибуций, взысканных с Франции, ставшее узловым пунктом провокаций, предшествовавших захвату фашистами власти в 1933 году, наконец, штурмом взятое нашими

войсками в 1945 году, предназначалось к восстановлению.

Работы по ремонту подрядилась выполнять западногерманская фирма. Вокруг величественной руины на Королевской площади раскинулись передвижные будки — бесколесные вагончики строителей. Дважды в Бонне принимались решения об ускорении работ. Осенью 1963 года в столицу Германской Демократической Республики от антифашистов Западного Берлина пришла весть о том, что первым актом ремонта рейхстага будет уничтожение всех надписей, сделанных на наружных и внутренних стенах советскими войсками в 1945 году.

В октябре 1963 года советский писатель Николай Вирта и историк Виктор Белецкий приехали в Западный Берлин. С трудом удалось им преодолеть заборы и ограждения и подойти к зданию рейхстага. Они увидели, как рабочие сбивают пневматическими молотками верхний слой штукатурки на стенах и исторические надписи советских воинов превращаются в щебень и пыль. Оголенные и опустошенные стены подготавливались для штукатурения, а еще оставшаяся кое-где старая штукатурка представляла собой толстые плиты, сросшиеся с каменной основой здания.

Как сохранить вещественную память о весне 1945 года? Неужели лишь случайные фотографии расскажут потомкам об автографах победителей? Виктор Белецкий обратился в сенат Западного Берлина с просьбой о выдаче нескольких плит облицовки, все равно подлежащих уничтожению. Но оказалось, что обращение — не по адресу: на берегу Шпрее хозяйничают и распоряжаются боннские власти.

Обратились к строительной фирме...

Один из инженеров, причастных к ремонту, сочувственно отнесся к просьбе. В конце концов, с точки зрения хозяйственной, речь идет о нескольких камнях, подлежащих дроблению в щебень. Инженер разговаривал как производитель, не углубляясь в подробности и вежливо давая понять, что политикой не интересуется. Однако надежд на него было мало.

Среди рабочих-строителей нашлись люди, понимавшие, что своими пневматическими бурами они уничтожают важнейший исторический документ, имеющий ценность и значение не только для советского народа, но и для немецкого, получившего в 1945 году горький урок...

Западноберлинские антифашисты решили сохранить несколько плит с росписями советских воинов. Это оказалось не таким-то простым делом и с точки зрения технической: особо прочная штукатурка толщиной в 25 сантиметров срослась с каменной кладкой стен. Пришлось пустить в ход специальные камнерезные пилы. Работы эти велись в купольном зале рейхстага, расположенном сразу же за главным входом. Плиты удалось аккуратно срезать. Но тут возникла вторая задача: оставить плиты в Западном Берлине — значило лишь на короткий срок оттянуть их уничтожение.

И антифашисты Западного Берлина в ноябре 1963 года передали плиты с автографами в столицу Германской Демократической Республики. Четыре тяжелых ящика были бережно погружены на «пикап» и вывезены. Вскоре самолет доставил спасенные драгоценные реликвии в Москву.

Конечно, в западногерманской печати поднялась очередная шумиха. Журнал «Шпигель» заявил, что это сенат дал свое согласие на снятие и вывоз плит, что плиты с автографами — чуть ли не подарок русским от боннского правительства. Однако инженера, сочувственно отнесшегося к идее сохранения нескольких плит — со стороны инженера было только сочувствие, он более ничем не помог — вскоре уволили. Какой уж тут разговор о подарке!

Зато реваншистские выпады и угрозы густо посыпались со страниц западногерманских газет. Но дело было сделано, и запоздалые вопли журналов и газет ничего уже не могли изменить. Победители получили хоть малую частицу своих исторических автографов.

Теперь плиты в Музее Вооруженных Сил, а одна из них экспонируется в музее Революции.

...В стеклянном зале Музея Вооруженных Сил долго стоял в молчании инженер Владимир Синев, строитель. И сыну его Андрею передалось торжественное настроение отца — и младший очень гордо и смиренно стоял перед каменными плитами...

Вот, пожалуй, все о скромной надписи с-т Синев дошел до Берлина.

Нет, еще не все.

В «Правде» было опубликовано письмо шофера Центрального научно-исследовательского института технологии и машиностроения Василия Синева. Он писал:

«С радостью узнал, что фамилии моих фронтовых друзей, расписавшихся на камнях рейхстага, сохранены для истории славными сынами немецкого народа».

Шофер В. Синев, по-видимому, тоже был в рейхстаге, вероятно, была на стенах и его подпись, но эта, попавшая в музей, сделана рукой того В. Синева, который ныне работает инженером.

Оказалось, что оба Синевы и Владимир, и

Василий живут в Москве, они даже условились поглядеть друг на друга, но суматошное повседневье помешало им встретиться.

Синев — фамилия, встречающаяся не так уж часто. То, что два воина, носящие эту фамилию, были в мае сорок пятого в рейхстаге, мне кажется не просто совпадением, но как бы символом.

Однако было бы досадно завершить рассказ о Синевых таким вот несостоявшимся эпизодом, неосуществленной встречей двух однофамильцев, участников Великой Отечественной войны.

Один из откликов на мою статью «Автографы победы», опубликованную в газете, неожиданно придал новое значение истории Синевых. Я хочу привести полностью письмо младшего сержанта Синева. Но это другой Синев. Александр, и ему сегодня столько лет, сколько было Владимиру Синеву, когда он, тоже младший сержант, артиллерийский разведчик, не долечившись, поспешил в свою часть и услышал последний выстрел той далекой войны.

Вот письмо из Чехословакии.

«В статье «Автографы победы» упоминается Владимир Синев, бывший в годы войны младшим сержантом, дошедший до Берлина и оставивший там свою памятную подпись: с-т Синев дошел до Берлина.

В данный момент он работает инженером Мособлстроя. Мне очень хочется узнать о его судьбе как в годы войны, так и в мирное время. Заинтересовало это меня тем, что он мой однофамилец, а за свою жизнь я еще ни разу не встретил однофамильца. Я Синев, Александр Васильевич. Родился и вырос в городе Горьком, работал на заводе слесарем-штамповщиком.

Когда был призван в армию, попал в Чехословакию, выполняя свой интернациональный долг, как и многие другие солдаты. Как и Владимир Синев, я тоже младший сержант, и это нас сближает. Сообщите мне, пожалуйста, адрес моего однофамильца, я хочу с ним познакомиться поближе.

Мл. сержант Синев».

Конечно же, я сообщил Владимиру Синеву номер полевой почты младшего сержанта. Вероятно, эта история получит продолжение. Что ж, проживем, увидим...

А пока я завершу рассказ о ремонте рейхстага.

Более чем через четверть века после конца войны я вновь побывал в Берлине. Это был не первый мой приезд в столицу Германской Демократической Республики. Но посещение этого города всегда для меня и личное событие, и глубокое переживание.

Ранним утром я приблизился к Бранденбургским воротам и, завернув направо, пошел вдоль границы, разделяющей Берлин. Выйдя на мост, я увидел рейхстаг и, по правде говоря, не сразу узнал это здание: срезаны, начисто отсутствуют купола четырех его башен и центральный купол. В западногерманской печати промелькнуло сообщение, что купола заказаны в Италии, по изготовлении будут

доставлены в Берлин, собраны и установлены.

Пока же рейхстаг непохож на себя, и правильно сделали кинематографисты, снимавшие фильм «Освобождение Европы», когда слегка подгримировали здание музея в противоположном Бранденбургским воротам конце улицы Унтер-ден-Линден и повторяли там «штурм рейхстага»...

Цвет стен здания, насколько я мог разглядеть, желтоватый, почти песочный, весьма отличается от красок 1945 года: рейхстаг был черно-бурым, желтые тона решительно отсутствовали.

На плоской поверхности одной из угловых башен выстроено небольшое сооружение, нечто вроде будки. Когда остановишь на нем взгляд, заметишь — вот сверкнул солнечный зайчик. Словно кто-то движет увеличительным стеклом. И это именно так: отсвечивает оптический прибор — с крыши рейхстага ведется наблюдение за прилегающими к границе улицами столицы Германской Демократической Республики, в частности за Унтер-ден-Линден. Нетрудно догадаться, что наблюдают и за советским посольством — оно очень близко. Чей это наблюдательный пункт? Западно-берлинской полиции? Бундесвера ФРГ? Или английской разведки — ведь это английский сектор...

Над рейхстагом развевается государственный флаг Федеративной Республики Германии, которому здесь вовсе не место, потому что — это хочется повторить — территория Западного Берлина не является землей ФРГ.

Борьба пескоструйных аппаратов и отбойных молотков с надписями на стенах рейхстага особенной болью отзывалась в сердцах тех, кто участвовал в штурме. Я бы мог привести много писем об этом, но ограничусь одним, очень типичным, очень похожим на другие письма, только мысль в нем сформулирована по-военному сжато. Это пишет танкист, вернее минер-подрывник из 4-й гвардейской танковой армии, участвовавший в Берлинской операции в составе 1-го Украинского фронта. Был автор письма тогда младшим лейтенантом. Свой автограф он поставил на колонне

3 мая, и в тот же день пришлось ему и товарищам двинуться на Эльбу, а оттуда — на помощь Праге. Лишь 15 мая 1945 года в чешских лесах завершил войну младший лейтенант Иван Михайлов. Он пишет из Уфы:

«Очень жаль, что рейхстаг отошел в английскую зону. Его бы надо сохранить в том виде, каким он был 2—3 мая 1945 года и приглашать туда на экскурсию всех тех, кто страдает военным зудом и показывать им рейхстаг в качестве наглядного пособия. Чтобы знали — если, какие империалисты рискнут посягнуть на нашу Родину и наших друзей, то их резиденции могут оказаться еще в худшем виде...».

По-солдатски крепко и точно сказано.

Я все старался увидеть сторону рейхстага, которая выходит к берегу Шпрее, и ту, что фасадом к Тиргартену. «Наша» сторона — обращенная к демократическому Берлину — скорее замазана, чем отремонтирована. Эта

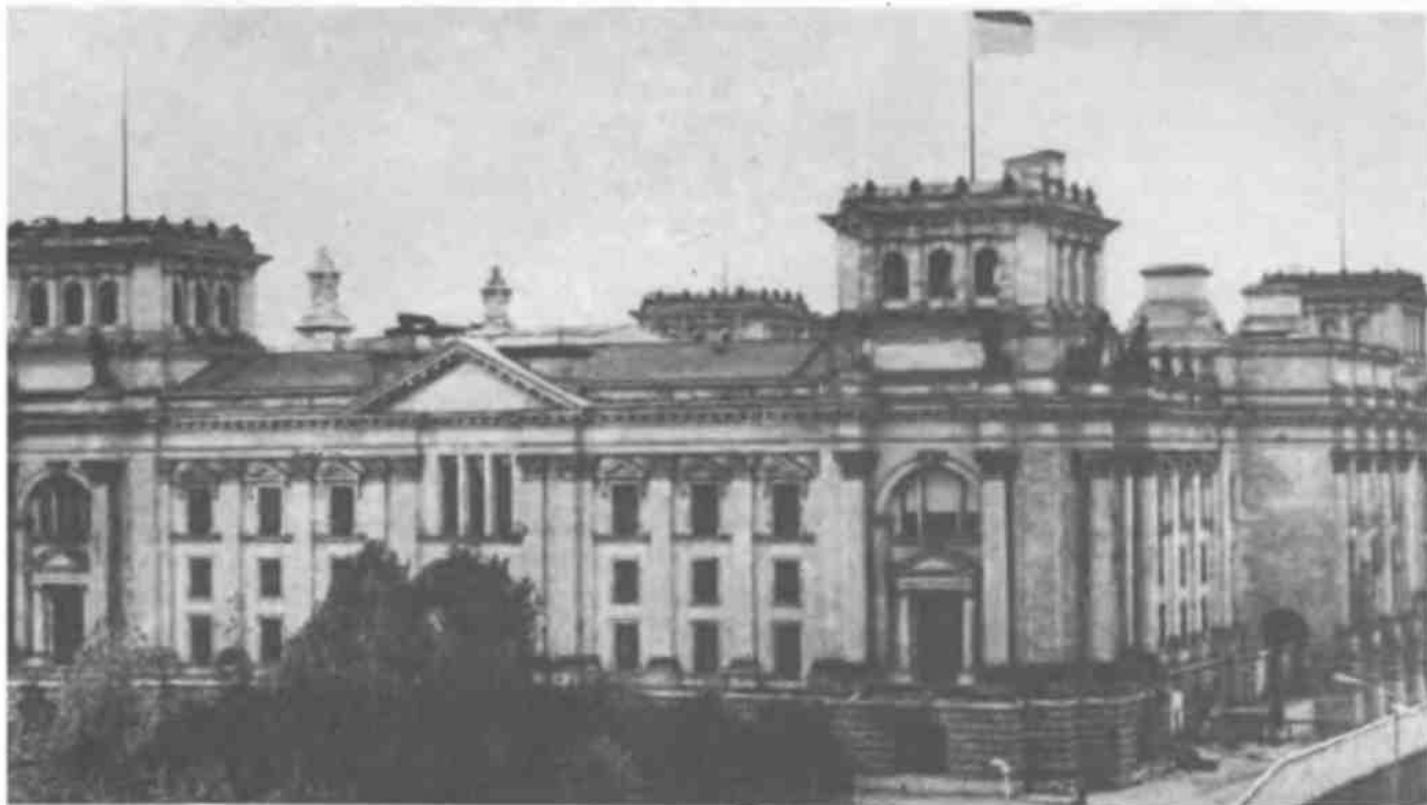
сторона находится в 51 сантиметре (да, да, в пятьдесят одном, это не описка, это точно!) от границы, от стены, возведенной между двумя частями города Берлина. У строителей фирмы были трудности с ремонтом, когда дело дошло до этой стороны. Оказалось невозможным установить кран — он все время залезал не в свою зону, переходил границу. Фигуры на карнизе рейхстага сохранились, вернее — восстановлены, но их теперь, как мне кажется, меньше.

По сообщениям печати, залы и комнаты отделаны в стиле модери, никак не похожи на довоенные...

Я долго рассматривал отремонтированный рейхстаг. Пожалуй, никогда так пристально не смотрел ни на какие здания. Мне и самому было странно, почему я не могу двинуться дальше, а хожу лишь здесь вдоль стены, стараясь увидеть и запомнить каждую деталь этого дворца, ставшего ныне совсем не примечательным.

Потом, пытаясь разобраться в своих пережи-

Рейхстаг сегодня

ваниях, я понял, что чувство огромной ответственности целиком завладело мною в то утро.

Не просто своими, много повидавшими и по нынешнему возрасту и старой контузии потерявшими зоркость глазами смотрел я на рейхстаг. Меня словно бы уполномочили все те, кто встретил победу здесь в начале мая 1945 года. А может быть, и не встретил, не дошел, упал на берегах Дона и Волги, Миуса и Даугавы, Невы и Москвы-реки, Днепра и Буга, Вислы, Дуная и Одера. И не увидел той самой Шпрее, «Шпреи», как ее называли в окопах. Они верили в нашу победу. Только одни свою мечту осуществили, другие не успели. Их вклад в победу равно велик. И все они старались заглянуть еще дальше вперед, в послевоенный мир, тревожно надеясь, что будет в Европе порядок!

Как я доложу им, что надежды их не сбылись? В том самом рейхстаге незаконно и демонстративно собираются теперь западногерманские политики. В самом Западном Берлине, как и в ФРГ, немало людей, мечтающих о реванше...

Я написал эту фразу и стало как-то неловко: ведь газетный штамп.

Увы, это хоть и штамп, но сжатая в несколько слов самая суть момента. Летом 1970 года фашист новой формации стрелял в советского солдата, несшего караул у памятника советским воинам рядом с рейхстагом, ранил молодого русского и на допросе нагло заявил, что его цель повредить улучшению отношений между ФРГ и СССР.

Разве уничтожение подписей советских воинов на плитах рейхстага не попытка стереть из памяти, вычеркнуть из истории нашу Победу?

Есть древняя легенда об огненных словах, проступающих на стенах. Пока жива человеческая память, грозные слова

ПРИГОВОР ПОДПИСАН ТЕБЕ, ФАШИЗМ!

— будут проступать на стенах рейхстага, сколько бы их ни скоблили, сколько бы ни ремонтировали.

ТРОЕ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ

Старшина Наврузов Тандык Гамид-оглы, азербайджанский учитель, воевал под Старой Руссой. Затем он освобождал Латвию и Литву, прошел по северному краю Польши и по Германии до самого Берлина. Так на стене рейхстага он и написал:

ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА.

Извинившись за то, что плохо знает русский язык, старшина Наврузов в своем письме великолепно описал рейхстаг:

«Здание было почти черное, копченое, очень темно-грустный, скучный вид...»

Как свидетель должен сказать: это одно из точнейших описаний рейхстага; втиснуто оно в одну фразу и напрасно наш боевой товарищ извиняется за плохое знание русского языка. Быть может, он не знает русский язык в совершенстве, но превосходно его чувствует.

После войны старшина закончил педагогический институт, а теперь медицинский институт. Университет заканчивают его дочь Зина и сын Вахид.

В одной части с сыном Азербайджана служили, в одних боевых порядках дошли до Берлина грузин Иван Кобиашвили и армянин Хачик Исоян. Вместе они были тогда и в рейхстаге.

А ныне редко, но с большой сердечностью встречаются, хотя один живет в Тбилиси, стал полковником, заместителем военкома республики, другой в Алавердском районе, в своей Армении, председатель районного комитета народного контроля, а третий — директор школы в Баку.

История трех солдат из Закавказья кажется хрестоматийной, словно специально сконструированной.

Но она так сложилась в жизни, в боях за свободу Родины.

И потому она кажется мне прекрасной.

Я помню эту команду, отданную охрипшим и сорванным голосом, а все же прозвучавшую торжественно и звонко:

— За горе и страдания Ленинграда, по фашистскому логову — огонь!

Первые выстрелы по Берлину произвели воины 121-й артиллерийской бригады БМ (большой мощности) из своих 203-миллиметровых пушек-гаубиц. Было это 18 или 19 апреля — теперь уже не помню точно числа, но и сейчас отчетливо вижу то ветренное утро и бойцов, застывших возле орудий-громадин, и худошавого бледного лейтенанта, отдающего команду.

Был лейтенант по тем нашим представлениям не молод — ему, наверное, лет под сорок. Я говорю так, потому что мне в дни штурма Берлина не было тридцати, а рубеж сорока перевалили тогда, пожалуй, только усатые ездовые дядьки и старшие во всех отношениях командующие фронтами и армиями.

Андрей Васильевич Пыжов и его товарищи имели право, производя первые выстрелы по Берлину, грозно нести возмездие за Ленинград.

Еще в 1939—1940 годах младший политрук Пыжов участвовал в защите города Ленина, штурмовал линию Маннергейма и шел на Выборг по льду Финского залива.

А в 1941-м хлебнул он вдоволь ленинградской блокады, видел и пережил такое, о чем и вспоминать страшно. После блокады удалось немного поучиться. Стал политрук старшим лейтенантом, перешел на командную работу и попал в самую могучую артиллерию. И если артиллерию называют «бог войны», то пушки бригады не менее чем «апостолы».

Орудия такие, что огонь открывать из них можно лишь по приказанию командующего артиллерией армии или фронта. Каждый выстрел и каждый снаряд — событие.

На Висле, например, 12 снарядов выпустили по переправам, на Одере и того меньше, хотя бой был долгий.

И вот дождались, дошли, дожили — первый снаряд по Берлину — и еще три — беглым огнем. На снарядах батареи писали разные слова и лозунги. Так что, когда удалось расписаться на кафельной печи на третьем этаже рейхстага (в 9 часов утра 2 мая), это были уже вторые автографы — а первые были посланы в рейхстаг раньше, — начертанные на снарядах. В последние часы штурма Андрей Пыжов и его соратники данные для стрельбы получали от командира стрелкового батальона капитана Неустроева и адъютанта батальона старшего лейтенанта Гусева, находившихся с батальоном в самом рейхстаге. Это уже были люди, знавшие точные цели!

Пришлось искать Неустроева и Гусева под страшным пулеметным обстрелом, в бою. Командир батальона и адъютант, определяя цели в рейхстаге, по существу, вызывали огонь на себя, потому что орудия большой мощности бьют так, что один снаряд может разнести пол-этажа даже такого толстостенного здания, как рейхстаг.

Семнадцать снарядов вбило в здание рейхстага тяжелое орудие Андрея Пыжова. Два снаряда не разорвались, потому что были без взрывчатки, специально! Они потом так и лежали в рейхстаге с подписями артиллеристов, выпарапанными на стали.

Андрей Васильевич Пыжов достаточно хлебнул горя из чаши войны, но узнал и пьянящий вкус победы. Но торжествовать и отдыхать ему было некогда. В конце 1946 года старший лейтенант запаса прибыл в свою родную Курскую область, сильно разоренную войной, встал на партийный учет (к тому времени у него уже был солидный стаж — 10 лет в партии!) и сразу впрягся в партийную работу. Был и инструктором, и секретарем райкома, и директором МТС, и председателем колхоза — тридцатитысячником.

Теперь он на отдыхе — пошел седьмой десяток, болями напоминают о себе и Выборгский лед и Ленинградская блокада.

Но в моей памяти — он худощавый, бледный, энергичным движением руки подающий команду:

— По фашистскому логову — огонь!...

Разведчик Н. И. Скатенок

«ЧТОБЫ ВЫ К НАМ БОЛЬШЕ НЕ ХОДИЛИ...»

Пионеры села Соколино Сычевского района в 1967 году на реке Гжать нашли «медальон смерти» * разведчика Скатенка Н. И. и сообщили по имевшемуся в медальоне адресу матери солдата, что он погиб в марте 1942 года и похоронен в селе Соколино. Между тем на стене рейхстага 2 мая 1945 года появилась надпись:

**МЫ ПРИШЛИ СЮДА, ЧТОБЫ ВЫ К НАМ
БОЛЬШЕ НЕ ХОДИЛИ.
ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА.
СТАРШИЙ СЕРЖАНТ СКАТЕНОК Н. И.**

* «Медальон смерти» — так фронтовики называли пластмассовый патрончик, в который вкладывался листок бумаги с обозначением воинского звания, фамилии, имени и отчества воина и адреса его родственников.

Н. И. Скатенок на работе

А в мае 1967 года к пионерам села Соколино приехал сам Николай Скатенок и рассказал на собрании в школе о своем боевом пути. Вот — в самой краткой записи — этот рассказ.

В мае 1941 года два семнадцатилетних паренька Николай Скатенок и Александр Булах закончили в Москве школу ФЗО и получили специальность плотника и пятый разряд. Но применить свое мастерство они не успели — началась война. Возвратиться в свою деревню уже было невозможно. Скатенок и Булах стали обивать двери военкоматов, требуя от-

правки на фронт. 17 лет оказались серьезным препятствием.

Однако «фабзайцы» своего добились, их обучили пулеметному мастерству и отправили на фронт.

Ехать на передовую от военкомата надо было всего час.

Никогда не видевшие моря подростки попали в морскую бригаду — Краснознаменную 64-ю, защищавшую столицу.

Настоящие моряки, окружив прибывших на пополнение, смеялись: «Салажата, вам в гавани дрова караулить нельзя доверить, а вы воевать думаете, да еще пулеметчиками!»

Надо было обидеться, да некогда: 1 декабря в 26-ти километрах от Москвы получили дружбу боевое крещение. Николай был командиром пулеметного расчета «максима», а Александр — подносчиком патронов.

Эти юноши участвовали в освобождении Клина, Красной Поляны, Волоколамска. Еще не кончился жестокий 1941 год, а Николай Скатенок в снегах под Москвой уже стал бывалым солдатом, а по воинской принадлежности — бывалым моряком.

Он узнал самое тяжелое — утрату друга. В наступательном бою затащили они с Александром Булахом пулемет на колокольню и вели огонь по противнику. Их засекли, обстреляли из минометов. Одним разрывом убило Булаха и ранило Скатенка.

С той минуты ожесточился молодой воин. В каждом бою он сражался словно за двоих. В августе сорок второго, когда стало ясно, что не скоро моряки увидят море, морскую бригаду переформировали и она стала 72-й стрелковой дивизией.

Тяжелые были времена. Да бывают ли на войне легкие!

Оборону на реке Гжать держали так, что на километр фронта приходилось по два солдата. Пулеметчик Скатенок все время менял позиции, давал короткие очереди, чтобы враг подумал, будто пулеметов много. Он воевал и за себя, и за друга Александра Булаха — все-таки уже двое!

Здесь на Гжати пулеметчик Скатенок был переведен в разведку. При форсировании

реки в марте 1942 года Николай провалился в прорубь, пробитую снарядом, и вымокший до нитки, ворвался с разведчиками в село Соколино.

Старик, высунувшийся из землянки, предупредил:

— Осторожно, тут немцы ставят мины. Разведчики подобралась к минерам на двадцать метров. Вдруг в руках немецкого капитана взорвалась мина. Три фашиста и их капитан погибли, а Николая Скатенко ранило. По-видимому, в этот момент и выпал у него из кармана «медальон смерти» с адресом матери. Во всяком случае, когда санитары перевязали разведчика, медальона уже не было. 25 лет пролежал медальон на берегу реки Гжать в земле.

На этот раз Николаю Скатенку не удалось уклониться от госпиталя. Вернувшись в свою дивизию, пулеметчик и разведчик получил вторую медаль «За боевые заслуги».

А дивизия, преобразованная из морской бригады, шла дальше, освобождала Россию и стала знаменитой. Вот ее наименование: 82-я Ярцевская, Смоленская, дважды Краснознаменная, ордена Суворова и Александра Невского стрелковая дивизия.

В составе дивизии Николай Скатенок освобождал и те города, что вошли в ее наименование, и участвовал в битве за Белоруссию и за Прибалтику.

А перешагнув за рубеж, дрался Скатенок за Варшаву, Лодзь и Познань, а потом пошел в Берлин. Насчет Берлина Скатенок написал мне так:

«Этот этап описывать не буду, известен всем последний удар наших войск, я награжден за Берлин орденом Красная Звезда».

И все же рейхстаг не был для Николая Скатенка концом войны. Пришлось еще форсировать Эльбу — и остановка, и мир были только в городе Мюльхаузене... Там Скатенок устанавливал разграничение с английской зоной. Ныне бывший воин работает столяром в порту Находка на Дальнем Востоке.

ВХОДИТ В ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ СТАЖ

Это была одна из первых надписей в сумрачном коридоре, ведущем в глубь здания рейхстага. На стене она появилась 1 Мая утром:

**Я ТАНКИСТ БИСЕНОВ М. Н.
СЕГОДНЯ ДОШЕЛ ДО РЕЙХСТАГА.
1. V. 1945 года.**

Прежде чем пройти по этому коридору, Мурад Бисенов, младший лейтенант, командир тяжелого танка в 85-м полку две недели сражался на улицах Берлина.

В ночь на 29 апреля танк Бисенова переправился через Шпрее, на левый берег.

В здании театра на берегу расположился штаб полка.

Полковник Тарасов поставил перед танкистами первой роты боевую задачу:

— Взаимодействуя с пехотой первого батальона семьсот пятьдесят шестого стрелкового полка, по сигналу «зеленая ракета» выйти по улице Альт-Моабит на Королевскую площадь и нанести удар по главному входу в рейхстаг.

Говорилось все это без пафоса, но взволнованно. Чувствовалось — последняя боевая задача.

Еще не наступил рассвет, когда танкисты были в двухстах метрах от цели. Пожары озирали Королевскую площадь. Пехота уже штурмовала здание, уже один из подготовленных и розданных перед штурмом красных флагов устанавливали на лестнице... Ураганный огонь из здания рейхстага остановил танк Бисенова.

Фауст-патрон угодил в корпус танка, и машина загорелась.

Задыхаясь от дыма, Бисенов поднял верхний люк и приказал экипажу покинуть машину. Сам Мурад Бисенов последним спрыгнул на камни Королевской площади и понял мгновенно, что положение у его танкистов

«аховое»: освещенные пламенем горячей машины, они, как мишень, посреди площади, как отличная мишень.

С верхних этажей рейхстага хлестали автоматные очереди. И надо ж было такому случиться, когда — всем это уже ясно — война завершится через несколько часов: Мурад почувствовал удар в лицо, вкус крови на губах.

Санитары подхватили его, оттащили на край Королевской площади, в развалины. К счастью, оказалось, что хотя командир танка и ранен в левую щеку, но достаточно перевязки.

Мурад Бисенов вновь выбежал на Королевскую площадь, где вели бой танки 85-го тяжелого полка.

Со знаменем полка танкисты ворвались в рейхстаг.

Танкист М. Н. Бисенов

Учитель М. Н. Бисенов

В те часы на куполе здания уже развевалось знамя Победы, но бой в залах, на лестницах и в подвалах еще не утих. Вот тогда-то и зашли танкисты внутрь рейхстага и Мурад Бисенов расписался на стене.

Танки полковника Тарасова, выполнив боевую задачу, встали у Бранденбургских ворот.

2 мая утром мне посчастливилось читать там стихи, стоя на самоходной установке. Мне запомнилось лицо молодого туркмена, танкиста. Шека его была перебинтована, но от этого, наверное, еще ярче сияли черные глаза. Он стоял возле тяжелого танка в законченном и обгорелом комбинезоне.

Так это, значит, вы были тогда товарищ Мурад Бисенов?

Участник боев за Кавказ, за освобождение Варшавы и штурм Берлина, храбрый сын туркменского народа вернулся в 1946 году в свой совхоз «Интернационал». В юности он начинал трудовой путь как учитель. Теперь его педагогический стаж очень солиден. В своем письме Мурад Бисенов сообщил мне об этом так:

«Мой учительский стаж составляет (включая службу в рядах Советской Армии) 30 лет».

Я прочитал и задумался. Можно ли считать бои и переходы в тяжелом танке, два ранения, форсирование рек, рукопашные схватки с врагом частью педагогического стажа?

Убежденно отвечаю себе и товарищам: да, лучшего педагогического стажа и не сыщешь! С честью прошел его туркменский учитель, гвардеец-танкист.

Крепкая жесткая седина не мешает ветерану по-юношески руководить комсомольской политечкой в колхозе.

ЦК комсомола Туркмении удостоил его за это Почетной грамотой.

А в школе ведет он, помимо всего прочего, подготовку стрелковых команд.

Педагогическая деятельность, начатая до войны и продолженная в тяжелом танке, скреплена подписью в каждой школьной тетрадке, в дневниках учеников. Та самая подпись, что на стене рейхстага...

НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

С начала мая 1945 года парк Тиргартен и здание рейхстага стали местом бесконечно сменяющихся экскурсий. Наши военные приезжали не только из близлежащих гарнизонов, но даже из Польши и из Чехословакии, где бои закончились позже.

Приезжали на грузовиках и в автобусах, заставляя машинами всю Королевскую площадь, кавалеристы спешили, привязывали коней к балюстраде набережной Кронпринценуфер и шли в рейхстаг. Я работал тогда в Берлине, куда переехала, покинув спецпоезд, наша редакция, превратившаяся из газеты 1-го Белорусского фронта в газету Группы советских войск в Германии.

В свободные часы я любил бродить у рейхстага: здесь всегда можно было встретить товарищей и знакомых, разбросанных военными обстоятельствами на разные направления Победы. Королевская площадь и аллея Победы стали как бы местом свиданий.

Так было и в этот день середины мая: я встретил у рейхстага несколько старых товарищей, приехавших из дальних гарнизонов. Один из них, впервые прибывший в Берлин, был очень возбужден:

— Это невероятно! Подписи наших товарищей, слова о мести, боевые маршруты, клятвы и вдруг среди всего этого — немецкие имя и фамилия, и написаны они по-немецки...

Действительно странная история! Неужели кто-то из солдат разгромленной армии перед тем, как его вывели из подвала, поставил свой автограф? И что он хотел этим выразить? Я обошел весь рейхстаг, прочитал сотни, а может, и тысячи автографов, но все они были на русском языке, лишь немногие записи — на грузинском, на казахском, на узбекском. Были и польские фамилии — солдаты Поправского, Берлинга и Сверчевского сражались в Берлине с нами рядом.

И все-таки — правда, не в этот день, а позже — я нашел немецкую роспись.

Конрад Вольф

76

Я не сопоставил тогда это имя с образом юного советского лейтенанта, с которым в пору боев познакомился в 47-й армии, в политотделе. Товарищи звали его — Кони. Запомнилась его могучая шевелюра, на которой пилотка едва держалась. Кони говорил по-русски отлично, и я лишь позже, после победы, узнал, что это был немец, сын известного писателя-антифашиста Фридриха Вольфа. Конрад родился в Штуттгарте, после прихода фашизма семья Вольфов эмигрировала. В школу Конрад пошел в Москве. Был пионером и комсомольцем. Когда началась война, ему исполнилось 15 лет. Едва дождавшись семнадцати, он пошел на фронт добровольцем, получил боевое крещение в битве за Кавказ, участвовал в форсировании Днепра, прошел через Польшу и штурмовал Берлин. Не раз приходилось ему участвовать в боях, под огнем выходить на передний край и в упор призывать немцев к благоразумию. Его наградили орденом Отечественной войны I степени. Я не собираюсь усложнять и без того сложные обстоятельства, но ясно представляю себе, как драматично для Кони было возвращение на родину. Но, может быть, он и тогда уже называл штурм Берли-

на так, как называют его теперь в Германской Демократической Республике, освобождение. Конечно, Конрад Вольф по полному праву и совершенно ответственно расписался на стене рейхстага по-немецки. После войны он работал в администрации земли Саксония-Ангальт, а потом из своего Берлина поехал в свою Москву учиться. Закончив Институт кинематографии, он во второй раз вернулся на родину. Не лейтенантом, а кинорежиссером. Им создано на студии ДЕФА десять кинофильмов. У нас известны его картины «Любовь и долг», «Лисси», «Звезды», «Профессор Мамлок» и, наконец, автобиографический фильм большой силы «Мне было девятнадцать». Ныне Конрад Вольф президент Академии искусств Германской Демократической Республики. Так что подпись в рейхстаге на немецком языке была и подписью советского солдата, и подписью верного сына Германии — антифашиста.

В СОРОК ПЯТОМ, В МАЕ...

В сорок пятом, в мае, вопреки уставу
Караульной службы,
Мы салютом личным подтвердили славу
Русского оружия:
Кто палил во тьму небес из пистолета,
Кто из автомата.
На берлинской автостраде было это,
Помните, ребята?
Быстрой трассой в небо уходили пули
И во мгле светились.
И они на землю больше не вернулись,
В звезды превратились.
И поныне мир наполнен красотой
Той весенней ночи.
Горе тем, кто это небо золотое
Сделать черным хочет.
Ведь стоят на страже люди всей планеты,
И неодолимы
Звезды, что салютом грозным в честь
Победы
Над землей зажгли мы.

ПОЭТ

Он расписался над депутатским входом в рейхстаг, но не своей фамилией, а другой, придуманной, вернее — рожденной им в годы войны, пронесенной в думах и мечтах по огненным дорогам.

В. Аринин, перочинным ножиком выскоблил он, хотя в 150-й дивизии все знали его как Васю Субботина. Арина — имя матери, уральской крестьянки, и сын решил, что Аринин — это будет его литературный псевдоним, писательское имя. В дивизионной газете, где он служил литературным сотрудником, товарищи привыкли, что обычную заметку он подписывал своей настоящей фамилией, а если статье или заметке он сам придавал особое значение и писал ее в приподнятых тонах, то подпись ставил — «В. Аринин».

Я услышал о нем впервые уже в конце войны, наверное, в апреле. Рассказывали, что на главное направление вышла часть, у которой есть свой поэт, что это лирический робкий юноша, бывший танкист, а теперь газетчик в пехоте, способный в любое время суток, в любую погоду, шагать из полка в батальон, а из батальона в роту. А что такое путь из батальона в роту под Кюстрином — фронтовикам объяснять нет необходимости, а тому, кто не был под Кюстрином, наверное, и не объяснишь.

В редакцию фронтовой газеты «Красная Армия», где я служил, всегда стекались сведения о «писучих» воинах, их стихи. Мне однажды прочитали несколько строф, принадлежащих этому самому Василию Субботину, который еще и В. Аринин. Стихов в поезд-редакцию приходило очень много, но редко попадались умелые и сильные. Стихи Субботина, кроме этих двух качеств, отличались еще одним — краткостью. Это были законченные и изящные миниатюры, не оторванные, однако, своим содержанием от забот и задач фронта. Меня поразили строки:

С помятыми кварталами Берлина
Подклеивает карту лейтенант.

«Помятые» — это как будто бы относится к карте, но в то же время создает эмоциональный образ кварталов Берлина. Очень будничное слово «подклеивает» неожиданно приобретает важное значение (символисты бы сказали — апокалипсическое!) и поэтичность. Вот в чем суть поэзии: всего две строчки, нарисована вроде бы картинка, даже не сценка, а сказано так много!

Мне не удалось тогда повидаться с поэтом — я провел последний месяц войны у танкистов Катукора и в дивизиях, шедших от Сталинграда, а в Идрицкую дивизию, где служил В. Субботин, навещался другой представитель нашей газеты. У нас, работников фронтовой газеты, были свои «полосы наступления», и встретились мы с В. Субботиным лишь в центре Берлина.

После войны, и не сразу, а через несколько лет я стал вести семинар в Литературном институте имени Горького, где когда-то учился и сам. Моими студентами оказались поэты всего на несколько лет моложе меня: Эдуард Асадов, Евгений Винокуров, Александр Николаев, Василий Субботин, Владимир Соколов, Ольга Кожухова. При небольшой разнице в возрасте мы были товарищами по войне, и это еще более усложняло мою, только начинавшуюся преподавательскую деятельность. Да и студентам моим нелегко было учиться — между школой и вузом в их жизни простиралось огромное минное поле войны.

Субботин попал в сложные житейские обстоятельства. Ему пришлось перейти на заочное отделение, он жил в Крыму — так требовало здоровье, на Урале — так требовал долг, а проездом из одного своего пункта в другой он сдавал зачеты и посещал семинар. Первое же выступление его на семинаре глубоко меня пробрало, и совсем это были не академические занятия, а суровая военная встреча. Стихи эти сейчас широко известны, опубликованы в антологиях и включены в хрестоматию, а мы слушали их первыми:

Не гремит колесница войны.
Что же вы не ушли от погони,
Наверху бранденбургской стены
Боевые немецкие кони?

Вот и арка. Проходим под ней.
Суд свершив справедливый и строгий.
У надменных державных коней
Перебиты железные ноги.

Семинар Литературного института — нелегкое испытание для молодого автора. Здесь говорят друг другу резкие слова, разбирают стихи по косточкам. Брала в оборот и Субботина. Но для меня его присутствие на семинаре, пусть не частое и проездом через Москву, было настоящим переживанием. В очень коротких, уместающихся на одной страничке стихах, он был солдатом, всегда солдатом, но не каким-нибудь, а особенным — советским: тонким и робким лириком, умеющим жестко и четко говорить правду. Невероятное сочетание, не правда ли? Псевдоним «В. Аринин» как-то не прижился, да к тому же в этой нелегкой жизни было поэту не до псевдонимов — и Субботин остался и утвердился как Субботин.

Какие точные строки были в его стихах! Как тяжело и радостно было мне слушать их. Тяжко — слишком близкие воспоминания, радостно, что молодой поэт находит настоящие слова, чтобы рассказать об увиденном нами. Я не для того, чтоб присоединиться употребляю местоимение «нами». Оказалось, что мы были совсем рядом не только в Берлине, но и в самом начале, в сорок первом, одним шляхом отступали от границы. Я недавно прочел у Субботина, как он шел в сорок первом через Волочиск и Подволочиск и понял, что мы шли где-то почти рядом и в один и тот же день через эти города на старой границе. Василий Субботин сумел увидеть и записать, что старик целует танковую броню «немым и долгим поцелуем, как икону», что маскировочные листья на каске снайпера — как лавровый венок; сумел сказать об улыбке, прорывающей оборону противника. В стихах поэта об атаке я встретил совершенно удивительный, ошарашивающий, а потом, после размышлений, оказывающийся абсолютно верным, образ:

Я лезу уже через бруствер,
Как в детстве я лез за порог.

Он очень многое видел и пережил, этот застенчивый, тонколицый кудрявый парень, которому я должен поставить годовой зачет. А он прочитал стихи и умолк. Он вообще немногословен, танкист ведь, а они живут среди грохота и потому немногословны, тихи.

Иногда мы с Субботиным оставались после занятий в аудитории и вспоминали Берлин, рейхстаг, апрельские и майские дни, когда испытали великое и навсегда вдохновившее нас чувство победы. Мне казалось, что выведя в стихах квадратный корень из пережитого тогда в Берлине, Субботин еще не высказался в полной мере, и это его тяготит. Ведь в стихах не назовешь все имена товарищей, а их надо назвать, не вспомнишь все подробности заключительного боя, а их надо вспомнить. Василия Субботина сама история поставила на пост летописца: он оказался единственным писателем, находившимся не просто в Берлине, а неотлучно на должности в дивизии, штурмовавшей рейхстаг. Он видел не только своими глазами, как устанавливали знамя Победы, его шинель была прокопчена дымом, клубившимся вокруг. Он знал детали, которые никому не были ведомы. Например, откуда взялся красный материал на флаг, привязанный еще 30 апреля днем к колонне рейхстага? Оказывается, был красный тиковый чехол, его разрезали на полотнища, под ураганным огнем понесли через Королевскую площадь и донесли!

Он первый писал о героях штурма — пусть в маленькую дивизионную газету, но все же — в печать. В печати он сообщил первым о событиях всемирно-исторического значения. Где-то на рубеже 60-х годов Субботина «прорвало» на прозу. Он создал книгу о последних боях, о том, как брали рейхстаг; он написал о своих товарищах. И о штурме, увиденном глазами, которые не только видели, но еще и были опалены тем огнем.

Я считаю книгу Василия Субботина «Как кончаются войны» произведением большой силы и огромного значения. Нарочно не называю жанра. Что это? Роман? Повесть? Цикл рассказов? Записки? Очерки? На мой взгляд, — это роман, состоящий из стихотво-

рений в прозе. Не случайно на титуле стоит обобщающее название «Записки поэта».

Создав документальную книгу о штурме рейхстага, Василий Субботин выполнил свой долг перед товарищами, перед временем.

В книге все правда и прежде всего — это правда поэта о себе, но это еще и документальное изложение подвига. Ведь никто другой, а наш Василий Субботин вспомнил и впервые назвал имя человека, впереди других добравшегося до колонн рейхстага и упавшего на последней ступени со знаменем в руках. Имя это теперь упоминается в документах, научных работах: Петр Пятницкий. Рассказ о нем или стихотворение в прозе называется «Забывший солдат». Хорошо, что название это устарело. Но для того, чтобы устареть, оно должно было быть когда-то новым. Через 15 лет после гибели Пятницкого Субботин не только написал о нем, но раскопал все документы, «поднял» всю его историю. Это подвиг писателя. Не о Пятницком ли вспоминал поэт еще в первые дни после Победы в стихотворении «Эпилог»:

А первый, флагом осененный тем,
Решил остаться неизвестным свету.
Как мужество, что мы явили всем
Ему еще названья тоже нету.

Влюбленно и восторженно писал Субботин о героях штурма — Степане Неустроеве, Петре Щербине, Василии Егорове, Мелитоне Каптария, Рахимжане Кошкарбаеве, Василии Давыдове, Кузьме Гусеве, Илье Съянове. Особенно нежно написал он о лейтенанте Алексее Бересте. Есть в этом описании одна неточность: Бересту было в Берлине не двадцать, как пишет Субботин, а двадцать пять лет. Но Субботин чутко уловил юношеский характер Береста. Наверно, потому герой запомнился как двадцатилетний? И мне тоже Берест казался тогда двадцатилетним и я не хочу, чтобы это впечатление изменилось. Для точности скажу, что Василий Субботин и Алексей Берест — ровесники. Они отражали друг друга. Не я придумал такое и считаю, что

Василий Субботин. 1945 г.

здорово сказано. Я могу так выразиться поэтому, что вооружен строками Субботина:

В самих себя заглядывать подчас,
Наверное, еще затем не надо,
Что в бурном веке отражает нас
Всего вернее — тот, кто с нами рядом.

И все же искренние эти строки в споре сами с собой. Именно потому, что Субботина всегда окружали славные люди, были рядом с поэтом. Вот хотя бы его ровесник Берест... Вероятно, и Субботин чувствовал себя в сорок первом году, если не стариком, то пожилым человеком, зато в сорок пятом — двадцатилетним. Он написал об этом уже в мирные времена:

Двадцатилетние парни,
мы появились в траншее.
На потрясенных равнинах
участь решили земли.
Шли мы по Унтер-ден-Линден,
шли мы по Зигес Аллее —
Всеми дорогами мира,
всеми проселками шли.
Беглые тени пожара
резко ложились на лица.
Много терпели мы горя,
много узнали мы бед.
Пусть никогда не померкнет,
пусть навсегда сохранится
В наших нацеленных взглядах

Красного знамени свет!

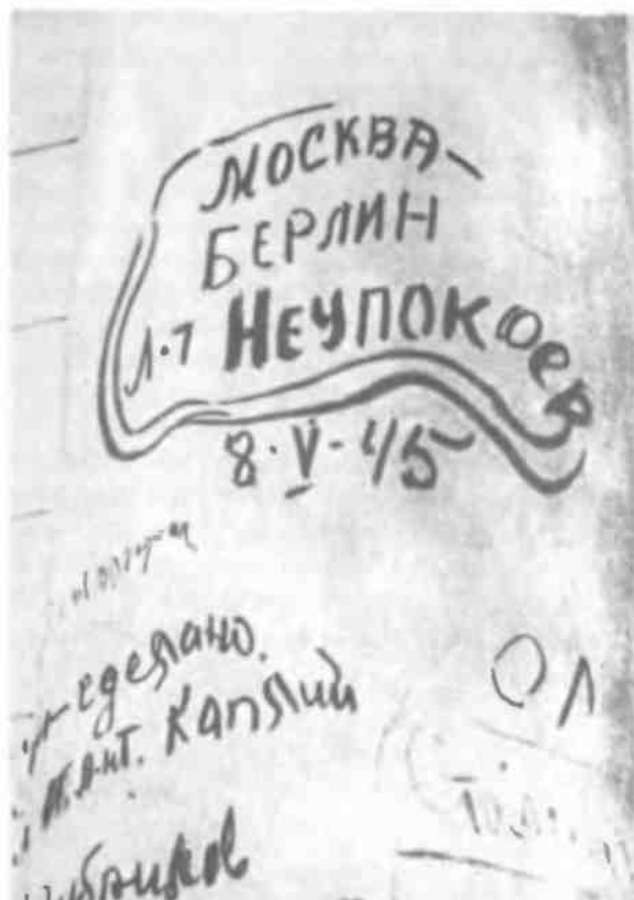
Это не просто восьмистишие. Оно равно целой биографии и программе на всю жизнь. Я называю Василия Субботина певцом великой Берлинской битвы и штурма рейхстага и думаю, что это совсем немало для поэта. Но необходимо добавить, что он просто поэт, умеющий, как все настоящие поэты, делать поэзией то, что раньше поэзией не считалось. Я читал все, что им написано. Он пишет о Крыме и об Урале, и о Париже, о счастливой любви и о несчастной, обо всем, о чем ему необходимо сказать. Но о чем бы он ни писал, цвет Красного знамени присутствует в его нацеленном взгляде и всегда с ним память о победе и о том, что

Фамилиями нашими пестрят
Продымленные стены цитадели.

ОПРАВДАЕМ КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Лейтенанта Неупокоева, лихо расписавшегося на колонне рейхстага, разыскивали долго. Проверка картотек, списков и личных дел показала, что в штурме Берлина участвовало два лейтенанта с такой фамилией. Я помню эту фамилию под стихами во фронтовой газете.

Автограф оставил, как выяснилось, Геннадий Яковлевич Неупокоев, кировчанин. Я искал его в Кировской области — говорили, что он директор школы в деревне Иж, но оказалось, что его перевели в другой район. Там мне тоже не удалось найти Неупокоева — и лишь потом я узнал, что он живет в Татарии, на станции Агрыз, работает в школе-интернате. Геннадий Неупокоев после войны заочно закончил педагогический институт, учительство — его призвание и увлечение. А на войну он ушел юношей, и первое ранение получил на Дону, а второе — под Ригой. Мы с Неупокоевым — собратья: он был в окопах редактором и членом редколлегий «Боевых листков»,

писал статьи, заметки, ну, и, конечно, стихи. Когда дивизию за успешную ликвидацию бо-бруйской группировки противника наградили орденом Красного Знамени, Геннадий Яковлевич сочинил стихи, они и были напечатаны во фронтовой газете:

...Оправдаем Красное знамя,
Что вручает нам народ!

Называлось это стихотворение — «Клятва». «Оправдаем», пусть неумело, но искренне выражало мысли и чувства воинов. Когда бывшему командиру взвода противотанковых ружей Геннадию Неупокоеву задали вопрос: «Что было на войне для него трудней всего?». Он с хитрой улыбкой ответил: «Что трудней всего — не знаю, а хлопотливей всего оказалось в бою сфотографироваться для партбилета!».

В этом бою, уже с партбилетом в кармане, был лейтенант снова ранен...

Краснознаменная дивизия подошла к центру Берлина во втором эшелоне и была двинута дальше — на Эльбу.

Все же Геннадий Неупокоев успел заскочить в рейхстаг и отметить.

Г. Я. Неупокоев среди школьников

КАМЕННАЯ ПОЧТА

Рассказ о надписи, сделанной в вестибюле рейхстага, справа от центрального входа мне хочется начать издадека.

**БЫЛА В БЕРЛИНЕ 9 V 45 г.
ГАЛЯ ДЖАШИ ИЗ ТБИЛИСИ.**

В Иркутской области, там, где сейчас только строятся, но уже стала знаменитой и вошла в песни Усть-Илимская электростанция, в семье сосланного на вечную каторгу и освобожденного докатившимся до Сибири победным валом Октябрьской революции коммуниста Ушанги Софроновича Джаши родилась дочь. Ее называли Галиной. Это было в апреле восемнадцатого года, когда Ушанги Джаши, член партии с 1903 года, наборщик подпольных типографий с женой-сибирячкой Марией Яковлевной собирались на родину. Так что Галина Джаши Сибири, где родилась, не помнит.

Вернувшись в Тбилиси, Ушанги Джаши вновь окунулся в революционную деятельность. После советизации Грузии он стал редактором газеты «Рабочий».

Вскоре у маленькой грузинки с русским именем появился брат. Назвали его Николаем. Дети революционера росли в чудесном Тбилиси, были пионерами, потом комсомольцами. Ничего особенного об их юности не расскажешь, просто была она трудовой и счастливой, эта юность, такой же, как у сотен тысяч сверстников.

Когда началась Великая Отечественная война, старый солдат революции Ушанги Джаши проводил сына и дочь на фронт. Все было естественно и просто: отец завоевывал революцию, дети шли ее защищать.

Не знал старый большевик, что глаза его не увидят Победы, но был глубоко убежден, что дети одолеют врага и к победе придут.

Николай ушел в артиллеристы, а Галина, к той поре уже год отработавшая врачом после окончания медицинского факультета,

Галина Джаши. 1945 г.

со шпалой в петлице была направлена в медсанбат, на Крымский фронт.

Брат с сестрой разлучались впервые, правда, оставались вместе — на войне.

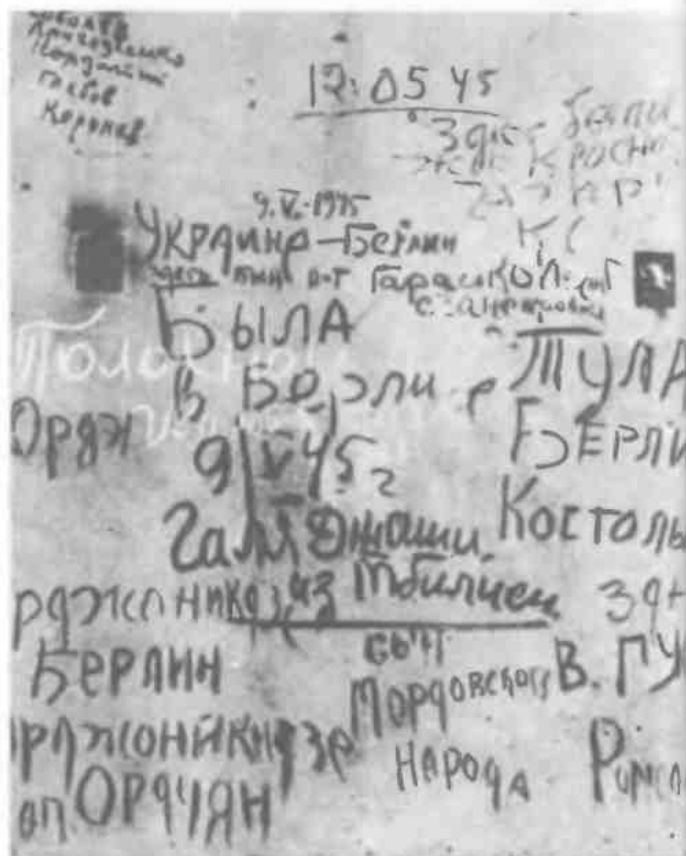
Интересно сейчас вспомнить, что в те времена горя и отступления Галина и Николай Джаши шутивно и всерьез договорились: если раньше военные их дороги не сойдутся, то уж в Берлине непременно и обязательно они встретятся.

Тяжелый военный путь Галины начался с отступления на Керченском полуострове. В праздничный день не заставляйте ветеранов вспоминать крымскую трагедию, слишком

горьким и горестным будет воспоминание... Под бомбами и снарядами эвакуировали раненых на Большую землю. Спасали людей и гибли — и спасаемые, и спасавшие. Немногие бойцы медсанбата добрались до Темрюка. Была среди них и чудом оставшаяся в живых Галина Джаши. От батальона почти никого не осталось, пришлось военврачу 3 ранга получать новое назначение. Джаши работала в полевом госпитале близ станции Минеральные Воды и в августе 1942 года на ее долю выпало новое отступление — на этот раз через Кавказские перевалы.

Погрустнела и повзрослела неунывающая грузинка. Но твердости и лихости не растеряла на дорогах отступления и в конце того же года извела и суровую радость: войска пошли на запад, атакуя и гоня противника.

У врача в период наступательных боев всегда много работы. Но такой нагрузки, как под Моздоком, госпиталь не испытывал ни раньше, ни позже: двенадцать дней и ночей, падая от усталости, стояла комсомолка, дочь большевика, у операционного стола. Это был ее пост, ее позиция в боях за Советскую власть, за коммунизм. Она выстояла. Ее приняли в партию, в новые бои она шла уже коммунисткой.

Пришлось Галине однажды во время операции услышать не вой бомб, а словно бы шелест. Фронтовики знают — когда бомба не воем, а шелестит, это значит, что она летит прямо на тебя. Рядом рухнула стена. Но врач не прервал операцию, ведь прерванная операция — верная смерть для солдата, которого в эти минуты с таким трудом возвращали к жизни.

Мужество молодого военврача было отмечено орденом Красной Звезды.

У летчиков счет ведется на боевые вылеты. Военврачи не считали, сколько операций делали. Делали столько, сколько было необходимо.

В 1944 году в польском городе Седлец я побывал в госпитале, где проходила военную службу Галина Джаши.

Еще и сейчас помню образцовый порядок, царивший в этом армейском учреждении, постоянно двигавшемся в непосредственной близости к фронту, постоянно сталкивавшемся с горем войны.

Не в каждой больнице мирных-премирных времен встретишь такой порядок. Но я не с инспекцией был в госпитале, просто навещал раненого товарища. Мне запомнились не только чистота и порядок. Я помню совсем уж прекрасное — светлый дух интернационализма, которым была проникнута вся атмосфера жизни госпиталя. Многонационален был и персонал госпиталя, и то, что называется «контингентом ранбольных». Да и та, о которой я веду нынче речь, Галя Джаши, дочь грузина и сибирячки — разве не олицетворяет она единение народа, под знаменами которого пошла по дорогам Европы Красная Армия?

Госпиталь кочевал с фронта на фронт — он принадлежал и 1-му Белорусскому, и 2-му Белорусскому, и 1-му Украинскому. Он разворачивался там, где это было необходимо: в лесах и школах, в болотах и баронских замках, в палатках, дворцах, землянках, а направление оставалось единым и единственным — к Берлину.

Участвовала в битве за Берлин и Галина Джаши. И где-то поблизости — по тем же до-

Заслуженный врач Грузинской ССР
Галина Ушанговна Джаши

рогам и в том же направлении двигался на запад со своей зенитной батареей ее младший брат — Николай.

В ту победную радостную пору пришла к ним горькая весть из Тбилиси, еще более сблизившая брата и сестру, — отец скончался. Очень нужно было Николаю и Галине встретиться, но военная дорога шла рядом, но мимо встречи.

Последним пунктом дислокации госпиталей был баронский замок неподалеку от Берлина. Сиреневая стояла весна. С первых чисел мая перестали поступать раненые на обработку. Значит, все, значит — победа.

Утром 9 мая в Берлин помчался «газик» начальника госпиталя. В машине был маленький советский интернационал — русский Лазарев, армянин Ордуян, грузин Толодорва и Джаши.

Галина мечтала о чуде — сейчас в центре Берлина она встретит брата. Чудеса на войне — дело обыкновенное, но брату и сестре, видно, не пришла еще пора встретиться. И Галина вспомнила «каменную почту»: когда освобождали и входили в свои многострадальные города, на руинах, на стенах, просто на камнях часто встречались выцарапанные или краской набросанные надписи: жители сообщали родным, что живы, указывали, где и как их найти, просто расписывались, чтобы подать весточку о себе.

Войдя в рейхстаг и увидев исписанные стены, Галина Джаши решила сообщить брату о том, что жива и здорова, окликнуть его. Конечно же, она была уверена, что Николай тоже придет сюда и, может быть, будет искать среди надписей знакомое имя.

Так и возникла надпись Гали Джаши из Тбилиси. Впрочем, назначения своего надпись не выполнила. Николай Джаши в тот самый день тоже был здесь, но автографа сестры не увидел.

Они встретились лишь после демобилизации в родном Тбилиси.

Ныне Галина Ушанговна Джаши заведует отделением Института травматологии и ортопедии.

Она заслуженный врач Грузинской ССР, депутат Тбилисского городского Совета.

Николай Джаши — доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики Тбилисского университета и редактор газеты «Тбилиси».

Работы у них — по горло, на воспоминания нет времени.

Но сохранившаяся в музее фотография стены с надписью, сделанной Галей Джаши, привлекает внимание, и все равно не будет Галине Ушанговне покоя и на этом фронте — на фронте воспоминаний.

Вот я и решился рассказать историю этой надписи. Как товарищ Галины и Николая Джаши по фронту.

ИМЕННО В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Именно в День Победы пришел в рейхстаг связист Михаил Филиппович Усачев. Те, что штурмовали рейхстаг, вышли из боя второго мая, третьего, самое позднее — четвертого. Но рядовой Усачев воевал на территории Берлина не в рейхстаге, а, можно сказать, под рейхстагом, и та схватка закончилась лишь к 9 мая.

Очень сложная обстановка сложилась тогда в тоннелях берлинского метрополитена. Входы на станции почти незаметны — никаких вестибюлей нет, только латинская буква «У» («унтерgrund» — подземка). Букву эту — вроде нашего знаменитого «М» на станциях метро — тоже не везде можно было увидеть: ее посшибала артиллерия. А лестниц, ведущих куда-то вниз, тогда было в разрушенном Берлине очень много. Теперь уже все это стало далекой историей и редко кто знает, что битва за Берлин шла не только на земле и в воздухе, но и под землей.

Для участников битвы сложность и опасность подземной войны тоже открылись не сразу. Это связисты, в рядах которых состоял и Михаил Усачев, первыми обнаружили условные знаки на стенах и выяснили их смысл — подвалы домов очень глубоки и соединены друг с другом, стрелками были показаны потайные выходы. Берлинское метро, если употреблять технические термины — поверхностного заложения, и бывали случаи, когда наш тяжелый снаряд или авиабомба пробивали перекрытие. Но все-таки это было убежище, и там пряталось немало штатских жителей Берлина. Но туда же спустились выбитые из домов и гитлеровцы. Им предлагали сдаться, увещевали в рупоры, напоминая, что в тоннелях есть женщины и дети...

Михаил Филиппович Усачев оказался среди гвардейцев, которым пришлось вести тяжелейший бой в темных и сырых туннелях берлинской подземки. Здесь то и дело возникали рукопашные схватки и продвижение в направлении рейхстага было медленное.

Усачев и его товарищи вышли из-под земли у самого рейхстага. Они увидели красные флаги на куполе, на фронтоне, на издырявленных осколками фигурах из окислившейся меди.

Значит, рейхстаг уже взят!

На поверхности не слышалось выстрелов. На площади стояли пестро разрисованные фургоны передвижного цирка, а около них вздымались горы немецких автоматов, фауст-патронов, винтовок, амуниции. Пленные двигались унылыми колоннами.

Вот тогда-то Михаил Филиппович Усачев и подался к рейхстагу, поставил свою подпись и дату — 9. 5. 45. Он, правда, не знал еще, что день этот и эта дата останутся в истории и будут названы именем нашей Победы.

Электромонтер Михаил Филиппович Усачев ныне уже, как говорится, в годах — ведь когда расписывался на стене рейхстага, было ему тридцать пять — вот и считайте, сколько теперь исполнилось. Он не только ветеран войны — на заводе электромашин в Челябинске он заслуженно пользуется и славой ветерана труда.

ОПОЗДАНИЕ ПО УВАЖИТЕЛЬНОЙ ПРИЧИНЕ

Пусть Умара Хайдарова в Берлин был долг и нелегок. Он участвовал в знаменитой Курской битве, сражался на станции Поньры и в Малоархангельске, был ранен в лицо. Пришлось поскитаться по госпиталям. Лечили молодого воина и в Москве, и в Сочи — увидел он эти города впервые.

После излечения вернуться на фронт удалось лишь в мае 1944 года, но работы на войне еще оставалось много — надо было освободить Польшу, штурмовать Берлин. И воин-таджик, смелый и опытный, шел с друзьями на запад. Очень хотелось Умару Хайдарову первому ворваться в рейхстаг. Но не удалось. Часть, в которой он служил, в штурме Берлина участвовала, и направление было — к самому центру, «объекту 105», а это и был на картах рейхстаг. Но произошло нечто непредвиденное. На улице подбежал к Хайдарову

младший лейтенант, неизвестно откуда взявшийся и неведомо из какой части, предупредил, что большая группа фашистов с танками прорывается из центра города, все крушит, напала неожиданно, и надо преградить ей путь. Взводу Хайдарова пришлось драться в суматошном бою, в котором принимали участие наши танки, но когда прорывавшаяся группировка врага была разбита, оказалось, что помогавшие войнам танки — не наши, а польские, ну, не по выпуску, а по войсковой принадлежности. А сталь уральская. Так Умар Хайдаров в бою познакомился с поляками.

Ликвидация прорывавшейся немецкой колонны потребовала много времени, и только вечером 2 мая Хайдаров дошел до центра Берлина.

ОТ БЕРЕГОВ СЫР-ДАРЬИ ДОШЕЛ ДО БЕРЛИНА ХАЙДАРОВ УМАР.

оставил он свою запись в зале заседаний рейхстага. Я получил от него письмо из Камыш-Кургана Ленинабадской области Таджикской ССР. Он вспоминает в письме боевых товарищей и досадует на то, что из-за этой на голову свалившейся немецкой колонны не дошел до рейхстага первым.

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

В районе Бреста 19 сентября 1944 года наш батальон переходил государственную границу Советского Союза. Впереди была Польша, а за ней (трудно сказать, далеко или близко) — Германия.

Замполит батальона лейтенант Павел Богомячков на берегу Буга поднял горсть земли, завернул ее бережно в платок и обратился к стрелкам: «Сыны Советской Родины! Боевые друзья! Понесем эту горсть земли в Бер-

лин, и пусть эта земля будет там опорой нашей...». Многие солдаты последовали примеру замполита...

С тяжелыми боями батальон прошел от Буга до Одера. Нес замполит горсть родной земли, нес бережно, осторожно, будто не в кармане, завернутая в платке, хранится она, а лежит на ладони.

22 апреля батальон взял пригород Дальвиц, вступил в пределы Берлина. Земля была у Павла Петровича с собой, он прикасался рукой к карману, чувствовал, как она пересыпается в платке.

Было раздумье: как поступить с землей? Вроде бы клятва, данная бойцам батальона и самому себе, выполнена. Но Богомячков — слишком опытный воин, чтобы наивно считать кольцевую автостраду решающей линией. Он понимал, что еще предстоят нелегкие бои и только «объект 105», его взятие, будет концом войны и победой.

Военный опыт молодой политработник приобрел еще в 1939 году на реке Халхин-Гол, он участвовал там в разгроме врага и ясно представлял себе картину окончательной победы.

Последние 8 дней апреля слились в один сплошной бой. Спутались дни и ночи, некогда было подумать об отдыхе. Батальон Павла Нестеренко бросился форсировать Шпрее.

Брестская земля в кармане замполита перекочевала на другой берег, она все приближалась к центру Берлина.

Бой шел в Трептов-парке. Пришлось комбату и замполиту учить бойцов применять в бою трофейные фауст-патроны. Павлу Богомячкову из села Богомячково Шилкинского района Читинской области выпало в Берлине заниматься дипломатией: он посылал гражданских немцев к оборонявшимся солдатам и фольксштурмистам, чтоб они уговаривали окруженные гарнизоны домов сдаться. Происходило это на улице, в глубине которой видны были Бранденбургские ворота. А улица называлась Унтер-ден-Линден, что в переводе значит «Под липами», но липы тогда еще не зазеленели и здорово их побило осколками.

2 мая наступила тишина, которую Павел Петрович называет «дикой». Сперва неожиданное слово резануло мой слух, а потом я вспомнил то утро и согласился с определением Богомячкова. «Дикая» пришла тишина. Вот тогда замполит батальона и явился в рейхстаг.

Он вошел по парадной лестнице. Шел торжественно, медленно и спокойно, испытывая высокий душевный подъем и некую умиротворенность, непривычную и неестественную. О том, что вторая в его жизни война завершается, мысль пришла не сразу. В памяти промелькнули желтые ковыльные степи Монголии, а потом их заслонили тяжелые каменные громады, которые пришлось брать десять дней подряд. Всего десять дней продолжались бои в Берлине, только десять дней, если считать, что в город вошел батальон 22 апреля. Но уж очень насыщены они были огнем, может, равны году обороны или похода эти десять дней. Мимо шли уныло и, казалось, бесконечной вереницей ошалевшие и растерянные солдаты противника: были среди них и старики, и совсем мальчишки, были здоровенные типы в черных бушлатах — их привезли с морской базы, вернее — десантировали на парашютах и самому Гитлеру представили как спасителей. В общем, это была выставка образцов вермахта — и карикатурных, и страшных, и трагических. Они сбрасывали в кучи оружие, и оно громко клало. Богомячков вспомнил, что такие же звуки слышал он в 1939 году на берегах реки Халхин-Гол, когда сдавались и складывали оружие японцы. Замполит подумал тревожно: «Как теперь будет с Японией? Сдастся ли без нового Халхин-Гола, потеряв безнадежно своих европейских партнеров — Германию и Италию, или будет еще драться? Не придется ли советскому солдату заканчивать вторую мировую войну на другом конце света?»

Павел Богомячков у парадного входа поставил свою подпись и тут вспомнил, что в кармане у него земля, взятая на Родине, на берегу Буга. Вынул он из кармана платок, в который была завернута земля, и задумался, что с ней делать, с этой горстью земли. Ведь по-

клялись бойцы и он поклялся донести ее до Берлина. Была ли она, эта земля, опорой нашей в последнем бою? Да, была! Настоящий солдат верит в силу родной земли. В деревне зовут ее кормилицей, на фронте — спасительницей. А как тут назвать? Вдохновительницей, пожалуй. И, как тогда на Буге, называли — опорой.

Крепко сжал Павел Богомячков теплую, согретую на груди горсть земли. Он согрел ее или она его согревала?

Невозможно было с ней расставаться, как-то не с руки было положить ее здесь. Старший лейтенант (он как раз в эти дни стал старшим) вновь бережно завернул землю в платок. Так и осталась она его спутницей, а если хотите, талисманом. Замполита трудно заподозрить в суеверии. Но талисману своему он доверял, горсть земли для него много значила. Она сопровождала его и на немецкой земле, и на берегах Тихого океана.

Кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны I степени и Красной Звезды, майор запаса Павел Петрович Богомячков теперь строитель, и не просто строитель, а заместитель начальника строительного управления в Черемхове, в Сибири. Возводит он дома и заводы на родной земле, на той земле, что в размере горсти одной, но вся — от края и до края — была опорой нашей в бою.

КОГДА ГОВОРЯТ СТИХАМИ

У краинский поэт Василь Швец, ветеран войны и мой товарищ вспомнил и обнаружил в печати очень интересную надпись на рейхстаге:

**БУДЕМ, БУДЕМ БИТЫ
ЧЕПУРНЫЙ.**

Каждый, кто знает украинскую поэзию, сразу вспомнит, что три слова — не выдумка бойца, фамилия которого Чепурный, а стихотворная

строчка, и не просто стихотворная строчка, но знаменитая, из стихов нашего современника и классика Павла Тычины, из стихотворения, что не только проходят в школе, но и очень любят. Стихотворение это сам Тычина для себя считал программным, оно вошло в историю литературы и впервые было опубликовано в «Правде» в 1933 году. «Партия ведет» — называется это стихотворение. Его название стало лозунгом.

Павло Тычина знал, как использовал неизвестный ему фронтовик Чепурный строчку из стихотворения, очень гордился тем, что его строка пришла Чепурному на память в такой важный и значительный день, в такой момент и в таком месте. Особенно радовало чудесного украинского лирика, что стихи были подписаны фамилией воина. Значит, он считал эту строку своей! Значит, поэт вооружил его! Василь Швец рассказывает, что внес исправление в настенный текст — выше фамилии Чепурный он написал: **Павло Тычина**.

А вот еще один боевой эпизод из жизни стихов. Поэт Василий Субботин, летописец берлинских событий, в новелле «Лучшая надпись» рассказывает:

— На высоте второго этажа острым камнем было выцарапано:

**ВОТ КОГДА ВОЙНА ПРОЙДЕТ
СТОРОНКОЙ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНУЮ ОТСЛУЖУ,
Я В СИБИРЬ, В РОДНУЮ
ДЕРЕВЕНЬКУ,
НА МОГИЛУ К МАТЕРИ СХОЖУ.**

Василий Субботин считает это четверостишие — лучшей надписью. Особенно запала она в душу начинающему поэту. Подписи под текстом не было...

Может статься, и даже наверное, в те времена Субботин не знал, что четыре песенные строки принадлежат нашему старшему товарищу (совсем ненамного старше нас был он в годы войны), поэту большому и известному — Иосифу Уткину. Во всяком случае, в своей новелле «Лучшая надпись» Василий Субботин не приводит фамилии автора, сохра-

няя естественность того юношеского восприятия безымянной надписи.

Что же это за четверостишие, что же это за стихотворение? Иосиф Уткин принес в поэзию суровые картины гражданской войны в Сибири. Стихотворение это, написанное в 1924 году и напечатанное в «Огоньке» под названием «Рассказ партизана», в дальнейшем именовалось «Рассказ солдата». Стихотворение в тридцать строк содержало драматическую историю. Сюжета вполне хватило бы на толстый том, если бы это была проза: мать ждет сына, узнает от партизан, что он повешен, и, вступив на дорогу борьбы, поджигает место, где находятся офицеры. Ее запарывают шомполами... Интересно отметить, что неизвестный воин, высказавшийся на стене стихами Уткина, несколько изменил текст. В книгах строфа печаталась так:

Вот когда война пройдет маленько
И действительную отслужу.
Я в Сибирь,
В родную деревеньку,
Непременно к матери схожу.

Думаю, вторая строка этой строфы заставила поэта изменить название — ведь партизану несвойственен разговор о действительной службе. Что касается изменения первой строки, то, несомненно, слова о войне, которая «пройдет маленько», в рейхстаге были явно неуместные. Какое уж тут «маленько»! Но я считаю, что война пройдет стороной — тоже не очень соответствующая моменту строка. Да о чем я говорю? Иосиф Уткин погиб 13 ноября 1944 года. И вот живые его стихи в счастливый День Победы! Я этой надписи не видел, целиком полагаюсь на память Василия Субботина. Строки Павло Тычины и Иосифа Уткина — не единственные стихи, записанные на каменных страницах последнего боя в Берлине. Я видел в рейхстаге надпись:

РОССИИ НЕ БЫТЬ ПОКОРЕННОЙ

и не сразу воспринял ее как цитату, настолько она была естественна и уместна. И только

потом, наверное через годы, я вспомнил, что это из знаменитого «Левого марша» Владимира Маяковского. Совершенно ясно, почему приведена была только одна эта строчка из стихов 1918 года, а не, допустим, все четверостишие — там разговор шел о британской короне и британском льве, а в победные дни подобные упоминания исключались. Причина была в самом душевном состоянии победителей: мы обнимались с британцами на Эльбе.

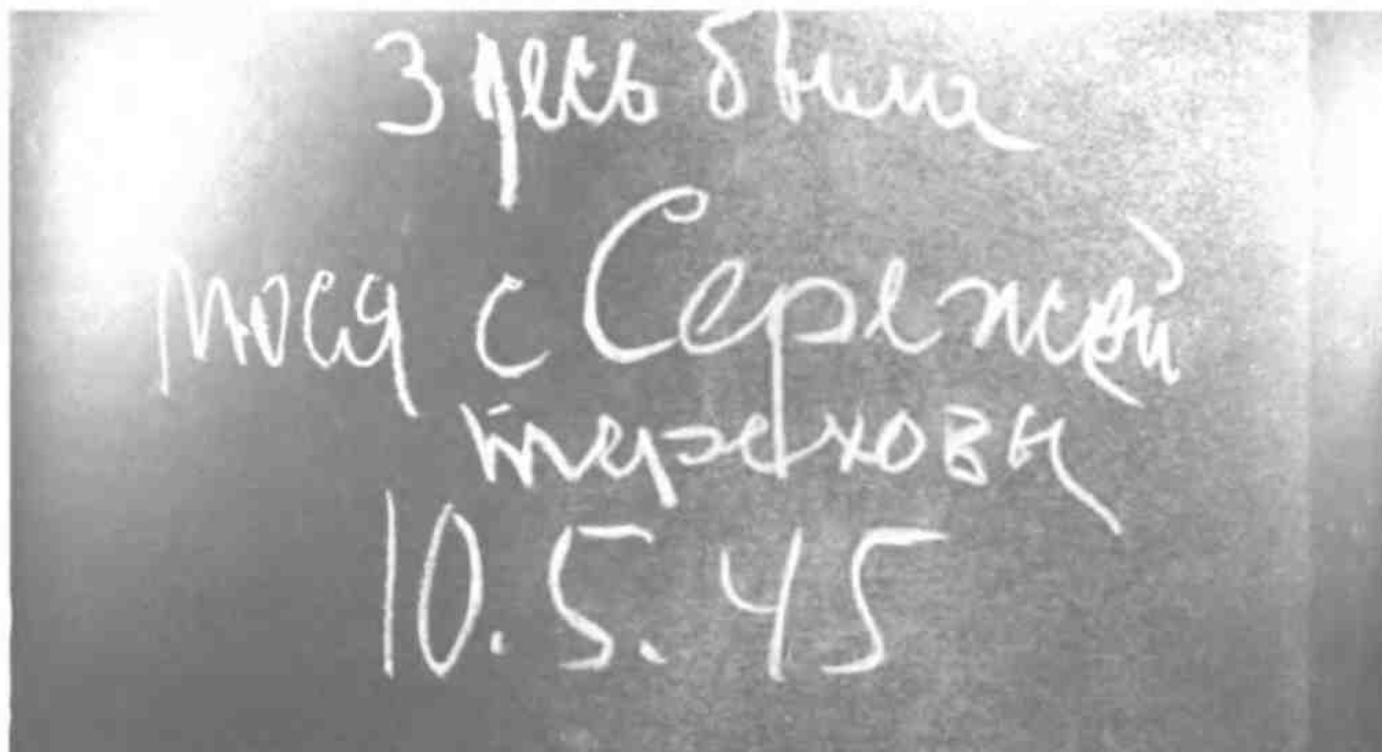
Я привел лишь три цитаты из стихов советских поэтов. Могу с уверенностью сказать, что было их гораздо больше, и, наверное, мои товарищи по фронту могут вспомнить еще немало примеров подобного рода.

Но я был бы несправедлив, не упомянув неопытные, совсем-совсем самодельные и самодельные стихи, выражавшие чувства дошедших до Берлина воинов. На крутых перевалах своей жизни и в дни, связанные с крутыми перевалами истории, стихами начинают говорить люди, к поэзии — во всяком случае профессиональной — непричастные.

Стихи состояли на вооружении Красной Армии во все огненные годы. Они звучали и в День Победы.

ПОСЛЕ СЕРЕБРЯНОЙ СВАДЬБЫ

В одной из газет по праздничному поводу была опубликована фотография особенной и необычной надписи, сделанной тоже на стене рейхстага, но, как говорится, стоящей особняком и выбивающейся из общего стиля. По поводу этой надписи и публикации ее один хороший товарищ, всегда отличавшийся штабной строгостью, прислал мне недовольное письмо. Он утверждает, что надпись компрометирует всю идею, а появление ее, тем более опубликование, доказывает, будто к росписям многие относились несерьезно и

писали на стенах рейхстага примерно так же, как это делалось во все времена на курортных скалах и на садовых скамейках. Что же это за слова, так возмущившие моего корреспондента?

**ЗДЕСЬ БЫЛИ ЛЮСЯ С СЕРЕЖЕЙ:
ТЕРЕХОВЫ. 10. 5. 45.**

Я заметил еще тогда, в мае сорок пятого, эту, по мнению товарища, злосчастную надпись и несколько других, подобных ей, и, признаюсь, радовался их появлению, не усмотрел в них никакого криминала. Наоборот, мне казалось тогда (а теперь я в этом уверен), что надпись очень серьезна, важна и знаменательна.

Попробую объяснить свою мысль хотя бы цитатами из писем участников Берлинской битвы, присланных мне через много лет после войны. Но сначала позвольте высказаться... На мой призыв откликнуться расписавшихся на рейхстаге ответили многие боевые товарищи письмами за двумя подписями. Это и ока-

зались те самые или другие, находившиеся тогда в рейхстаге Люси и Сережи, ныне солидные люди, имеющие детей и внуков. Потребность поставить в прекрасный час Победы два имени рядом лишь утверждает величие этого часа.

Судите сами: за четыре почти года — и каких года — 1941—1945 — возникло и, увы, поредело несколько новых поколений: в условиях войны кончалось отрочество, приходила юность, проходило возмужание тысяч и тысяч людей. А многие не успели стать взрослыми, став бессмертными. Но оставшиеся на земле и те, кто верил в жизнь до последней минуты, были людьми с большой буквы, были готовы на подвиг и совершали подвиги, несли в сердцах и бескрайнюю любовь к Родине, и неизрасходованный запас нежности, верности, любви, ожидавшей встречи и раскрытия. Огонь содействует и закалке металла, и сердечной нежности. Ханжество существовало всегда, но большая и настоящая любовь преодолевала эту преграду. Я глубоко убежден в нравственной чистоте своих боевых товари-

щей. Не говорю, что это относится ко всем поголовно, не берусь выводить проценты. Но утверждаю: в той войне за высокие идеалы удивительно высок был моральный уровень бойца.

Суровая система армейской жизни, да еще и в боевых условиях, казалось бы, всей своей сутью противостоит встрече двоих, чувству, принадлежащему только им. Наверное, это так, и ничего не поделаешь... Но вопреки обстоятельствам и условиям, наперекор запретам, которые на войне, в армии должны были существовать, а вовсе не были придуманы «злыми» начальниками, любовь зарождалась, росла, тоже участвовала в подвиге.

Жди меня! — было заклинанием взрослых. Подрастали в боях те, кого еще никто не ждал. И можно ли упрекнуть их за то, что зарождение первого чувства, поход и бой совпали и по времени, и по месту?

На Великой Отечественной войне — не будем этого скрывать — были заложены фундаменты многих семей, наверное, тысяч семей, ныне уже отпраздновавших свою серебряную свадьбу. Эта могучая проверка временем позволяет мне утверждать, что не торопливое легкомыслие, а настоящее чувство водило рукой неизвестных мне Люси и Сережи Тереховых и многих других влюбленных...

Я смело говорю о людях, мне незнакомых, не проводя поиска и не заглядывая в их анкеты. Люся и Сережа Тереховы расписались 10 мая 1945 года, то есть на следующий день после капитуляции Германии. В это время в Берлине еще не могло, никак не могло быть случайных прохожих, празднующихся. Невоевавшие люди тоже не могли в тот день оказаться в рейхстаге. Картина совершенно очевидная и типичная: фронтовики, таившие свои чувства и скрывавшие свою близость, наверняка еще не бывшие оба Тереховыми (если это не брат с сестрой, что, впрочем, невероятно), доверили закопченной стене «логова» свою тайну, а вернее, раскрыли ее. Пришла Победа народа и победа их — как личная, Люсина и Сережина. Конец войны был для них началом новой жизни и рождением семьи. Не сразу после победы в романах и

кинофильмах получили ничем не регламентированные, полные права гражданства запретные чувства (правда, теперь уже трудно сказать, мешали ли они или содействовали победе).

Но я обещал процитировать письма... Пожалуйста! Это по преимуществу письма тех товарищей, о которых уже было рассказано мной. Полковник Михаил Александрович Подуст вспоминает:

«Там были все наши товарищи — Москвин, Макаров, Золотарев, Галич, а я был со своей настоящей женой, Клавдией Николаевной — фельдшером полкового медицинского пункта».

По-военному четко, без сентиментов. О том, какая славная получилась семья, уже шла речь в этой книге... Феодосий Донской из Якутии так описывает демобилизацию:

«Из Австрии, по дороге на Родину, заехал в Кировскую область, недалеко от города Котельнич, и там женился на фронтовой подруге Антонине Яковлевне Шабалиной. Она служила начальником поста ВНОС, была сержантом. Демобилизовалась в 1945 году и работала в бухгалтерии трикотажной фабрики».

Остается только напомнить, что в семье Донских шестеро детей, все работают и учатся или еще только учатся, а Антонина Яковлевна растит их и тоже работает — в Якутском леспромхозе.

Бывший сержант Мария Белянина (Старикова), укладчица парашютов, вспоминая своего славного командира полка (Краснознаменного Радомского штурмового авиационного) Владимира Глебова, рассказывает и о подруге по фронту — Ольге, ставшей женой Глебова. У них теперь два сына, оба в армии. Их семья и дом стали центром сбора ветеранов полка... Авиаторы расписались 7 мая возле статуэток ангелов с крылышками в круглом зале.

Каждое письмо на эту тему — прекрасный сюжет для романа или фильма и очень четкий рентгеновский снимок характера человека.

Лидия Харитоновна Аксенова из города Чер-

нигова говорит, что взялась за перо, чтобы рассказать о своей семье. Но вот как получилось: главное место в письме уделено 20-й гвардейской минометной бригаде, любимой бригаде «катюш», где служили и она, и будущий ее супруг В. И. Аксенов. Опять и опять — про бои, про героизм товарищей. Но вот, кажется, начинается разговор о себе?

«Мое участие в войне скромное — я была секретарем политотдела бригады. На моем счету нет уничтоженных врагов, но мне приятно сознавать, что не одна сотня славных имен в партийные билеты и кандидатские карточки вписана моей рукой».

Аксенов командовал одной из батарей.

Лидия Харитоновна рассказывает, как ее будущий муж с товарищами — Досаевым (погиб в Маньчжурии), Малыгиным и Никифоровым ездили 8 мая фотографировать результаты ударов «катюш» и расписались на рейхстаге. Но когда же про любовь?! Погодите.

«В июне 1945 года, после парада Победы (В. И. Аксенов был его участником), мы стали мужем и женой, и он был направлен к месту военных действий на Дальнем Востоке. В Приморском крае мы прожили 19 лет. Все трое наших детей родились там. Семья у нас дружная, дети хорошие — честные и скромные. С детьми своими мы много говорим о долге перед Родиной, рассказываем им о храбрости, которую видели во множестве в годы войны, и я счастлива, честное слово, что у моих детей здоровые чистые взгляды на жизнь, они добросовестны во всем, у них хорошие товарищи».

Ну, а где же про любовь?

Да тут ведь каждое слово полно любовью, и невозможно отделить рассказ о грозной бригаде «катюш» от слов о детях, выросших в семье победителей.

Я обещал раньше поподробнее рассказать о сердечных делах адъютанта батальона, непосредственно штурмовавшего рейхстаг, — Кузмы Гусева.

Гусев — человек острый, боюсь, попадет мне от него, но все-таки не удержусь, расскажу.

Под Ленинградом в госпитале познакомился он с медицинской сестрой Екатериной Астапенковой. Тогда встречи их были краткими, и все приходилось видаться на людях. Только надежда теплилась — малая и неверная, что когда-нибудь встретятся они вновь. Расстались в печали, далекий путь к месту нового назначения предстоял Гусеву. Потом его опять ранило и, как это не невероятно, но произошла у них встреча под Воронежем, в эшелоне, отправлявшемся на фронт. Вновь короткая встреча и какие-то не те, что необходимо было сказать, слова, и обещание искать друг друга. Строка, взятая из песни, «Напиши куда-нибудь», как нельзя точнее отражала происходящее.

О Екатерине Астапенковой, ее подвигах и о том, что она тоже на 1-м Белорусском фронте, Гусев узнал из статьи, напечатанной в газете «Красная Армия». Группа раненых бойцов обращалась в редакцию с просьбой рассказать всем о том, как вели мужественно себя медсестры во время массированного налета на медсанбат.

Я служил тогда в этой самой газете «Красная Армия» и хорошо помню, что письма раненых с благодарностью медицинскому персоналу проходили в печать редко и с огромным трудом. Считалось, что за исполнение долга — а медики, как и все другие солдаты разных родов войск, ухаживая за ранеными и окружая их заботой, исполняли свой долг — благодарности могут идти только сверху, от командования. В этом был некий, военными условиями диктуемый смысл, однако о Екатерине Астапенковой и ее подругах раненые писали не просто, чтобы поблагодарить, а рассказывали о подвиге медицинских сестер во время налета авиации.

Как хорошо, что мы, работники газеты «Красная Армия», тогда пошли против самим себе продиктованных правил и напечатали письмо раненых. Со страниц фронтовой газеты пришла к Кузьме Гусеву весть о дорогом ему человеке, старший лейтенант узнал, что Катя Астапенкова тоже на 1-м Белорусском фронте. Фронт — это огромная машина, целая страна, но Кузьме Владимировичу уже казалось,

что он и медсестра — совсем рядом. Они расписывались на стенах рейхстага не в один день и не встретили тогда друг друга. Два долгих года потом Кузьма Гусев искал Екатерину Астапенкову и все-таки нашел ее и женился.

Кто посмеет иронически взглянуть на них?

А Алексей Берест? Он тоже был женат на медицинской сестре, фронтовой подруге.

Вновь и вновь возвращаясь к теме войны, я копался в архивах и документах, встречался со многими ветеранами. Сейчас в списках ветеранов часто видишь две одинаковые фамилии рядом и один адрес. И сразу понимаешь, какая красивая и романтическая история тут таится. Смее утверждать, что высмеянная пошляками и осужденная ханжами, с полным на то основанием выведенная начальством за пределы разговора о быте войны — несчастная и счастливая, слабая и сильная, тяжелая и легкая — товарищ Любовь сделала на войне доброе и великое дело.

Вот в чем пафос этой надписи:

ЗДЕСЬ БЫЛИ ЛЮСЯ С СЕРЕЖЕЙ.

Ее надо оценить как представляющую многие судьбы и высокий нравственный полет участников войны.

В 50-е годы я принимал участие в работе над фильмом «Сказание о земле сибирской». Написал шуточную песню, не слишком связанную с сюжетом и сценарием, однако вышедшую на экране и довольно широко распространенную тогда. В нынешние времена песню эту исполняют во всякого рода «воспоминательных» радиопередачах. Ее, как это не грустно автору, можно подвести под рубрику забытых песен, и я позволю себе ее почти полностью опубликовать, поскольку она имеет отношение к теме нашего разговора и ранее мною в книгах не публиковалась. Объясню, почему я сказал «почти полностью». Вместе с музыкой композитора Николая Крюкова песня сопровождается возгласами и междометиями, которые я не считаю нужным приводить в литературном варианте.

Расскажу я вам, ребята,
Как нашел себе жену.
Я шофером был в солдатах
За баранкой всю войну.

И куда я не поеду,
Встречу девушку с флажком
Только я начну беседу...
— Не задерживай движенья,
Проезжай без промедленья,
Мой приказ — в пути закон!

Наступленье дальше мчится,
Мы уходим за границу,
Встретил снова ту девицу
По дороге в Бухарест.
— Разрешите обратиться?
— Только быстро, здесь разъезд.
Проезжай, да поскорее!
Видишь — сзади батарея.
А не то пошлю в объезд!

Так и шла моя машина
Аж до самого Берлина.
Вот и улицы-руины,
Там ее я встретил вновь.

Мы гуляли по Берлину,
Говорили про любовь.
Расписались на рейхстаге,
А потом и на бумаге.

Путь обратный, путь в Россию,
Реки, села, города,
Вместе едем мы впервые,
Но теперь уж навсегда.

Если будете в Тюмени,
Заезжайте к нам в колхоз,
Мы бы загодя пельмени
Положили на мороз.

Эх, Сибирь, душа моя,
Нам сдается, что она
Для большого счастья
Очень подходящая страна.

Я взял из своего архива пожелтевшие письма двадцатилетней давности, отклики на эту песню. Приведу только один из них:

«В песне о Тюмени все написано правильно, кроме того, что мы живем не в Тюмени, а дальше от Москвы, в Забайкалье. Он был шофером, а я служила в ВАД (отряд военно-автомобильной дороги), он ездил редко и все мимо, мимо, никак не могли поговорить толком. Я считалась в отряде очень строгой, потому что берегла улыбку только для него. Встретились, наконец, в Германии после войны. Демобилизация была осенью, он за мной приехал из Тюрингии, поехали к моим родителям. Живем дружно. Недавно нам сказали, что в фильме «Сказание о земле сибирской» про вас песня. Понимаю, что не про нас, но все думают, что про нас, кто знает.

Татьяна».

Письмо это давнишнее, не знаю, как сейчас живут мои герои. Поэтому не решаюсь приводить фамилию Татьяны. Но вижу по другим письмам, что формула:

«Расписались на рейхстаге,

А потом и на бумаге»

подходит ко многим судьбам, ко многим историям.

РОВЕСНИК ВЕКА

Научному сотруднику Сибирского филиала Академии наук, участнику Великой Отечественной войны Олегу Малову товарищи показали газету с фотографией стен рейхстага и заинтересовались: «Не ваша ли это подпись, в левом нижнем углу?».

Ученый долго рассматривал сквозь толстые стекла очков исторический снимок.

— Понимаю ваше желание иметь своего участника штурма Берлина. Но, увы, мой путь по войне завершился в других краях. А это подпись отца, Ивана Федоровича, почерк его я ни с чьим не спутаю.

Сейчас, наверное, непросто представить себе, что и отец, и сын находились на фронтах, и может показаться, что отец уже тогда был старым — как только таких дедов брали в армию! На самом деле Иван Федорович Малов в те времена вовсе не был старцем. Он ровесник века и, значит, в Берлин пришел сорокапятилетним. Но такой человек обязательно имеет интересную биографию. Это не просто, это почти звание — ровесник двадцатого века!

Я не ошибся в своих предположениях.

Иван Федорович Малов оказался участником гражданской войны, боевое крещение получил он на польском фронте.

Вернувшись с первой своей войны, Иван Малов приобрел кропотливую и романтическую профессию геодезиста. В 20-х годах он участвовал в составлении лоцманской карты реки Оки — годы провел среди левитановской и нестеровской природы. А потом уже в великие времена пятилеток Малов прокладывал трассу канала Москва — Волга и внес свой вклад в изменение географии нашей страны. Ему была оказана большая честь — в группе ударников-героев стройки плыть на первом теплоходе и открывать канал имени Москвы. Как реки впадают в море, так и профессия Ивана Федоровича потянула его к морским берегам. Непростое дело — выбрать место для порта. Необходимо исследование берегов — этим занимался Малов в предвоенные годы. Он любил путешествия, боготворил природу: не просто любовался ею, но словно бы вел с ней постоянный упрямый спор.

Но любителю просторов, ветров и водных пространств, когда началась война, при-

шлось... уйти под землю. На войну его сразу не взяли. Он стал метростроевцем. Это не было изменением профессии. Геодезисты — это разведчики земли, на стройке метро они называются маркшейдерами и от них зависит точность прокладки трассы: какая работа ответственной?

На московском метро маркшейдеры работают с ювелирной точностью: знаменитые сбойки — соединение туннелей в глубине — всегда превращались в праздник благодаря их мастерству. Я это помню по первой очереди. Иван Малов стал маркшейдером в нелегкую пору: молодые парни ушли на фронт, под землей работали женщины и пожилые шахтеры. Малов прокладывал трассу, переучивался, что называется, на ходу.

Прошу москвичей или гостей столицы, если им случится проезжать подземные станции Новокузнецкая, Павелецкая, Автозаводская, Бауманская, помянуть добрым словом человека, разведавшего эту трассу и указавшего проходчикам точное направление туннелей. Малов-старший работал, не считаясь со временем, иногда сутками не выходил из-под земли. Он не мог ведь отстать в боевом настроении от сына, воевавшего в пехоте...

Но так случилось, что подземного гвардейца призвали в армию. Говорю «случилось», потому что в 1944 году это уже был редкий случай. Геодезист, да еще и метростроевец, конечно, был «забронирован», таких по всем указаниям и приказам военкоматам вызывать не полагалось.

Сейчас я уже не имею возможности уточнить, как Иван Малов оказался на фронте. Есть у меня подозрение, что он сам предпринял кое-какие шаги и меры для того, чтобы с передового края труда перебраться на передний край боя, кто его теперь за это осудит?

В штурмовой инженерно-саперной бригаде на Висле появился новый рядовой. Командиры сразу почувствовали, что имеют дело с опытным мастером, и определили его в разведку. Оказалось, что геодезист и на фронте прокладывает путь. Только не под землей, а через минные поля, через реки и баррикады...

Особенно горячо пришлось Малову при штур-

И. Ф. Малов

98

ме крепости Познань: ведь она — я это помню хорошо — была окружена древним рвом, и современный бой иногда сочетался в Познани со старинными способами осады. На Одере, на Шпрее и в борьбе за центр Берлина штурмовики-саперы вновь отличились.

Расписавшись на стене рейхстага, вернулся домой старый солдат Иван Малов. Вернулся и сын, тоже рядовой, Олег, обогнав отца в наградах и по числу ранений. Орден Красного Знамени — только Трудового — Иван Федорович получил позже — за строительство портов на Дальнем Востоке. Пришлось ему после Берлина побывать еще не раз за границей — и тоже по строительным делам, оказывать помощь молодым странам. Недавно Иван Федорович умер. А на земле остались его автографы: проложенные трассы метрополитена и канала имени Москвы, порты в Находке и Ванино, да еще на Северном и Черном морях, ну, и надпись на рейхстаге.

Хорошую жизнь прожил ровесник века.

ДАЛЬНИЙ ПРИЦЕЛ

Вот с этой апрельской опушки
В свой срок, через десять минут,
Тяжелые русские пушки
Стрелять по Берлину начнут.

Гвардейцы снимают шинели —
Расчет к наступлению готов.
Под солнцем чужим заблестели
Медали родных городов.

Здесь рядом с медалью одесской
Идут сталинградцы в огне,
И рядом с Адмиралтейством —
Зубцы на кремлевской стене.

Огонь! — И гремит батарея,
Вздыхает горячий металл.
Огонь! — И дымится за Шпрее
Восьмиэтажный обвал.

Прибоем бушует отвага,
Шагает гвардеец сквозь дым.
Огонь! — И колонны рейхстага
Склоняют колени пред ним.

Как рушатся серые здания,
Отравленный рушится мир.
Я знаю секрет попадания,
Я ненависть в сердце вскормил.

Все дело в тончайшем прицеле,
А мы наводили тогда,
Когда в окруженьи метели
К Москве подступала беда,

Когда в ленинградской блокаде
Сшибало нас голодом с ног,
Когда громыхал в Сталинграде
Их танков драконий поток.

...На светлой апрельской опушке
Капели с сосновых вершин.
Грохочут советские пушки,
Снаряды уходят в Берлин.

От пота черны гимнастерки,
Весенняя хлещет метель.
Смеется пушкарь дальнозоркий —
Пред ним долгожданная цель.

ПОСОЛ ЗАПОЛЯРЬЯ

В конце мая 1945 года прибыл в Германию для дальнейшего прохождения службы в оккупационных войсках лейтенант Петр Георгиевич Бойцов.

Все было ему внове в Берлине, и ходил он по поверженной столице недавних противников взволнованный, возбужденный. Он направился к центру города, прошел под Бранденбургскими воротами, которые к тому времени были уже освобождены от кирпичных баррикад между колоннами, и оказался около рейхстага.

Лейтенант Петр Георгиевич Бойцов стоял перед рейхстагом в задумчивости — долг был его путь в армейских рядах, а вот не пришлось участвовать в штурме этой последней цитадели.

Его призвали давно, в 1936 году, и служил он на Украине в кавалерии, а потом оказался в снежной кавалерии — так называли бойцов лыжных батальонов во время войны с белофиннами. Лыжник-разведчик, он узнал еще в сороковом году, что такое окружение и ранение, и что такое леденящая стужа. Остался на Севере и войну Отечественную встретил за Полярным кругом.

Было лето без ночи и зима без дня, и вновь, и еще такой год, пока не разгромили защитники Заполярья северную группировку противника, пока не взяли Петсамо.

Пришлось лейтенанту Петру Бойцову находиться в самом центре этих событий, и ничего, что участок фронта был не такой уж центральный. Некоторые войска, державшие оборону Советского Севера, освободились для новых дел, и Бойцов оказался теперь в Прибалтике — участвовал в освобождении Литвы и Латвии и разгроме курляндской группировки противника.

Это уж было не так далеко от родных мест, в частности от города Гдова, откуда в далеком тридцать шестом Петр Бойцов уехал служить в кавалерию.

Но Великая Отечественная война закончилась, а путь лейтенанта все равно лежал дальше — в Германию.

Войдя в рейхстаг, Петр Бойцов увидел, что группы военных ходят по коридорам и кабинетам, расписываются на стенах. Бывалый солдат постоял, подумал: а ведь не посторонним наблюдателем пришел он в рейхстаг, ведь и заполярная эпопея, и прибалтийская битва приблизили День Победы, и установление знамени на ребрах разбитого купола этого огромного здания, ставшего символом нашего торжества и полного поражения противника.

Петр Бойцов почувствовал себя представителем всех тех славных солдат, что столько бед хлебнули рядом с ним на Севере. Подумалось: «Вот напишу от всех защитников Заполярья».

Однако военная сдержанность, выработанная за долгие годы службы, не позволила руке широко размахнуться.

И решил тогда лейтенант расписаться от себя лично:

**Я, БОЙЦОВ П. Г.,
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛ., Г. ГДОВ,
ПРИШЕЛ В БЕРЛИН
И СТОЮ В РЕЙХСТАГЕ ГИТЛЕРА.
МАЙ 1945 ГОД.**

Подумалось и о том, что в своем Гдове давно не был. Но побывать дома довелось не скоро: служил после Германии и в Средней Азии, и в Западной Белоруссии, и лишь через пять лет после войны вернулся в свою Ленинградскую область. За время отсутствия солдата родился новый город — Сланцы, и в этом городе приняли Бойцова как знатного земляка, не раз выбирали в депутаты городского Совета и в члены горкома, и работал он на заводе с полной отдачей, как служил в армии.

А все-таки мне жаль, что Петр Бойцов тогда в рейхстаге поскромничал — не расписался от имени всех защитников Заполярья.

ПРИГОВОР ПОДПИСАН

Анатолию Митрофановичу Кривоплясову едва исполнилось восемнадцать лет, когда пришла Победа. Но за плечами уже был нелегкий солдатский опыт и путь от Брянских лесов до Берлина. Состоял он в армейской разведке; армии, в которой он служил, пришлось брать Берлин, но не те кварталы, где рейхстаг. Разведчик на то и разведчик, чтоб ни при каких обстоятельствах не теряться. Так что в рейхстаге Анатолий Митрофанович побывал на второй день, как его взяли, и пусть не первым, но свой автограф поставил, зайдя не с парадного входа, а со стороны Бранденбургских ворот. Как выйдешь налево — лестница, ведущая на второй этаж, где несколько небольших кабинетов. Вот там, на стене, молодой бывалый солдат и начертил ножом:

100

**ПРИГОВОР ПОДПИСАН ТЕБЕ, ФАШИЗМ.
КРИВОПЛЯСОВ А. М.**

Наверное, был он одним из самых молодых и от имени восемнадцатилетних — не все они успели на фронт — подписал приговор фашизму.

«И это мы сделали, простые русские ребята, солдаты Советской страны», — пишет бондарь Некрыловского консервного завода Новохоперского района Воронежской области, старшина запаса Анатолий Митрофанович Кривоплясов. И добавляет:

«Рейхстаг теперь находится в английской зоне. Это очень жаль — его бы нужно оставить в демократическом Берлине — как память о нашей победе».

Я согласен с Анатолием Кривоплясовым и могу только посетовать, что это от нас не зависит. Рейхстаг территориально — в Западном Берлине, но исторически он всегда будет на конечной точке нашего победного пути. Верно ведь, боевой товарищ? И приговор фашизму, тобой подписанный, ни обжалованию, ни пересмотру не подлежит.

ОДНОПОЛЧАНЕ

Он встретил последний день боев в парке Тиргартен — колхозник из Чувашской деревни Тараево, боец отдельного батальона связи 5-й ударной армии Г. А. Махров. До рейхстага было рукой подать, и 3 мая группа связистов прошла по Зигесаллее к самому «логову». Было у солдат желание расписаться на фасаде, над главным входом, но место это оказалось уже густо исписанным. Пошли искать внутри здания, где бы лучше отметить, что чуваша штурмовали Берлин. Махров забрался на плечо своего земляка Никитина и над дверью в вестибюле начертил:

**МАХРОВ, НИКИТИН — С ЧУВАШИИ.
ВОЛГА — БЕРЛИН.**

Махров демобилизовался, вернулся в свою деревню... Вскоре в Тараево пришло письмо от А. Александрова, односельчанина, с которым Г. Махров давно не виделся: были на разных участках фронта. Оказалось, что Александров теперь несет службу в Германии. Ездил он в Берлин на экскурсию. Конечно, осматривал рейхстаг и прочитал над дверью в вестибюле фамилии товарищей из одной с ним деревни, из Тараево. Так Александров узнал, что его односельчане живы и здоровы. Рейхстаг оказался узлом связи для чувашей из деревни Тараево.

МРАЧНАЯ ФАМИЛИЯ

Странная надпись была у парадного входа. Она сохранилась на фотографии и напомнила о том недоумении, которое тогда, в мае 1945 года, вызвала у меня и у моих товарищей. На ровном камне было написано: **Могила**. Несколько ниже и правей: **Марко**. Еще ниже начертано было: **Николаев**. **Николаев** — это могло быть фамилией. **Марко**, подумалось мне, наверное, имя этого самого Николаева. А **Могила** — это характеристика рейхстага, что ли? Уж очень лаконично! Но после опубликования фотографии в газете «Правда», через 20 лет, пришло письмо, разъяснившее и объяснившее все. Оказалось, что **Могила** — фамилия, **Марко** — имя, а точнее партизанская кличка, а **Николаев** — место, которое боец счел нужным указать как свою родину.

Мне захотелось найти Марко Могилу, и я написал в Николаев, но выяснилось, что в Николаеве этот человек работал давным-давно, до войны, был «корабелом», профессия на верфи у него называлась «судовой разметчик», а потом он был моряком-пограничником, а еще потом служил в милиции. После войны он вернулся в Николаев, но ненадолго, работал шофером, а теперь работает за рулем такси в городе Ивано-Франковске.

Из Ивано-Франковского таксопарка я получил документ, какого сроду не получал. Маяковский говорил: «Я себя огромным чувствую заводом, вырабатывающим счастье». Я почувствовал себя, если не заводом, то, во всяком случае, учреждением, когда дочитал до конца этот документ. Судите сами:

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

на водителя Ивано-Франковского автопредприятия Могила Макара Васильевича. Рождения 1909 г., украинца, члена КПСС, образование н/среднее. В автопредприятии работает водителем с 1960 г. по н/время.

Проявил себя дисциплинированным, трудолюбивым и знающим свое дело. Государственный план выполняет систематически. Пятилетку выполнил досрочно. Культурно обслуживает пассажиров. На него за время работы не поступило ни единой жалобы на плохое обслуживание.

В общественной и партийной работе участвует. Избран председателем комиссии контроля деятельности администрации, имеет ряд поощрений, ему присвоено звание ударника коммунистического труда. Морально идеологически выдержан.

Характеристика выдана для представления поэту Долматовскому.

Директор... секретарь... печать...

Кажется, приняли меня за учреждение, право слово! При всей курьезности предоставления поэту производственной характеристики на возможного героя будущего произведения я, во-первых, порадовался тому, что фронтовик, расписавшийся на рейхстаге, так высоко оценен у себя на работе, а во-вторых, тому, что моему поиску придается серьезное значение: даже печать поставлена!

Наконец я добрался до самого Марко. Интересная биография, солдатская судьба. В 1941 году Макар Могила (или Мугила, как у него в метрике), милиционер, охранял Дарницкий мост на Днепре, вылавливал немецких парашютистов. Тяжелые это были времена. При отступлении был Макар Васильевич ранен в голову, как многих бедолаг, оказавшихся ранеными и обессиленными на оккупированной территории, его спрятали

колхозники, выходили, а потом переправили к партизанам.

Стал Макар партизанским разведчиком Марко. Отряд, в котором он оказался, действовал на Черниговщине, в минских лесах, а потом, в конце 1943 года, на западных рубежах партизаны соединились с наступающими частями Красной Армии и влились в их ряды.

Еще два раза Марко был ранен в боях, возвращался вновь в строй, дошел до самого Берлина. Для точности: не дошел, а доехал. После очередного госпиталя и выздоровления партизанский разведчик, переквалифицировавшийся в минометчика, вспомнил, наконец, свою юношескую профессию и сел «за баранку».

Как только затих бой, он лихо подвез своих дружков-однополчан к рейхстагу, и стали они расписываться. Было это как раз в день рождения Макара Васильевича — 3 мая. Разведчик, боевой друг, Володя Румянцев расписался у верхнего края камня. А роспись Могилы вызвала у товарищей целый спор. Поймут

ли, что это фамилия? Вот так и получилась вся эта надпись. По поводу своей росписи Макар Васильевич Могилла так высказался на страницах газеты:

«Товарищи в шутку говорят: с одной стороны у тебя, Марко Васильевич, фамилия слишком мрачная, а с другой — символическая. Она прямо, без особой дипломатии, напоминает, что ждет любых западногерманских реваншистов».

И СНОВА В БОЙ

Иван Михайлов был танкистом, но особого профиля — в танковой бригаде служил он минером-подрывником: если, прокладывая путь пехоте и танкам, авиация и артиллерия должны были смести препятствия и не могли это сделать, тогда вступали в бой минеры — делала свое дело взрывчатка. Для выполнения такой задачи приходилось Ивану Михайлову идти в огонь впереди танков, что

не так уж просто. Танкисты, а с ними и минеры, и их двадцатилетний командир Иван Михайлов проскочили южнее Берлина к Эльбе. Был конец апреля, уже зацвели фруктовые деревья. Танкисты умывались в прохладной воде Эльбы, отдыхали, мыли машины.

Иван Михайлов мыл долго и тщательно свой совсем почерневший от огня и дыма последних сражений бронетранспортер. И вдруг один из минеров задумчиво произнес слова, которых все очень долго ждали:

— Товарищи, а война-то, кажется, кончилась!

Но в этот момент раздалась команда:

— По машинам!

Они ворвались в Берлин с юга, подошли к самому центру. Дразнись ожесточенно, дерзко, но — скрывать не надо — мысль о том, что это последний бой, владела всеми. Последний бой четырехлетней войны, а за ним впереди — желанный отдых и ни с чем не сравнимое ощущение жизни, которой уже ничто не угрожает...

3 мая в середине дня младший лейтенант Иван Михайлов подъехал на своем вновь успевшем закоптиться бронетранспортере к зданию рейхстага. Было у младшего лейтенанта восхитительное настроение, впрочем, мало чем отличавшееся от настроения других гвардейцев: «Победа! Живы!».

У Михайлова, помимо общих, всеми разделяемых радостей, были и свои личные события, влияющие в праздник: ему только что исполнилось двадцать лет и его приняли в партию.

Размашисто и лихо расписались танкисты-минеры на стене. Пример подал младший лейтенант. Он писал, словно решал задачу на школьной доске, только в руках теперь был не грифель, не мел, а острый осколок снаряда.

Но 4 мая комбриг собрал офицеров и предупредил, что будут выданы новые листы карт. Военный человек знает, что это значит. Нет, война еще не кончилась. Они двинулись на юг, на помощь Праге.

Значит, эта берлинская тишина — еще только передышка, а слова, написанные на кам-

нях рейхстага: **Мы победили** правильны во всем своем значении, а вот для минеров и для всей танковой бригады чуть преждевременны.

Бригада выстроилась поротно, машины двинулись по автостраде со взорванными и плоско лежащими мостами.

Границу Чехословакии проходили в горах, покрытых уже весенней зеленью. 8 мая младший лейтенант увидел вторую за эту удивительную неделю столицу европейского государства — Прагу. И вновь был бой, кажется, уже последний.

И было у Михайлова и его минеров особое право радоваться — один из красивейших мостов через Влтаву был спасен, разминирован ими. 9 мая Прага ликовала. Вместе с пражанами на площади были Иван и его товарищи. Но кончилась ли война для Михайлова? Оказывается, нет, война еще не кончилась.

На запад отходили немецкие войска, отказавшиеся капитулировать. Бежали предатели-власовцы, и танкистам выдали новые квадраты карт, чтобы они ринулись преследовать противника...

Подполковник Иван Михайлов в письме ко мне так описал один из дней этой войны после победы:

«На перекресток дорог я вышел с картой, чтоб уточнить наше движение. Рядом дома, населенный пункт. Чехи смотрят на нас. Подходит ко мне старушка, седая-преседая, что-то говорит, я не понимаю. Тогда она обняла меня, стала целовать, как мать сына, сильно заплакала. Можете понять, как я растерялся. Люди подходят, кричат: «Наздар», объясняют мне, что старая чешская женщина-мать плачет не от горя, от радости, просит взять ее на бронетранспортер, она покажет нам дорогу. Я поблагодарил, говорю, что сам уже разобрался, куда ехать. Бабушка попросила дать ей что-нибудь на память. Я снял с пилотки звездочку, отдал ей. Думаю, попадет мне от начальства, когда увидят, что пилотка у меня — не по форме, но ничего, пусть.

И машина наша не по форме была — чехи все хотели с нами ехать, карабкались на бронетранспортер. А я запомнил образ чешской женщины-матери как образ всей Чехословакии».

Война для Михайлова продолжалась. В Москве гремел победный салют, в Берлине давно стояла тишина, а Михайлов и его взвод преследовали противника.

И лишь 15 мая, через две недели после взятия рейхстага, война для танкистов и минеров действительно закончилась.

ПРИВЕТ ОДЕССИТАМ!

Я думал, что написано было **Привет одессита**, но оказалось, что это послание солдата землякам — **Привет одесситам**, только буква «м», как поется в песне, «ушла за поворот», и на фотографии не получилась.

Автор этой надписи Семен Бельфор и ныне живет в Одессе, и он по-прежнему ревнитель славы и патриот своего города.

Здесь он родился в рабочей семье, здесь закончил рабфак, а потом и институт, здесь

работал техноруком солидолового завода, отсюда 22 июня 1941 года ушел на фронт.

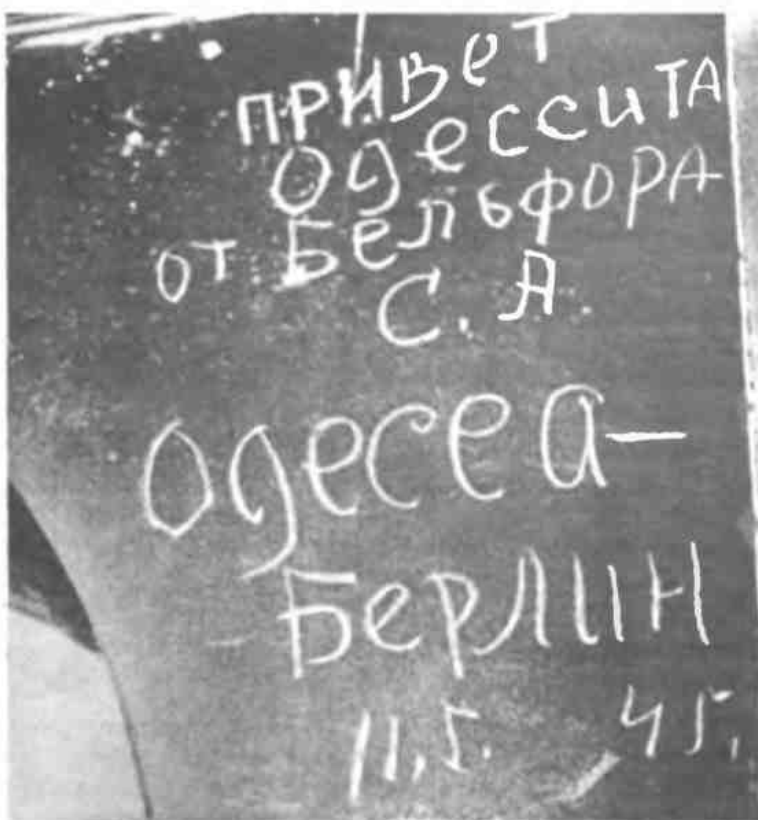
Был он в батальоне начхимом. Может быть, не всем понятна вся ответственность и сложность химической службы. Опасность того, что противник применит отравляющие вещества, ни на минуту не остывала в течение всех лет битвы. Начхим и должен был поддерживать боеготовность химической обороны. После разгрома гитлеровцев под Сталинградом и начала движения наших войск на запад к строгим обязанностям начхима батальона прибавились еще розыски и анализ химического оружия отступавшего противника. На территории Польши химики были в рядах тех, кто освобождал узников из лагерей уничтожения. На долю Семена Бельфора и его постоянных подчиненных и товарищей — Ильи Скрипченко и Василия Нестеренко — выпала счастливая и тяжелая обязанность открывать перевитые колючей проволокой ворота лагеря смерти Майданек на окраине города Люблина. И они увидели такое, что до сих пор ночами является в кошмарах...

При подходе к Берлину химикам прибавилось работы и ответственности. Обезумевший противник грозился применить «новое смертоносное оружие» — кто мог поручиться, что это не газы... Семен Бельфор и его товарищи искали химические и отравляющие вещества и нашли немало опасных складов.

5 мая надписью на камне рейхстага одессит передал привет своим землякам. Вернувшись в Одессу, Бельфор работал в проектно-институте: он проектировал восстановление консервного завода имени Ленина. Потом проектировал еще несколько заводов, ныне могуче возвышающихся на улицах его родного города и на берегах Черноморья. В частности, он принимал участие в проектировании картонной фабрики и гидролизно-дрожжевого цеха. Об этих делах я узнал из... стихов. Дело в том, что годы идут и идут, фронтовики попадают непременно в тяжелую переделку: отмечаются их юбилеи. По личному опыту знаю — это для нервов серьезное испытание. Чтобы несколько утешить юбиляров, адреса им преподносят, поперчив и подсластив

Семен Бельфор. 1945 г.

Семен Бельфор. 1970 г.

остроумием. На юбилей Бельфору товарищи по работе преподнесли адрес в стихах:

Был человечеству на благо
 Сметен с земли фашистский сор,
 И стены павшего рейхстага
 Украсил подписью Бельфор.
 Мелькали дни и мчались годы...
 Используя свой кругозор,
 А также камышей отходы,
 Кто дал стране картон? Бельфор!
 Кого найдешь в ДОСААФе строже,
 Кто нынче, опечалив взор,
 Из всех отбросов месит дрожжи?
 Все тот же Сенечка Бельфор.

Как видите, и картонная фабрика, и дрожжевой цех — все зарифмовано. Насчет «опечаленного взора» — это, насколько я понимаю, для рифмы. А строка о ДОСААФ тоже имеет свое объяснение: Бельфор активно работает в местной организации ДОСААФ. Самодея-

тельный характер этих стихов очевиден, но очевидно и доброе отношение сослуживцев к постареющему, хотя и отметившему свой солидный возраст ветерану. Под стихами подписались сто товарищей, сто одесситов, которых Семен Бельфор приветствовал в День Победы издалека.

БУЛАНЫЙ И ДРУГИЕ

Фамилия Буланый — приметная. Была надпись на колонне рейхстага с этой фамилией.

Надпись эта воспроизведена на фронтисписе книги «Штурм Берлина», которую мы — бригада военных писателей — составили сразу же после войны. Сохранились и снимки этой колонны. В первые мирные дни мой славный товарищ Борис Горбатов привел на страницах газеты «Правда» слова Буланого и других. Вот эти слова:

**ЗА КРОВЬ ЗЕМЛЯКОВ-НИКОПОЛЬЦЕВ,
МОСКВИЧЕЙ, ОРЛОВЦЕВ, КУБАНЦЕВ,
ТАМБОВЦЕВ, ОРЕХОВО-ЗУЕВЦЕВ
МЫ ОТОМСТИЛИ.**

1. МАЙОР БУЛАНЫЙ В.
2. — „ — ШЕЛЕНКОВ
3. — „ — ЯКУНИН
4. КАПИТ. СИМОНОВА
5. СТ. Л-Т СВИРИДОВ

Я думал, что найти человека с фамилией Буланый не представит трудности. Тем более, что имелись наводящие материалы: судя по конструкции надписи — Буланый из города Никополя на Днепропетровщине.

Однако в Никополе Буланого не оказалось. Действительно он родился здесь, был пионером и фабзавучником, работал электриком, но в 1937 году уехал из родного города в Военно-политическое училище. Возвратился в 1940 году с Финского фронта с медалью «За отвагу». Потом ушел на Отечественную — уже опытным кадровым военным.

Пионеры средней школы-интерната № 1 во главе с преподавателем П. Богушем опередили меня. Они узнали многое о Викторе Семёновиче Буланом, посетили его мать Екатерину Федоровну, выяснили теперешнее местонахождение сына. Но до самого Буланого, кажется, еще не добрались. Он в Щелково, под Москвой, он теперь строитель, специалист по железобетону. Я стал искать этого человека в Щелково. Наконец в райкоме партии мне дали номер телефона инженера Буланого. Весь день телефон не отвечал. Только ночью я дозвонился:

— Мне нужен инженер Буланый.

— Я инженер Буланый, — ответил звонкий голос. Слово «инженер» было произнесено с особым удовольствием.

Но когда я спросил насчет рейхстага, Буланый рассмеялся:

— Это уже по отцовской части. Я к тому времени не поспел, сами понимаете. Отец в Москве, я вас с ним свяжу.

В. С. Буланый

И вот в воскресный день я отправился на Ленинградское шоссе, куда недавно переехал Виктор Буланый. Хозяин, стройный и рослый человек с сединой, какую называют «перец с солью», предварил нашу встречу следующим заявлением (оно было сделано еще в передней, когда я снимал пальто):

— Я заранее хочу разочаровать вас и обговорить, что подвигов у меня нет. Мне очень приятно встретиться с товарищем по фронту. Но поймите, ничего мной не сделано такого, о чем можно было бы написать.

Я рассказал Буланому, что никопольские пионеры помогли мне его обнаружить. Виктор Семенович зажегся:

— Какие пытливые пацаны! А учитель у них — Богуш настоящий вожак. Они ради своего города всю землю перелопатят!

Потом я рассказал, как мы с сыном Буланого никак не могли разобраться, о чем говорим. И Виктор Семенович опять словно бы загорелся.

— Взрослый сын! Работает, как вол, но всегда улыбается и не умеет уставать и унывать. Как это здорово, вы представляете? У меня взрослый сын, такой, о каком я мечтал! Молодой специалист. Это звучит, а? И младший — он еще школьник и живет со мной — тоже личность, уже человек. Они в свои годы значительно нас опередили — и это прекрасно! А? Вы согласны со мной?

Наш разговор прервал телефонный звонок. Буланый давал распоряжения, спрашивал, кричал кому-то, что на него надеется.

Я наконец протолкался через слова к вопросу о подписи на рейхстаге.

— Да, — сказал Буланый. — Мы были третьего мая там как представители разных городов и областей страны. Я служил в противовоздушной обороне, товарищи, с которыми мы приехали в рейхстаг, — мои начальники из политуправления. Они вручали партийные билеты вступающим в партию при обороне переправ на Одере. У нас очень многие отличились на Одере. Молодежь, особенно девушки, совсем девчонки — а как воевали! Переправы и дороги были, как под крышей — противовоздушная оборона на посту. Замеча-

За кровью
земляков —

НИКОПОЛЬЦЕВ,
МОСКВИЧЕЙ, ОР-
ЛОВЦЕВ, КУБАН-
ЦЕВ, ТАМБОВ-
ЦЕВ, ОРЕХОВЫХ
ЦЕВ, МЫ ОТОЙСЯ
ЛЦ

1. Майор Буланый В.
2. — " — Шеленки
3. — " — Якунины
4. Капитан Симонов
5. С. А. Т. Свиридов

Москва
Бирмингем
Анисиимов

тельные вонны. А мои спутники из политуправления — не подумайте, что тыловики. Они все из частей сами, и всю войну на передовой. У ПВО передовая — это небо с вражескими самолетами в нем. ПВО — в тылу, когда нет налета.

Опять телефонный звонок врезался в наши воспоминания. Буланый просил собеседника не подкачать, обещал кому-то всыпать...

Оказывается, директор завода и в воскресный день остается директором...

— А кто такая Симонова?

— Она представляла в нашей группе кубанцев. Замечательный человек. В ПВО много девушек, вы знаете. Ну, и в политуправлении должен быть человек, который их особенно понимает. Она была комсомольским работником. Это особое искусство — быть комсомольским работником в армии: твои питомцы в бою вступают в партию, надо, чтоб они сохранили о комсомоле самые сильные воспоминания. Симонова была словно специально создана для комсомольской работы. А как она стихи читала! И знала их великое множество. Может, и ваши декламировала, не помню. Тогда стихи читали, не называя авторов, как свои. В том смысле, что стихи выражали общие чувства. Она живет в Ставрополе, ее фамилия теперь Евдокимова. Работает на строительстве. Мне кажется, что все работают на строительствах...

— А Шеленков?

— Я его мало знаю. Но помню — он очень деятельный человек. Я люблю деятельных людей. Дмитрий его зовут. Жаль нет времени, надо бы найти его. Вы знаете, у меня на заводе есть несколько фронтовиков. Думаете они выдохлись? Никогда этого с ними не будет. Хотя молодежь пошла сильная, надо все время быть «на уровне».

Опять звонят с завода.

Я невольно ощущаю, что Буланый навязывает мне темп разговора, тревожный, напряженный. Каждый раз, когда он от телефона возвращается к нашему столу, ему приходят на память новые и новые люди. И для каждого он находит не просто доброе, но, пожалуй, восторженное слово.

Я считаю себя довольно опытным газетчиком, во всяком случае, по стажу. Мне кажется, что я знаю, как «разговорить» собеседника, как подвести его к рассказу о себе. Но с Буланым мне пришлось нелегко. В нашу беседу он вводил все новых и новых персонажей, а сам оставался на втором плане. Мне удалось лишь установить, что Виктор Семенович Буланый остался в армии, стал воен-

ным строителем и сравнительно недавно ушел в запас.

— Мы, военные строители, восстанавливали заводы, строили жилье, школы, больницы, по выполняемым задачам мало чем отличаясь от строителей гражданских, каким я стал теперь. Это чудесно: увидеть дом — в нем живут люди, около парадного дети играют, на балконе цветы. А ты идешь мимо и знаешь, что дом этот построил своими руками. Я еще люблю, когда в газетах появляются статьи про Днепродзержинск, например. Такой-то завод освоил, такой-то выпустил новую продукцию, такой-то перевыполнил план. А ты читаешь и только один знаешь, как трудно было восстанавливать эти заводы после войны.

— А завод, где вы директорствуете, как сейчас работает?

— Сами понимаете, какие годы! Люди у нас замечательные, работают здорово. Мы выпускаем строительные детали и конструкции для Москвы и области. Так что, может, и вы ходили сегодня по лестницам нашего выпуска? А? Вы б пришли к нам, я б вам таких людей представил — только стихи о них писать...

Кто же все-таки скажет о Буланом доброе слово? Не все ему горячо и восторженно говорить о людях. В газете «Тамбовская правда» я нашел заметку, которую хочется процитировать:

«Виктор Семенович Буланый хоть и не тамбовец, но на Тамбовщине его хорошо знают. Родом он из Никополя, война застала его в Кривом Роге. Через родной город отступал офицер Буланый. Там осталась его семья, родные, друзья. Многие из них погибли. Брата замучили фашисты. С боями дошел Буланый до Берлина.

После войны Виктор Семенович стал строителем, строил и на Тамбовщине. Теперь бывший фронтовик работает директором Московского завода строительных конструкций. О ратных делах его друзья на Тамбовщине узнали лишь недавно и передали ему теплый привет».

Мы засиделись с Виктором Семеновичем допоздна — ровесники, товарищи по 1-му Белорусскому фронту, по жизни...

О НИХ НИКОГДА НЕ ПИСАЛИ

Я твердо уверен в том, что люди, о которых я хочу рассказать, никогда — ни во время войны, ни после, не попадали «на перо» корреспондента или писателя, что ни в одной фронтовой сводке не упоминалось о них. Читатель уже настороженно ожидает полный захватывающих подробностей рассказ о сверхсекретных разведчиках, об операции «невидимка» или что-нибудь в этом духе. Нет, все будет гораздо скромнее, будничней... Никаких сенсаций. Но если положить на весы Победы вклад, сделанный в нее людьми, о которых пойдет речь, окажется, что вклад этот огромен и достоин стоять в одном ряду с самыми яркими подвигами. Они были вооружены винтовками, но чаще держали в руках гаечный ключ, пассатижи, отвертку. 7 мая 1945 года эти люди крепкой «авиационной» краской написали свои фамилии на колонне рейхстага, на очень видном месте. Сохранилась фотография, печатавшаяся во многих журналах и газетах:

**ЖДАМИРОВ
ПЕЧКОВСКИЙ
АМЕТISTОВ**

Называю три фамилии, хотя на фотографии можно разглядеть еще имена. Об этих трех друзьях я просто больше знаю, и мне есть, что рассказать. Их дружба, скрепленная исторической подписью, продолжается и ныне.

Они из Воронежа. Были до войны трудягами, мастерами на все руки — и слесарями, и токарями и причастились к авиации. Но рекордов не ставили, сами не бомбили, не штурмовали цели, не сбивали самолетов противника. Более того — всю войну они провели в подразделении, именовавшемся цехом. Однако их боевой счет — 800 самолетов!

2-я воздушная армия генерала, ныне маршала авиации Красовского, получила из рук этих

людей, вооруженных гаечными ключами, 800 готовых к бою самолетов. Каким образом? Может ли это быть?

Часть, где они служили, называлась ПАМ — полевые авиаремонтные мастерские. Это был поезд-завод, находившийся в той близости к фронту, какую позволяли железнодорожные линии и обстановка. Но бойцы самолетного цеха — Василий Карпович Ждамиров, Михаил Иванович Печковский, Виктор Евгеньевич Аметистов сделали свой цех подвижным, кочующим. Собственно говоря, куда направлялись эти люди в замасленных комбинезонах, там и образовывался временный цех их завода на колесах.

Стояли на прифронтовых путях двадцать вагонов-пульманов, в которых размещались цехи — механический, вооружения, приборный, моторный и всякие еще. Три друга служили в самолетном цехе. Перед цехом и его бойцами ставилась особая задача: всем подразделением или группами выезжали на аэродромы (а иногда просто в лес или на поле, где оказывался подбитый самолет) и восстанавливали машину.

Надо еще добавить, что капитальный ремонт самолета и многие виды восстановительных работ категорически запрещалось проводить в полевых условиях инструкциями, подписанными самими генеральными конструкторами Ильюшиным, Лавочкиным, Яковлевым и другими творцами боевых машин.

Но подвиги вообще инструкциями не предусмотрены. Подвиг всегда рождается неожиданно, при чрезвычайных обстоятельствах, в нарушение всех привычных положений.

Ведь в 1941 году каждый вновь готовый к боевому вылету самолет был частицей спасения Родины в самом реальном и непосредственном смысле этого понятия.

В эскадрилье, полку, дивизии, воздушной армии, Военно-Воздушных Силах и в Ставке Верховного Главнокомандования каждый самолет был на учете. И как это было важно — из списка потерь перевести машину в список боевых единиц.

Вот как рассказывает о своей фронтовой работе старейший из друзей — Михаил Иванович

Печковский. Ему теперь уже за семьдесят, он недавно ушел на пенсию. Он «за гражданскую войну» мог бы рассказать о боях с белополяками, а «за Отечественную» — вот про эти самолеты.

«...1942 год. Воронеж уже захвачен врагом. Мы на аэродроме, окруженном лесом, севернее города. Неустомимо поднимаются, уходят в бой и возвращаются, увы не все, штурмовики части Героя

ятно. И так же невероятна задача — вернуть самолет в бой. Полковник Лажечников с надеждой глядит на нас. Всю ночь при свете аккумуляторных лампочек мы где клепаем, где автогеном свариваем, конечно, в нарушение технологии ремонта и техники безопасности. На счет своей безопасности разговора нет, подсвечивать необходимо, да и сварка без искры не бывает. К утру самолет

Бойцы самолетного цеха (слева направо)
В. К. Ждамиров, М. И. Печковский,
В. Е. Аметистов

Советского Союза Лажечникова. Возвращается с задания шестерка Ил-2. Слава богу, все шесть летят. Но один самолет еле тянет, приземляется на самом краю поля, крыло опустилось чуть не до земли. Самолет быстро оттягивают в лес, где мы хозяйничаем. Оказывается, зенитный снаряд разорвался под крылом, разворотил все. Передний лонжерон вырван, все крыло — как решето. Как летчик долетел — непонятно, неверо-

был готов к бою. Он вылетел на задание, пробомбил танковую колонну, шедшую к Воронежу, и благополучно вернулся на аэродром. Мы очень волновались за вылеченный самолет — в нем-то были уверены, но боялись — вдруг опять его сожгут...».

Михаил Печковский был не только старше всех ремонтников по возрасту. Он был еще самым-самым неунывающим из всех. Виктор Аметистов вспоминает, что Печковский в

ЗДЕСЬ БЫЛИ
Артиллеристы
ПОЛКОВНИКИ

ПОЛ

Евдоровский
Жуков
Печковский
Аметистов
Бушуев
Михайлов
Воронев

Беран
7-5-49

Лукьянов

Сам
Нико
На

1942 году, когда пришлось оставлять родной Воронеж, говаривал товарищам, тяжело переживавшим неудачи:

— Ничего, мы еще побываем на Берлинском аэродроме и заглянем там, в Берлине, в кабинет Гитлера!

Это звучало тогда как шутка, но пришло время, когда два товарища вспомнили шутку старшего и поблагодарили его за веру и мужество.

Их труд был будничным и невероятно сложным. Виктор Аметистов так написал мне:

«Во всех наших делах не было героизма, был повсесуточный труд на протяжении всех долгих лет войны».

«Повсесуточный» — убедительное слово, не правда ли?

Ждамирову, Печковскому, Аметистову приходилось возвращать жизнь самолетам в 3—4-х километрах от фронта. Они «санитарии» по самолетной части, отличаясь от передового медицинского пункта тем, что не эвакуировали раненых в тыл, а, наоборот, направляли залатанные ими самолеты в бой.

В истребительных авиачастях генерала Лакева и полковника Давыдова мастера творили чудеса: из двух разбитых самолетов делали один, наращивали фюзеляжи, переставляли крылья. Главное, чтобы самолет вновь был способен летать и поражать противника. Но не как-нибудь летать, а надежно и уверенно. Своих товарищей и подчиненных три мастера называют не иначе, как «золотые руки». «Отметившиеся» на одной колонне рейхстага Сидорский, Бушуев, Михайлов — это тоже солдаты — рабочие ПАМа — столяры, сварщики, слесари.

Командир авиадивизии полковник Борисенко так отзывался о труде этих людей: «Ремонтируемые ПАМ-19 моторы самолетов Ла-5 по качеству и сроку службы, как новые!».

Одним словом, в своей военной службе они были одновременно бойцами передней линии фронта и тружениками тыла. Интересное и необычное сочетание, не правда ли?

Как свидетельствует дата под словами Воронеж — Берлин, самолетные лекари по-

бывали в рейхстаге 7 мая 1945 года, когда восстановленные ими самолеты еще участвовали в боевых действиях.

Интересно вспомнить, что в тот же день мой друг с довоенных времен, воронежский поэт Михаил Аметистов направился в рейхстаг. На войне я встретил его в 3-й армии, где Михаил был спецкором газеты. Узнав, что мы все расписались на рейхстаге, Миша Аметистов решил последовать нашему примеру.

Но, подойдя к рейхстагу, запоздавший спецкор увидел свою редкую фамилию на колонне и узнал почерк младшего брата Виктора (инициалов на колонне не было). Значит, Виктор жив! Сведений о нем не имелось давненько, и мать писала Михаилу из Воронежа тревожные письма. И надо же — колонна рейхстага произвела такое успокоительное действие: она стала доброй вестью. Миша Аметистов, убедившись, что младший брат опередил его, расписываться уже не стал: столь приметной фамилии, по его убеждению, достаточно один раз появиться. По свежей краске Михаил определил, что брат был здесь только что.

...Недавно я разговаривал с Михаилом Аметистовым (мы изредка перезваниваемся по телефону, он теперь живет в Москве) и узнал у него эти подробности. Виктор Аметистов живет теперь в Краснодаре, работает на заводе старшим инженером, Василий Ждамиров в Тамбове — на машиностроительном, а Михаила Печковского, как я уже упоминал, недавно проводили на пенсию.

В Воронежском аэропорту был он старейшиной, и, пожалуй, никто из его сослуживцев не знал, что в кругу фронтовых друзей его не величают по имени и отчеству, а зовут довольно странно — «финарик». Белорус Печковский никак не мог правильно произнести слово «фонарик», у него получалось «финарик», и это слово постепенно превратилось в прозвище.

Они и сейчас постоянно переписываются, изредка съезжаются — не могут друг без друга, о которых никогда не писали в газетах, солдаты, вооруженные гаечными ключами, вернувшими небу победы восемьсот боевых самолетов.

ТАНКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Автобусы, на рассвете выходя из ворот базы, сперва движутся колоннами, как в первые дни лета, когда пионеров развозят по лагерям. Но нет, машины пусты и не осела еще пыль на диски колес. Постепенно автобусы разбегаются по своим маршрутам, заполняются пассажирами, входят в напряженный ритм столицы.

На базе, в автобусном парке, становится тихо, лишь ремонтный цех живет в своей постоянной озабоченности.

Сюда часто заглядывает заместитель директора по эксплуатации Николай Алексеевич Добролюбов — здесь он начинал двадцать лет назад знакомство с автобусами городских маршрутов, работая рядовым слесарем-ремонтником.

С Николаем Добролюбовым мы сразу разговорились, как старые друзья, поскольку в начале беседы промелькнуло родное название армии — «восьмая гвардейская». Для меня она еще памятна как 62-я, и не тогда, когда о мужестве Сталинграда заговорил весь мир, а с тех времен, когда шли изнурительные и неравные бои в излучине Дона.

Да, Николай Добролюбов врывался в Берлин в составе 8-й гвардейской. Однако наступление на германскую столицу началось для него не 16 апреля, как для всей армии — с прожекторами и мощной артиллерийской подготовкой, а на два дня раньше.

Гвардейские самоходки с пехотой проводили разведку боем, вызывая вражеский огонь на себя, чтобы обнаружить и понять систему укреплений и огневых точек противника.

Техник-лейтенант Добролюбов тогда еще не выздоровел по-настоящему после третьего ранения и держался только на самолюбии. Но приказ был — пробиться вперед к Зееловским высотам и держаться до 16 апреля. Самоходчики справились со своей задачей.

Николай Алексеевич вспомнил в разговоре со мной, как начиналась его военная служба.

Техник-лейтенант Н. А. Добролюбов

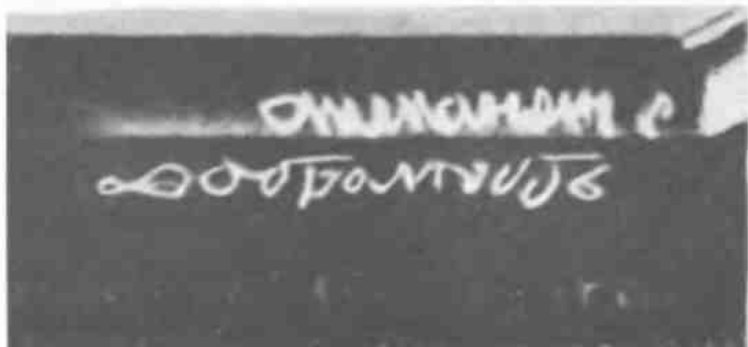

114

Заместитель директора автобусного парка
Н. А. Добролюбов

Призвали в 1939 году. В восемнадцать лет стал он курсантом бронетанкового училища, хотя уже сдал вступительные экзамены в юридический институт. Он полагал стать адвокатом, или, как тогда говорили, защитником... Или прокурором, или, как тогда говорили, обвинителем... Или судьей...

Наверное, переходя на пафос, можно сказать, что Добролюбов и стал защитником — защитником своей страны... Или что стал он обвинителем фашизма.

Или что стал он судьей, решая судьбы мира на полях сражений.

Все это будет красиво и правильно. Но факт остается фактом: студент из студентов выбыл, а в строй прибыл.

Такое было время, так нужно было Родине. Мы это понимали, мальчики конца 30-х годов. Был Добролюбов механиком-водителем, обучал курсантов этому нелегкому делу. На преподавательской работе застала его война, и лишь в августе 1942 года ему удалось вырваться на фронт, где давно воевали обученные им парни.

И начал Николай Добролюбов собирать осколки, как теперь невесело шутит он. Сначала восемь осколков в правую руку и один в район позвоночника... Потом, как лаконично писали в госпитальных справках, множественное осколочное ранение лобной области, и, наконец, под Познанью осколки метили в сердце, но левая лопатка их не пропустила...

В общем, Николай Добролюбов считает, что воевал как все, ничего такого с ним не случилось, о чем можно было бы написать. Но это, конечно, говорит в нем скромность, если учесть то, что только в одном сорок пятом году он участвовал в штурме Познани, в прорыве на Зееловские высоты, взятии Зеелова, захвате Темпельхофского аэродрома и в боях на подступах к рейхстагу.

Расписался Николай Добролюбов около рыцарей, и росчерк его сохранился на фотографиях, потому что рыцари были живописны и фотографировали их часто.

Вернувшись с войны, офицер пошел работать слесарем, и считал это дело для себя отнюдь не зазорным. Хорошо работал, приобрел квалификацию: надо ж знать не только танки, но и станки всех типов, и вот теперь в руках его большое эксплуатационное хозяйство Московского автобусного парка № 5.

Не удалось получить высшее образование из-за войны, зато дети теперь ученые. Но ведь и танковые университеты Николая Добролюбова — тоже нешуточная наука.

ИВАН

Иван Григорьевич Гарасько детство и юность провел в родном селе на Кировоградской. Перед 1939 годом был он учителем в школе. Преподавал географию и немецкий язык. Знал он немецкий язык неважно, но другие знали еще хуже...

Это может теперь показаться странным, но Ивану Григорьевичу не очень нравилось... собственное имя. Ему казалось, что есть имена и позвучней, и для себя он даже выбрал однажды имя Артем, и говаривал родителям: «Почему вы меня Артемом не нарекли?».

С 1939 года Гарасько в армии. Ему всегда приходилось быть правофланговым — до двух метров роста ему не хватает нескольких сантиметров. А носки сапог выступали, когда он стоял в шеренге — как-никак сорок седьмой размер, особая забота интендантов!

Стеснялся Иван Григорьевич и своего громадного роста, и своего, казалось ему, слишком обычного имени.

Когда началась война, комсомолец Гарасько оказался в тылу, в Приволжском округе, и лишь через год ему удалось попасть в действующую армию. Между прочим, на фронт он — теперь уж можно признаться — дезертировал, так что потом были запоздалые неприятности, это когда уже в районе Демянска в болотах он простыл, вытаскивая раненых, и с отнявшимися ногами был доставлен в госпиталь. А когда лежал в ледяной купели на переднем

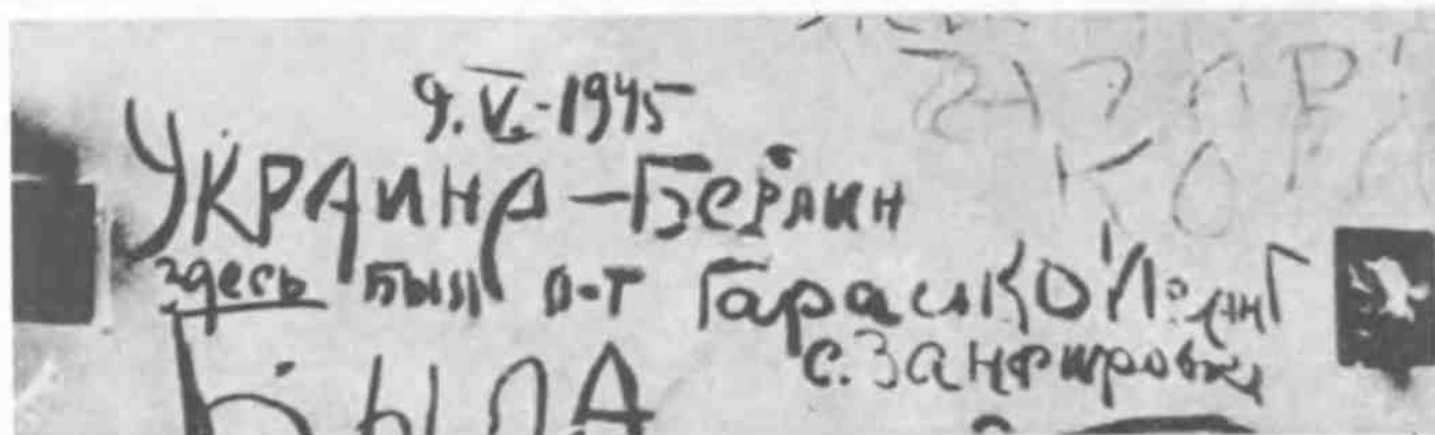

Управдом И. Г. Гарасько

115

крае, совсем поблизости орала немецкая радиостановка:

— Иван! Дела твои плохи. Иди к нам! Дела Ивана Гарасько были действительно плохи, но идти к немцам он собирался по-иному, чем предлагали фельдфебели из роты пропаганды, идти до Берлина с боем...

А обращение это — Иван, с одной стороны, ударило по нервам, как-никак окликали его, а не кого-нибудь, а с другой — придавало значительности имени, которым Гарасько окрестили накануне Октября в селе Занфировке. Лейтенант медицинской службы и, между прочим, инвалид, он 1 мая 1945 года прибыл в Берлин с командой для пополнения. Но дивизии уже прекращали огонь. Команду в Берлине не приняли, направили на Эльбу, в город Цербст.

Сдав пополнение, лейтенант неверной своей походкой (ноги плохо слушались его) направился в рейхстаг. Первое, что он увидел, была размашистая надпись:

РУССКИЙ ИВАН БЫЛ ЗДЕСЬ.

И вдруг, кажется, во второй раз в жизни — первый был в болотах под Демянском — Гарасько почувствовал гордость за свое имя. Вот оно какое всеобщее, почти символ!

Эту свою гордость Иван Григорьевич выразил в надписи на стене. И еще приписал название села — **Занфировка**. Писал он высоко, доставая благодаря своему росту до карниза, который другим был доступен лишь при содействии лестницы...

Искали Гарасько в Занфировке, но, оказалось, он теперь москвич. После войны, продолжая военную службу, он заочно окончил Плехановский институт, а теперь, имея полную выслугу, демобилизовался и работает управляющим домами в одном из новых районов столицы.

Я интересовался — там в домах полнейший порядок. Великана-управляющего с армейской выправкой уважают. На него не посмотришь свысока!

Не считите это за семейственность, но старший сын Ивана в том же хозяйстве работает дворником, учась, как и отец учился, заочно в институте. Сыновья пошли в отца — они тоже могли бы высоко расписаться на стене рейхстага. А одежду для них приходится покупать там же, где и отец экипируется, — в магазине «Богатырь».

Каков Иван, таковы и Ивановичи.

ВОЛГАРЬ

Эта надпись запомнилась многим участникам Берлинской битвы. На каменных плитах постамента (со стороны Королевской площади) значилось:

МЫ ВОЛГАРИ ИЗ САРАТОВА,

а ниже было приписано:

И КОСТРОМЫ.

Крупно, размашисто, броско заявили о себе волгари, однако фамилии были написаны совсем мелкими буквами. **И. В. Малышев** — расписался «за Саратов», **И. Д. Давыдов** — «за Кострому».

Малышев? Какой это Малышев? Уж не тот ли Игорь Васильевич, молодой зеленоглазый майор, что был комендантом города Штраусберга и самолично выделил для нашей писательской компании опустевшую, но сохранившуюся виллу. Там были фронтовые рабочие места Всеволода Вишневского, Бориса Горбатова, Льва Славина, Всеволода Иванова, Константина Симонова. Приезжая с передовой, они «отписывались» в этом доме.

О том, что надпись волгарей на рейхстаге принадлежит в точности Малышеву Игорю Васильевичу, мне сообщил его товарищ, научный сотрудник Института истории Академии наук. Я узнал, что бывший комендант Штраусберга — ныне полковник, преподаватель философии в Военной академии имени Дзержинского.

Я достал адрес и в первый день нового года решил нанести визит полковнику Малышеву. В его новой квартире на Юго-Западе столицы не видно стен: до потолка плотно встали книги на полках — стихи, монографии по живописи и архитектуре, труды по истории и философии. Книги лежат и на креслах, и на полу. Полковник и в праздничный день — за работой: готовит докторскую диссертацию.

— Не сохранилось ли у Вас, Игорь Васильевич, фотографии стен рейхстага, — робко спросил я, грешным делом подумав, что если и сохранились, то в книжно-бумажном хаосе профессорской квартиры все равно найти их будет невозможно.

Но оказалось, что реликвии военных лет у полковника Малышева на особом учете и в заветном месте. Он показал мне фотографию — отчетливо видна надпись:

МЫ ВОЛГАРИ ИЗ САРАТОВА И КОСТРОМЫ.

А на переднем плане — совсем молодой Малышев с боевыми товарищами. Я спросил, чья эта работа. Халдея? Морозова? Рюмкина? У фоторепортеров я просмотрел архивы, но этого снимка не обнаружил.

Игорь Васильевич рассказал мне историю фотографии. Сейчас она может показаться удивительной лишь тому, кто не был в Берлине в начале мая 1945 года. Но, поверьте, история не просто удивительная — невероятная. 2 мая Игорь Малышев с друзьями — старшими лейтенантами Разгуляевым и Давыдовым и шофером Васей — приехал посмотреть на только что взятый рейхстаг. Такое было у них дело — они уже были сотрудниками не Штраусбергской, а — бери выше — Берлинской

комендатуры. Под началом у самого Берзари-на. Рейхстаг входил в их «хозяйство» и надо было его принять.

Деятели комендатуры очень солидно начали осмотр своего нового берлинского объекта (где еще в подвалах то и дело возникали рукопашные схватки), а потом не удержались и совсем по-мальчишески (самому старшему из них — майору Малышеву — только исполнилось 24 года) расписались на камне от имени волгарей.

И тут Малышев увидел, что по выщербленным ступеням ходит штатский немец, старик с фотоаппаратом, и красноармейцы группами позируют ему — непременно надо сняться на фоне «логова».

Самое удивительное, что никого это не удивляет. Цивильный немец фотографирует гвардию на ступенях еще дымящегося рейхстага и обещает завтра в то же время и на том же месте отдать готовые фотографии. Если господа-гвардейцы будут так любезны, они в ка-

Майор И. В. Малышев (второй слева)
с боевыми товарищами

117

честве платы за работу могут принести мастеру-фотографу что-либо из продуктов. Для работников берлинской комендатуры этот цивильный старик был реальным свидетельством и доказательством того, что город Берлин жив. Частный предприниматель курортно-пляжного типа бродит по ступеням рейхстага с фотоаппаратом. Это знаменательно!

Этот эпизод надо записать как важное событие седьмого дня работы комендатуры!

Назавтра, 3 мая, выделив продуктов из пайка, работники комендатуры вновь прибыли к рейхстагу. Фотопродуктообмен был совершен. Сохранилась для истории и стала теперь достоянием Саратовского областного краеведческого музея надпись волгарей.

Игорь Васильевич Малышев — действительно потомственный волгарь. Его мать сорок пять лет учительствовала в селе Духовицком под Саратовом и награждена за свой благородный труд орденом Ленина.

А сын ее еще в школе, в 10-м классе, вступил в ряды Коммунистической партии, перед войной учился в Саратовском университете и с первого курса ушел на фронт. Был он политруком разведывательной роты и, когда уходили разведчики во вражеский тыл, паролем им давалось «Саратов» или «Волга». А потом Малышев изучил немецкий язык, стал пропагандистом. На радиофицированной машине он выезжал на передовую, обращался к солдатам противника.

Это была интересная машина — крытая полуторка с рупором и большим портретом Ленина в золоченой рамке на лобовой фанерной стенке. Портрет подарила нашим политработникам старая женщина в день освобождения Одессы. На митинге 10 апреля 1944 года в районе Ближних Мельниц женщина рассказала, как прятала и сохранила портрет в годы оккупации. Полуторка с громкоговорителем и ленинским портретом дошла до Берлина. Игорь Васильевич после войны закончил Саратовский университет, потом преподавал и учился, стал кандидатом наук. Философ и историк вернулся в ряды армии. Я все-таки выпросил у полковника фотографию, сделанную неизвестным немцем 2 мая 1945 года...

ГОРД

На пылающих улицах Берлина можно было увидеть продвигающуюся к центру самоходку с несколько необычным экипажем: в него входили польские и советские воины.

Эта броневая машина выполняла роль передвижного наблюдательного пункта, обеспечивающего слаженность действий нашей Второй танковой и Первой польской армий. Поляки основными силами наступали севернее Берлина, но в берлинскую группировку 1-го Белорусского фронта была включена первая польская дивизия та, что начинала в 1943 году на Смоленщине, та, что была зернышком, из которого выросла братская армия.

Когда поляки узнали, что первая дивизия и еще несколько частей будут участвовать в штурме Берлина — 1-я армия ликовала. Поляки внесли свой значительный вклад в Берлинскую битву. Вероятно, не все знают, что во взаимодействии с танкистами Богданова поляки овладели 36 кварталами, взяли Политехнический институт, четыре станции подземки... Особые обстоятельства сражения требовали постоянного контакта командования войск двух стран — его и осуществляла самоходка.словно разнوخивая обстановку длинной своей 85-миллиметровой пушкой, она ползла по Берлинерштрассе.

Радист передавал сообщения в два адреса — в советский и польский штабы. У стен Политехнического института бой продолжался еще и 2 мая. Когда противник капитулировал, экипаж самоходки и находившиеся в ней оперативники двух штабов несколько нарушили свой маршрут. Впрочем, правильно ли будет утверждать, что нарушили. Просто самоходка не вернулась сразу в тыл. Ее экипаж сообразил: у нас подумают, что они ушли к полякам. А сами отправились — говоря солдатским языком — в «самоволку».

Самоходка продолжала движение вперед, к центру, к Бранденбургским воротам, к рейхстагу. Слишком велико было искушение — своими глазами увидеть рейхстаг.

На Бранденбургских воротах развевались красные флаги — и вот к ним прибавился

Полковник запаса А. П. Гордиевский

красно-белый, с орлом, флаг Польши. Установили его самоходчики. Не претендуя на первенство, они, однако, с большим волнением водружали польский флаг на Бранденбургские ворота и поставили его не просто, а скрестив древко с советским флагом.

Появилась на фронте рейхстага польская надпись. Пожалуй, удивительным было то, что она красовалась на высоте, которую иначе не назовешь, как недосыгаемой: на гладкой, без уступов стене. О том, как ухитрились поляки расписаться «на верхнем горизонте», рассказал полковник запаса Гордиевский. Подойдя к рейхстагу с некоторым опозданием, экипаж самоходки установил, что все нижние камни — на уровне трех человеческих ростов — исписаны вдоль и поперек.

Самоходную установку подвели к самой стене. Дав максимальный угол подъема стволу пушки, советские танкисты и поляки карабкались по стволу и расписывались на верхних горизонтах, а потом по-мальчишески съезжали вниз, оседлав пушку.

Проделал этот акробатический номер и Анатолий Гордиевский, командир маленького советско-польского танкового десанта. Хотя служил он в последний период войны в польской армии, автограф свой поставить решил под надписью: **мы из Сталинграда.**

Для этого у Гордиевского было вполне достаточно оснований: летом 1942 года он с Дальнего Востока (из знаменитого района озера Хасан) прибыл под Сталинград, воевал в районе Ерзовки, а потом участвовал в окружении армии Паулюса и был тяжело контужен под Калачом.

В 1944 году разворачивавшаяся все шире 1-я польская армия пригласила в свои ряды группу офицеров Советской Армии, имевших большой боевой и штабной опыт. Анатолий Петрович сменил фуражку на конфедератку. Он участвовал в освобождении Варшавы, пришел в Берлин. Это он дал команду двигаться к рейхстагу после завершения боя, и он решил непременно расписаться на стене поверженной цитадели.

У самоходчиков нашлась банка с мазутом, Гордиевский макал в нее протирку от пистолета с намотанной на нее паклей. По принадлежности надо было расписываться под польской надписью, но Гордиевский начал писать под **мы из Сталинграда**, написал: **Горд**, а тут ребята стали опускать пушку самоходки. Так и осталась эта надпись недовершенной, но ведь получилось, что это — и начало фамилии и характеристика душевного состояния воина.

Вернувшись на родину после войны, полковник Анатолий Гордиевский служил во многих гарнизонах, командовал полком на Севере и в Сибири.

Отдав двадцать семь лет военной службе, Анатолий Петрович вернулся к своему истоку: он не успел до хасанских событий закончить строительный институт — по факультету гражданского строительства. Строил в Сибири, теперь строит в Молдавии.

А первый слог его фамилии, соответствующий ощущению тех дней, долго счищали потом пескоструйными аппаратами, а надпись все держалась: **Горд!..**

ДОБРОВОЛЬЦЫ

— **К**то желает добровольцем пойти в последнюю атаку на штурм рейхстага?

Они торопливо сделали шаг вперед: капитан Владимир Маков, старший сержант Газий Загитов, старший сержант Александр Лисиченко, сержант Михаил Минин и еще десятки солдат и офицеров, за плечами которых стояли четыре года войны. Эти люди не раз видели смерть в глаза. Но во многих предыдущих боях решалась судьба Родины. В такие мгновения недолго раздумывают о собственной судьбе. Вернее — преобладает одна мысль: опасность неизбежна, для победы ничего не жаль, даже жизни.

29 апреля 1945 года в артиллерийском полку, ведшем огонь по рейхстагу с солидного расстояния, принятие решения — пойти добровольцем на штурм по-пехотному или оставаться у своих орудий — было не таким уж простым делом. Победа, по существу, уже достигнута, и завершение войны — можно полагать — состоится в ближайшие часы.

Маков и его товарищи — каждый наедине с самим собой — приняли это решение. И побежали в ночь, через Королевскую площадь. Перед ними был рейхстаг и массивная дверь на запер. Штурмовая группа Макова использовала как таран валявшееся на площади бревно. Древний таран... Дверь затрещала, подалась, расщепилась...

Они ворвались в вестибюль, они освещали крошечную тьму лишь огнем своих автоматов. Они знали — надо водрузить знамя как можно выше — и стремились наверх, не зная плана здания, каждую секунду рискуя быть сраженными выстрелом из-за угла или просто из темноты. Их было, наверное, более двадцати, но в слуховое окно на гребень фронтона выбралось четверо. При вспышках выстрелов они различили бронзовую группу: статую коня и фигуру великанши (ее потом называли «Богиней победы»).

Вернулось из двадцати лишь несколько человек. Судьба остальных постепенно выяснилась позже... Четверо, увенчавшие алым флагом корону чужой богини на крыше, 2 мая

вновь отправились в рейхстаг. Уже при свете дня и в сравнительно безопасных условиях — повторили свой путь наверх. И на этот раз еще и выцарапали свои имена и фамилии на бронзовом крупе коня, около великанши.

После этого один из четырех — старший сержант Газий Загитов вынужден был пойти в госпиталь. Оказалось, что в ночном бою он был ранен в грудь навылет, но остался в строю. А пуля прошла в миллиметре от сердца. Как он сражался, простреленный насквозь, до сих пор остается загадкой.

Инженер Михаил Минин из Воронежа восторженно рассказал мне о Загитове, Боброве, Лисиченко, об их командире Макове, ныне работающем на керамическом заводе в Дедовске под Москвой. Он подарил мне пожелтевшую фотографию четырех добровольцев, они сняты 1 Мая 1945 года на наблюдательном пункте корпуса. Посмотрите, сидит Загитов, как ни в чем не бывало, только рука перевязана. Сейчас встанет и скажет: «Надо, кажется, зайти в медсанбат!». А там врачи ужаснутся и изумятся — у самого сердца прошла пуля!

ЖЕЛЕЗНАЯ ЕГО ДОРОГА

Рельсы, устремленные вдаль, всегда волновали Кикотя, но не только тем, что влекли к дальним странствиям, но и как нити связи между людьми. Недаром ведь говорят — узел железных дорог. Таким узлом в Сибири был Омск, и двадцатилетний сибиряк начал свою трудовую жизнь на паровозе, а потом был призван в железнодорожные войска.

Он служил на Дальнем Востоке, перед самой войной бригаду перебросили на Западную Украину. Борис Кикоть встретил войну под Перемышлем, и зарево пожаров пограничного города осветило жизнь солдата-железнодорожника на долгие годы.

Они уходили на восток, минирова и взрывая железнодорожные пути и мосты. Знали — придется еще их восстанавливать, а сейчас надо взрывать и ломать, чтобы ими не воспользовался враг. Они выполняли свой долг железнодорожника.

Наступили для Бориса Кикотя и счастливые дни, когда он со своими соратниками готовил прифронтовые железнодорожные пути к наступлению, когда пришлось им идти вслед за наступающими войсками и идти так, чтобы паровозы и железнодорожные составы догоняли атакующие дивизии.

Борис Кикоть разминировал теперь те железнодорожные узлы, которые ему раньше пришлось самому минировать, прокладывал рельсы на том полотне, которое ему пришлось взрывать, восстанавливал добротнo взорванные когда-то им самим и его товарищами мосты.

И если принято говорить — прошел от такого-то русского города до Берлина, то о Борисе Яковлевиче можно сказать, что он вел рельсы и железнодорожное полотно от Воронежа до Берлина, а следом за ним шли уже по героически восстановленным путям паровозы, эшелоны...

Я свидетель: железнодорожные войска проявили невиданную боевую и трудовую доблесть.

Б. Я. Кикоть

Рельсы все время догоняли стремительно наступавших наших бойцов. Не будь у нас восстановленных коммуникаций, вряд ли войска смогли бы в таком темпе двигаться на Запад. Я помню: в последние дни апреля 1945 года пригороды Берлина огласились паровозными гудками. По новым рельсам подошел к германской столице и спецпоезд моей воинской части — редакции газеты «Красная Армия». На первой «летучке» добрались до Силезского вокзала войны-железнодорожники. К рейхстагу уже шли пешком. Они не участвовали в штурме. Но роль их в последней победе была очевидна и велика. Потому и расписались... Семья Бориса Кикотя — железнодорожники, его жена еще в 1943 году стала военным инженером транспорта.

А Борис Яковлевич, отдав службе в армии более 15 лет, вернулся на сибирские железнодорожные магистрали, водил локомотивы, электровазы, стал инструктором, капитаном железных дорог. Он — ударник коммунистического труда, и, конечно, он — гордость своего депо. Дорогою железной движется он по жизни.

БАКУ ПРОЖИВАЕМ...

«**Б**аку проживаем три участника штурма рейхстага тчк часть стены рейхстага автографами Филимонова Миртагиева Кузьмина находится Центральном музее Революции Москвы тчк».

Вот такая телеграмма ворвалась однажды утром в мой дом.

Надо ли говорить, что эта весть взбудоражила меня, разволновала. И не столько потому, что открылась возможность заполнить новую страницу в подготавливаемой мною книге, сколько по самому содержанию двух телеграфных фраз, от которых горячо пахнуло историей...

Я отправился на улицу Горького, в Музей Революции. На застекленной витрине в зале Великой Отечественной войны лежит небольшая, очень аккуратно вырезанная плита, и на ней красной краской написаны те самые три фамилии, что и в полученной мной телеграмме.

В музее

Плита — одна из спасенных западноберлинскими антифашистами при ремонте рейхстага — передана Музеем Революции Центральным музеем Вооруженных Сил. Остальные спасенные камни экспонируются там, в зале боевой славы, в зале Победы.

Уже в своем нынешнем состоянии, то есть как экспонат, плита эта имеет интересную биографию.

В связи с 50-летием Великой Октябрьской революции прогрессивные организации Японии решили устроить выставку, посвященную нашей стране.

И вот плита рейхстага, прибывшая из Берлина в ящике и демонстрировавшаяся в Музее Революции, вновь подверглась упаковке. В числе двух тысяч экспонатов, в одном из семидесяти ящиков, плита проделала путь через Урал и Сибирь, через всю нашу страну, по железной дороге до самой бухты Находка. Там ее погрузили на теплоход, и в 1967 году плита приплыла к японским берегам, в порт Иокагама.

В городах Токио, Осака, Карияма и Кофу выставка, посвященная 50-летию нашей страны, разворачивалась каждый раз на верхнем этаже самого большого универмага. Об этом можно было бы рассказать немало интересного. Однажды, например, выставка была под угрозой, поскольку кампания, владевшая универмагом, потерпела крах. Но не будем отвлекаться...

Длинные вереницы японцев проходили мимо экспонатов и фотографий, рассказывающих о нашем пути и о нашей жизни.

Между прочим, в разделе «Гражданская война» демонстрировалось оружие интервентов, и среди прочих предметов — японская винтовка, отобранная во Владивостоке у незваного гостя сорок восемь лет назад...

Возле облицовочной плиты рейхстага накапливались толпы посетителей. Так вот странно и символически через много лет завершила свое бесславное существование «Ось Берлин — Токио»! О многом, наверное, думали жители далеких островов, смотря сквозь очки в толстой оправе на осколок могущественного Берлина, превращенный в музейный экспонат. На

Перед отправкой в Японию

серой штукатурке, крепкой, как мрамор, явно проступали три фамилии:

**ФИЛИМОВ Н. П.
МИРТАГИЕВ Б. М.
КУЗЬМИН Ф. И.**

обведенные красной краской. Чуть бледнее, но тоже так, что можно разобрать, виднелись фамилии:

**ЧЕРНАТ
ДОБРОВ
СТЕЦЮРА.**

Обладатели этих фамилий, неизвестные, а для японцев, может, и загадочные люди, приняли на себя страшный удар фашистской Герма-

нии, почти четыре года вели тяжкий бой, дошли до рейхстага и расписались на его стенах... Выставка пользовалась в Японии огромным успехом. Нет, не в назидание возили в Токио и Осаку облицовочную плиту, взятую из вестибюля рейхстага; просто разгром фашистской Германии и штурм цитадели гитлеризма является одной из глав истории нашего государства, а выставка, подготовленная Музеем Революции, имела целью рассказать о пройденном нами нелегком пути.

Осенью 1967 года выставка закрылась, и знаменитая плита, вновь упакованная, приплыла к советским берегам, пересекла вдоль всю страну и встала на свое место, на стенде в Москве.

Работники музея рассказали мне о чрезвычайном происшествии, имевшем место в октябре 1970 года. Экскурсовод, окруженный подростками и пионерами, рассказывал об истории плиты, части облицовки рейхстага:

За нашу победу 9го мая 1945 г.

124

Друзья обмывают победу. Справа налево:
Н. П. Филимонов, Б. М. Миртагиев, их товарищ
Никитин и Ф. И. Кузьмин

— Видите имена советских воинов: Филимов, Миртагиев, Кузьмин...

И вдруг какой-то немолодой, по-восточно-му чернобровый человек, стоявший чуть в сторонке, закричал:

— Не Филимов, Филимонов. Это я писал на стене. За себя и за товарищей! И вот, в поспешности, пропустил один слог в фамилии своего друга Николая Филимонова. И искал фамилию. Извините...

Неизвестный посетитель назвал и свое имя, оказавшееся несколько непривычным для русского слуха — Миртагиев Бахрам Мириш Оглы. И на плите эта фамилия — точно!

Забегая вперед скажу, что тогдашние экскурсанты — учащиеся 10 «а» и «б» классов средней школы № 40 Ворошиловграда и пионеры 6 «а» класса Московской средней школы № 384 — с того интересного дня находятся в дружбе и переписке с Бахрамом Мириш Оглы, с Федором Ивановичем Кузьминым и Николаем Павловичем Филимоновым (Миртагиеву

они — со свойственной школьникам любовью к прозвищам — присвоили имя «оживший камень»).

Все трое — бакинцы. Миртагиев ушел на фронт со второго курса института, Филимонов и Кузьмин — из пожарной охраны. В первый день Великой Отечественной в военкомате они перепознакомились и получилось так, что уже до самого рейхстага не расставались.

Миртагиев был командирован на Выставку достижений народного хозяйства в Москву Министерством сельского хозяйства Азербайджана, где он работает старшим госветинспектором. Он запланировал для себя еще и посещение Музея Революции. И вот там увидел эту самую плиту рейхстага и внес поправку в начертание фамилии своего друга. Я ясно себе представляю, как получилась эта описка. Спешил человек и вроде как бы расписывался, но не за себя, за товарища. А если и за себя расписываешься, иногда конец фамилии сокращается, верно?

1970 г. Слева направо:
Н. П. Филимонов, Б. М. Миртагиев, Ф. И. Кузьмин

Мне было очень интересно узнать поближе трех этих бакинцев, что называется, попавших в историю.

Во-первых, хочется сказать всем, что они хорошо воевали. Начав в Крыму и в плавнях у реки Кубани, они потом шли по Донбассу и отличились летом 1944 года в Яссо-Кишиневской операции.

Их боевое положение было таково: Миртагиев — командир орудия, Кузьмин — наводчик, Филимонов — командир отделения связи.

В ночь на 21 августа 1944 года попали три друга в переделку — на них навалилась несметная колонна противника, искавшая выход из кольца. Орудия на конной тяге, поредевшие расчеты — противник, в общем-то, правильно выбрал направление для своего удара и выхода из окружения.

Силы были неравные, но и мужество тоже неравное.

Советские артиллеристы одолели врага, превосходившего их числом и вооружением, не

дали ему вырваться на своем участке. Три друга были одновременно награждены орденами Красной Звезды.

Потом удалось им же вместе отличиться на Сандомирском плацдарме. Стала дивизия, в рядах которой служили Миртагиев, Филимонов и Кузьмин, специализироваться по плацдармам: за Сандомирским на Висле пришлось держать небольшой плацдарм на левом берегу Одера.

Трое из Баку оказались тогда ближе всех других воинов 1-го Белорусского фронта к Берлину — всего, наверное, километрах в шести — десяти!

В ночь на 16 апреля 1945 года — кто из участников штурма немецкой столицы забудет эту располосованную прожекторами ночь? — с Большого Кюстринского плацдарма началось наступление, в котором принимали участие мои новые знакомые.

Они выдержали тяжелые бои и опять оказались на плацдарме — но уже на реке Шпрее.

Три друга катили свое орудие по улицам Берлина, добрались до самого центра и 2 мая были в рейхстаге. Филимонов и Кузьмин подсадили Миртагнева, он встал на их плечи и штыком выскреб все три фамилии. Качаясь на плечах товарищей, он и пропустил слог в фамилии Филимонова... Ему подали красную краску — неизвестно где ее добыли, — и он еще промазал буквы, так что они резко выделялись среди карандашных и угольных автографов. А потом артиллеристы были выведены на отдых в Трептов парк — на месте, где тогда они стояли, теперь возвышается знаменитая статуя. Эти войны в высоком звании рядовых, дослужившиеся до старшин, награждены не только Красными Звездами за участие в Яссо-Кишиневской операции, но еще и другими орденами и медалями. Пожалуй, из всех троих самый наиорденоносный — Бахрам Мириш Оглы. К трем боевым орденам уже в недавние времена он прибавил еще орден «Знак Почета» — за ветеринарные свои работы.

Бахрам Мириш Оглы тридцатилетним поступил на ветеринарный факультет сельхозинститута, закончил его.

Николай Павлович вернулся на довоенное место работы — в институт нефти и химии имени Азизбекова. Только он теперь не рядовой пожарник, а начальник охраны. Федор Иванович служил после войны тоже по этой специальности, а потом переквалифицировался и вот уже 18 лет работает слесарем-регулирующим на обувной фабрике.

Все трое очень мирные люди, и дети их тоже приобретают мирные профессии, они — архитекторы, механики. Только вот дочка Кузьмина — Мария Федоровна увлекается военным делом и имеет даже звание мастера спорта по стрельбе из пистолета.

Дружба их, прошедшая путь от Кубани до облицовки рейхстага, продолжается. Много у каждого дел и забот, но свободное время друг для друга всегда у них находится.

А плита с их именами, проделавшая путь Берлин — Москва — Токио — Москва, по-прежнему привлекает внимание экскурсантов и посетителей Музея Революции.

ПОБЕДИТЕЛИ НА ПЕРЕКЛИЧКЕ

Н апечатанные в газете «Красная звезда» фотографии стен рейхстага (эти же фотографии были показаны по Центральному телевидению) вызвали взволнованный поток писем. Откликнулись и участники штурма Берлина, и участники других сражений, побывавшие в Берлине в майские дни 1945 года. Надписи и подписи советских воинов, которыми было испещрено здание рейхстага, превратились тогда, в победном мае, в своеобразную летопись Великой Отечественной войны, в переключку воинов, прошедших и выдержавших небывалую по напряжению и драматизму, почти четыре года длившуюся войну, отстоявших молодой Советский Союз и высвободивших из фашистской неволи старую Европу.

И вот теперь, более чем через четверть века, победители как бы вновь вышли на переключку, только уже не одни, а со своими детьми, а то и с внуками, вспомнили бои и походы, посмотрели друг на друга. Советские воины, многие из которых начинали «взрослую» жизнь в строю, рассказали и о том, как дальше, после мая 1945 года, складывались и вились их пути-дороги.

Горы писем выросли на моем рабочем столе, и мне показалось совершенно необходимым обнародовать их, разыскать по возможности их авторов или воинов, о которых рассказывали товарищи и боевые друзья.

Во многих письмах неизвестные мне однополчане предлагали, наставляли, требовали, просили собрать воедино материалы подписей на рейхстаге, поскольку теперь все эти надписи соскоблены и закрашены, хорошо хоть фотографии некоторых стен сохранились. В ряде писем, а точнее — почти в каждом письме, были печальные фразы: «простите, запаматовал, столько лет прошло...» «мой друг Павло с Украины, фамилию не помню...» «было это в апреле, но не могу сказать, какого числа...»

Неумолимое и безжалостное время предаст забвению многое из того, что должно непременно

стать достоянием потомков, что не может ни в коем случае стереться и затуманиться.

Я писал стихи и песни до войны, на войне и пишу сейчас и всегда мечтал и мечтаю выразить и сложить из виденного и пережитого образ советского воина. Но письма — отклики на призыв к расписавшимся на рейхстаге подать голос — показали, что сколько бы мы, писатели, ни работали, у нас не хватит ни жизни, ни сил, чтобы исчерпать прекрасный и героический материал Великой Отечественной... Я отложил в сторону недописанную поэму и занялся вот этой книгой. Не считаю нужным скрывать от читателя сомнений, которые не раз посещали меня за работой. Суть их вот в чем: рейхстаг штурмовали, взяли эту цитадель и водрузили на ее куполе Знамя Победы совершенно определенные воинские части. Воины, сражавшиеся в составе этих частей, являются бесспорными героями боев на этом участке фронта.

Некоторые из них еще 30 апреля 1945 года написали на колоннах и камнях рейхстага, что победили, что фашизму конец, и поставили свои подписи, не подозревая вовсе, что являются зачинателями традиции, что каждый воин, который позже посетит рейхстаг, непременно поставит и свою подпись.

Справедливость требует упомянуть, что далеко не все, врывавшиеся в рейхстаг первыми, расписались на его стенах. Младший лейтенант Василий Устюгов, командир взвода ПТО в знаменитой 150-й дивизии (ныне полковник), вспоминает, как с Каримджаном Исаковым (письмо о полковнике Исакове я с удовольствием приведу через несколько страниц) принуждал к капитуляции гарнизон рейхстага, как Каримджан Исаков, парторг батальона, сразу же после боя за рейхстаг дал ему, Василию Устюгову, рекомендацию в партию.

«Моего автографа нет на стенах рейхстага, как и росписей большинства участников последнего сражения. Нас 2 мая в 11.00 отвели на Мюллерштрассе и как-то не все думали и имели возможность расписаться. Но дело, в конце концов, не в этом. Участники штурма рейхста-

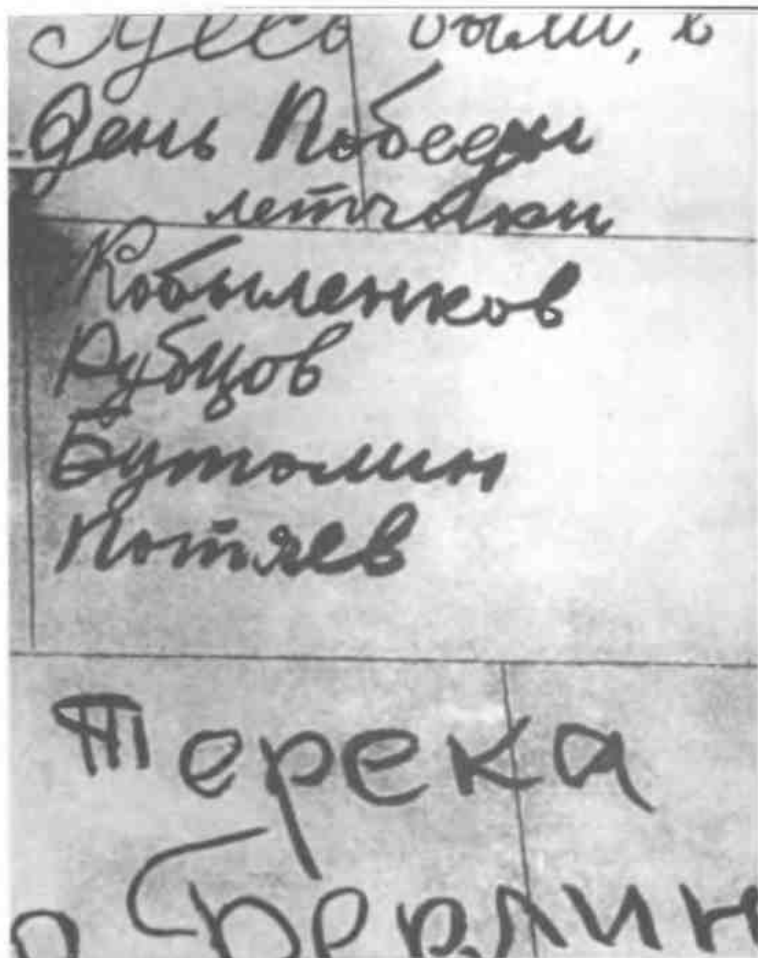
га — весь наш героический народ, а мы — как могли и что могли — выполнили его волю в этом историческом сражении».

Не могу не согласиться с Василием Устюговым, награжденным за тот бой орденом Красного Знамени. О чем же тогда мои раздумья и сомнения? Это дело тонкое, есть здесь сложный подтекст: один солдат шел на штурм, задыхаясь в дыму и чудом оставшись живым, не успел поставить свою подпись на камне (или просто ему в голову не пришло расписаться), а другой приехал в Берлин на экскурсию в День Победы, а то и позже, и роспись его, выцарапанная на камне, случайно попала в объектив военного фоторепортера и осталась в истории. Прошло столько лет, и теперь о нештурмовавшем будет рассказано, а штурмовавший и не расписавшийся... окажется забытым?

Я много об этом думал и все же хочу обосновать свою правоту в выборе направления этой книги. Она не о штурме рейхстага. О штурме написаны книги: командиром дивизии Василием Шатиловым, комбатами Степаном Неустроевым и Константином Самсоновым, поэтом Василием Субботиным, проведены научные исследования военными историками. О штурме Берлина и бое за рейхстаг авторитетно говорится во многих мемуарах наших высоких военачальников.

Автографы советских воинов, надпись на рейхстаге — это уже результат нашей победы. В таком виде и качестве они и остались в истории, запечатленные на фотографиях и на киноплёнке. О росписях на рейхстаге, о тех, кто оставил свои автографы, — эта книга.

Можно с уверенностью сказать, что на стенах рейхстага расписывались тысячи и тысячи советских людей, причастных к победе, внесших свой посильный вклад в дело разгрома гитлеризма. На фотографиях, к примеру, видны автографы летчиков, указавших даже гвардейское наименование своей части. Кто скажет, что они не участвовали во взятии рейхстага? А расписаться они могли лишь после боев, и к тому же не закончились для них бои, как и для матушки-пехоты в Берлине 2 мая: им предстояло еще преследовать про-

тивника до Эльбы, громить прорывавшихся врагов на Запад, летать на помощь восставшей Праге... А потом уж можно было несколькими представителям Военно-Воздушных Сил, тем, кто в эти часы свободны от службы, выпросить у начальства автобус и «слетать по земле» в Берлин, поглядеть на этот самый рейхстаг, будь он неладен, расписаться на его камнях, если найдется свободное местечко, и поспешно отбыть обратно на аэродром, в свое расположение...

Ну, а танкисты? Танки вели бой на Королевской площади, а в самый рейхстаг, естественно, не врывались. До конца боя танкисту попасть в это здание возможности не представлялось...

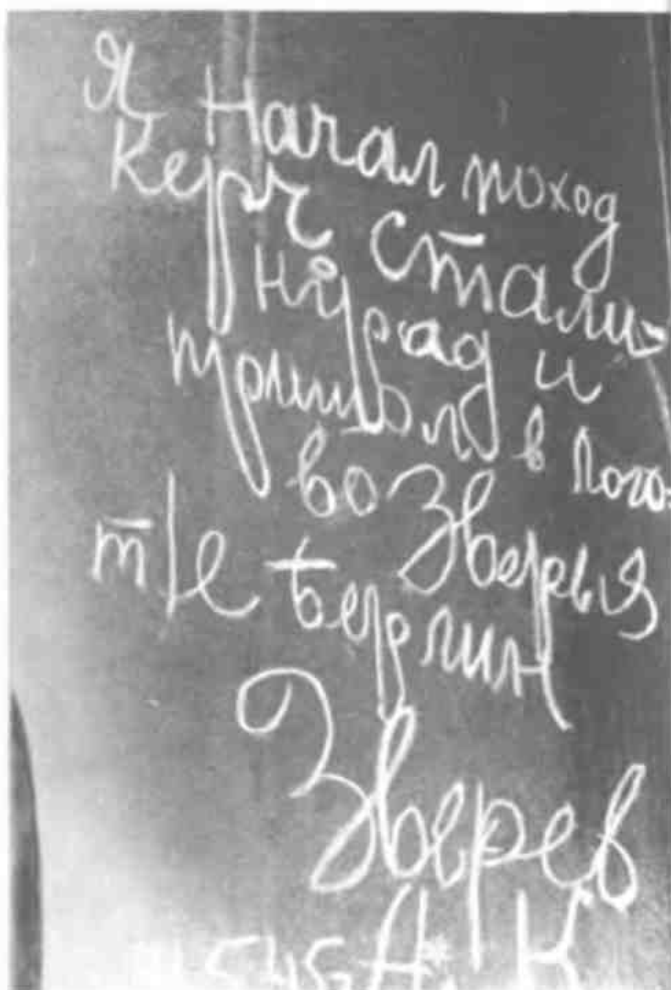
Артиллеристы одной только части по расположению на 29 апреля имели возможность создать свою штурмовую группу и даже установить свой флажок на колонне.

Но, с точки зрения оперативной обстановки, это был счастливый случай. Рейхстаг положе-

но было брать пехоте, и она выполняла свою непосредственную задачу. Это была не какая-то «абстрактная» пехота, а части, в разграничительных линиях наступления которых виднелся «объект 105», то есть рейхстаг.

Совершенно естественно и ясно, что все участники штурма Берлина, как только им представилась возможность, ринулись в центр «логова», «берлоги», считая для себя необходимым постоять хоть мгновение под знаменем Победы.

Разве не прав Василий Устюгов, утверждая, что участник штурма рейхстага — весь наш героический народ? Как человек, воевавший непосредственно в купольном зале, он с русской щедростью и чувством фронтового товарищества принимает в первую шеренгу всех, кто внес свой вклад в дело разгрома гитлеризма. Но от этого не уменьшилась в своем величии, не растворилась в многотысячной массе ни одна фигура воина, непосредственно и лично с 30 апреля и по 2 мая 1945 года ведшего бой за «объект 105».

После завершения боев побывали в рейхстаге и расписались и те, кто приезжал с побережья Северного моря, и с юга Германии, и даже некоторые товарищи с других фронтов, специально командированные в Берлин...

Мои сомнения были отвергнуты еще и самим содержанием нахлынувшего на мой письменный стол материала. Для подавляющего большинства откликнувшихся товарищей характерны сдержанность и скромность. Меньше всего и строже всего говорят ветераны о себе и о своих боевых делах. Но считают долгом чести рассказать о друзьях — живых и мертвых, о соседях по окопу, о подчиненных, о начальниках...

Человек, расписавшийся на стенах рейхстага, это для современников, для новых поколений — Воин Великой Отечественной войны, Герой нашего времени...

Хочу доложить читателю, что первые отклики на фотографии стен рейхстага с именами советских воинов пришли не от тех, кто тогда в Берлине расписывался, а от их друзей, со-

служивцев, однополчан и даже от их детей. Вот самый первый, появившийся на моем письменном столе отклик:

«В левом нижнем углу фотографии есть надпись: **Одесса Венско**. Можем сообщить вам, что это инженер, преподаватель военного училища в гор. Одессе.

Мы, его сослуживцы и товарищи, не сразу написали об этом, но все же решили, что должны гордиться нашим земляком, и пусть все о нем знают. Вячеслав Адамович Венско прошел весь путь советского воина, был несколько раз ранен, награжден многими медалями и орденами, в том числе двумя польскими. И сейчас это дисциплинированный, знающий, серьезный инженер, пример для нас.

По поручению группы сослуживцев
Смирнов А. П.».

Суховатый язык, вырабатываемый военной службой, это «можем сообщить вам» вдруг на-

чинает излучать тепло и свет. Я люблю этот язык и знаю, что за скупыми словами прячется сердечность, чувство военного братства. Одесситы — горячие патриоты своего города. Узнав о В. А. Венско, они пустились в новый поиск. И вот результаты, сообщенные полковником в отставке, поэтом С. Даниловым:

«Из одесситов не только Венско оставил свою подпись на поверженном рейхстаге. На стене среди «каменной летописи» есть слова: **Одесса. Казаковы были тоже здесь.** Кто же эти Казаковы? Где они сейчас? Их судьба заинтересовала сотрудников газеты Краснознаменного Одесского военного округа «Защитник Родины». Начались поиски. Они оказались нелегкими. Не имея ни адреса, ни каких-либо данных о Казаковых, их было трудно разыскать в большом городе. Но, к счастью, поиск увенчался успехом. Надпись на камне сделал командир саперного взвода Григорий Александрович Казаков. Он участвовал в штурме Берлина, был ранен в

войне было шесть Казаковых, а до Берлина дошел только Григорий. Он расписался за всех».

Хочу процитировать еще одно письмо, близкое по языку к документу типа аттестации или характеристики. Очень интересно в нем сочетание штабной сухости с высокой чистотой и добротой. Иногда говорят, что армия стрижет под одну гребенку всех, что в строю пропадает человеческая индивидуальность. Приводимое ниже письмо может служить опровержением опрометчивых и поверхностных суждений.

Начальник пишет о подчиненном:

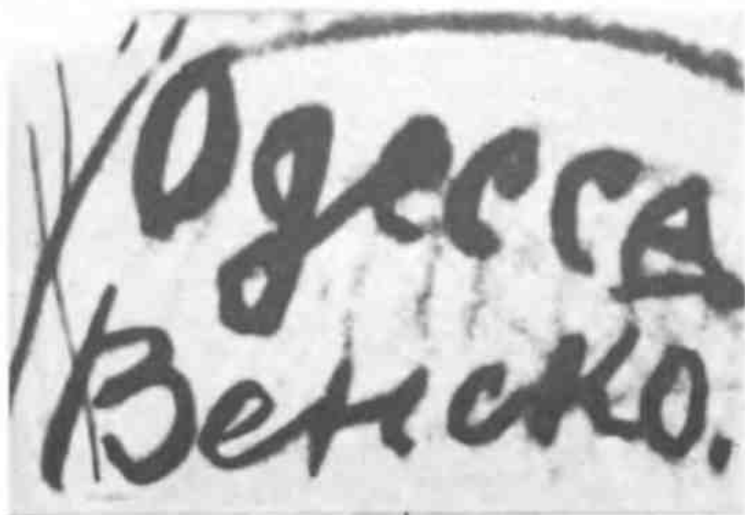
«Наш нынешний начальник финансово-хозяйственной службы Александр Яковлевич Шубин 3 мая 1945 года, осмотрев рейхстаг, нашел в кабинете Гейделя свободное место на стене и написал: **Я разведчик Шубин. Мой путь Днепр — Москва — Варшава — Берлин.** Его боевой путь начался в июле 1941 г. Яркие свидетельства его боевой доблести — два ордена Красного Знамени, два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени и медали. В 1956 г. в звании капитана Шубин А. Я. уволен в запас и с тех пор работает в Череповецком горвоенкомате.

Он правильно организует обслуживание пенсионеров и проводит ряд полезных и важных мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение пенсионной работы. Шубин А. Я. часто бывает на квартирах офицеров-пенсионеров, инвалидов Отечественной войны и семей погибших воинов. По его инициативе организована и систематически проводится доставка продуктов питания на дом одиноким больным и престарелым пенсионерам.

А. Я. Шубин имеет ряд благодарностей и почетных грамот. Командующий войсками округа наградил его часами. Я считаю, что о таком человеке и о людях его профессии надо писать, в газетах об их труде пишут очень мало.

Заместитель Череповецкого горвоенкома подполковник П. Костин».

130

ногу. Это было третье его ранение. Первое Казаков получил в родной Одессе, где вместе с отцом отбивал атаки немецких воздушных пиратов. Отец его погиб за ручным пулеметом на месте боя. На

Слава Советской
братской
Кавказской Исламской Б. М.
Новосибирская
Сибирь - Б. М.

1 6-V-45

Здесь были
из Ленинграда
Майор Андрей
М. в приходе Охр. М. М. К. В.
судя за тем, МИХАЙЛИН
Г. М. Б. Германия К. Н. А. М. НЕ ХОДИ
ДОБРЯНСКИЙ Я

Я не знаком с подполковником П. Костиным. Но полностью согласен с ним и тепло думаю о нем. Это ведь очень важный пункт в нашем обществе — военкомат, недаром слово это приобрело права гражданства, вошло в стихи и песни. И надо, чтобы в военкоматах работали самые душевные военные люди, знающие цену победы. П. Костин таким знает А. Шубина, мне кажется, что таков и сам П. Костин. Иначе не смог бы он так искренне написать о подчиненном — все равно проступила бы фальшь!

Очень хорошо написал начальник политотдела военкомата Узбекской ССР П. Кургузов о своем сослуживце полковнике Каримджане Исакове. Мне это письмо было особенно интересно читать, потому что о Исакове упоминается во всех значительных документах и мемуарах, как об одном из храбрейших участников штурма. Приятно было узнать, что парторг знаменитого батальона, старший лейтенант — ныне полковник, облвоенком. О нем написаны даже стихи — пусть неопытные, но искренние:

В грядущих битвах и атаках
Его я вижу впереди.
Пусть каждый будет, как Исаков,
С блестящей славой на груди.

Итак, слово начальнику политотдела Узбекского республиканского военкомата:

«По долгу службы мне пришлось ознакомиться с личным делом полковника К. Исакова. Среди документов военных лет особый интерес вызвал следующий:

«В бою 29 апреля 1945 г. тов. Исаков одним из первых на подручных средствах форсировал р. Шпрее, 30 апреля 1945 г. с группой бойцов пробился к зданию рейхстага, с ходу захватил выход одного из подвалов, заперев тем самым более 300 немецких солдат и офицеров гарнизона рейхстага...

Командир 674-го стрелкового полка полковник А. Плеходанов».

И вот сейчас военный комиссар Наманганской области полковник Каримджан Исаков сидит передо мной. Быть может, он, полковник Исаков, бывший парторг

первого батальона 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой Идрицкой дивизии, знает, кто сделал на рейхстаге первую победную надпись?

— На этот вопрос, пожалуй, никто не ответит. Как знать, возможно, первыми расписались бойцы нашего батальона. Неторопливо начинает рассказ полковник Исаков, и возникает картина тех далеких событий.

...Воины батальона, которыми командует капитан Василий Давыдов, готовятся к штурму рейхстага. До него триста метров. Последний рывок к победе. Каримджан Исаков, парторг батальона, обращается к бойцам:

— Завтра Первое мая. В другое время мы шли бы под знаменами по светлым улицам. Сегодня у нас нет такой улицы, но есть Знамя. И мы его должны во что бы то ни стало донести до рейхстага.

Считанные минуты остаются до сигнала атаки. Волнуются ребята. Волнуется и парторг старший лейтенант Исаков. Словно почувствовав начало штурма, гитлеровцы осыпают окна и стены здания министерства внутренних дел градом пуль. Но тут же начинают бить наши пушки, полоса огня перемещается к самому зданию. Сигнал «В атаку», и Исаков первым выскакивает в окно.

30 апреля группы воинов из батальона Неустроева ворвались в рейхстаг. Красное полотнище взметнулось во мgle главного входа. Его укрепили на одной из колонн. Немного позднее вместе с ротой лейтенанта Петра Гриченкова в рейхстаг через депутатский вход вошел Каримджан Исаков.

Весь день парторг находился в самых жарких местах. А вечером, в минуту затишья, командир пулеметной роты капитан Забил Хахов сказал ему:

— Сегодня Первое мая, надо бы память оставить об этом дне.

Тогда Каримджан предложил выбить на стене рейхстага имена самых храбрых воинов. И Хахов высек фамилии

пулеметчиков Петра Агаркова и Ивана Ермакова. Они, — выбивал по камню капитан, — здесь 1-го Мая били немцев. Возможно, это и была первая надпись на стенах рейхстага.

Полковник П. Кургузов, начальник политотдела военкомата Узбекской ССР».

Вот еще одно письмо. Сразу узнаю наклонный «женский» почерк, попадаю постепенно в зону верной фронтовой дружбы: Старшина запаса, бывший командир взвода связи Галина Исаева, живущая ныне в Ленинграде, восторженно пишет:

«Среди фамилий и имен, начертанных на стенах рейхстага в памятный 1945 год, есть одно имя, которое близко и дорого многим воинам 380 стрелкового полка 171 Краснознаменной Идрицко-Берлинской ордена Кутузова стрелковой дивизии. Это имя — Елисеева Елена Ивановна, врач, командир полковой медико-санитарной роты. Сотни раненых прошли через ее неутомимые руки. Сутками не отходила она от операционного стола, в бою мужество и выдержка никогда не изменяли ей. Она вырастила немало умелых медиков, сама стала кандидатом наук и сейчас работает в Москве, по-прежнему спасая людей».

Я думаю, что в наградных листах Елены Елисеевой сказаны те же слова, но как дороги именно вот эти, написанные товарищем по войне, присланные из другого города и только по велению сердца!

Следующее письмо, которое я считаю необходимым привести полностью, — тоже о женщине и тоже о медике. Я поначалу не понял, откуда автор письма черпает материал, но постепенно сквозь строки проступила возвышенная дочерняя любовь, и я порадовался тому, что у участницы штурма Берлина растет такая славная комсомолка, для которой подвиг матери — школа жизни. Вот письмо девушки, родившейся после победы:

«Мне очень хочется рассказать о женщине, прошедшей нелегкий фронтовой путь. В семнадцать лет, едва закончив

медицинский техникум, она ушла на фронт. Девушку звали Оля Назарова. Рано лишившись матери, с малолетства привыкнув к труду, она не боялась тяжелой работы и, наверное, потому была всегда там, где трудно. Видно, свое горе и нелегкая жизнь научили девушку чувствовать чужую боль и бережно относиться к людям. Как-то в Латвии она выменяла у хуторян на молоко и творог свой паек, шерстяные носки, нижнее белье, потому что тяжелораненым было трудно глотать госпитальную пищу.

Четыре года на фронте, четыре года... Сколько людского горя, сколько слез видела медицинская сестра! В сорок четвертом к ним привезли узников, освобожденных из концлагеря. В концлагере они жили мыслью о Победе, о встрече со своими, но когда они попали на чистые, с белыми простынями кровати, то нервы не выдержали, многие стали умирать. Что только ни делали врачи и сестры, чтобы спасти им жизнь. Многих удалось спасти.

С 3-й ударной армией прошла медсестра Назарова от Ленинграда и 10 мая 1945 года поставила надпись победителя на рейхстаге. В том же году она вступила в партию.

Неимоверно трудно было учиться в послевоенные годы, но Ольга Назарова все же окончила Ивановский медицинский институт. Вот уже более 20 лет она носит белый халат врача. Где только не пришлось ей работать! Семнадцать лет Оля — теперь Ольга Константиновна Канаева — работала в Средней Азии. В далеком гарнизоне Кушка — это самая южная точка нашей страны — не найдете человека, который бы не знал и не уважал ее. Потом она работала в Калининне. А сейчас она снова в Германии лечит людей. А я с ней, и увидела Германию, где она была на войне. Вот я сейчас пишу эти строки, а мамы нет дома. Она в госпитале, у постели больного паренька; вот уже двое суток она не

приходила домой. Пока больному не станет лучше, она не придет. Я знаю это, потому что так было не раз. О хороших людях много можно писать, но бумага кончается, да и судьба моей матери похожа на судьбы тысяч девушек сороковых годов.

С комсомольским приветом

Елена Канаева.

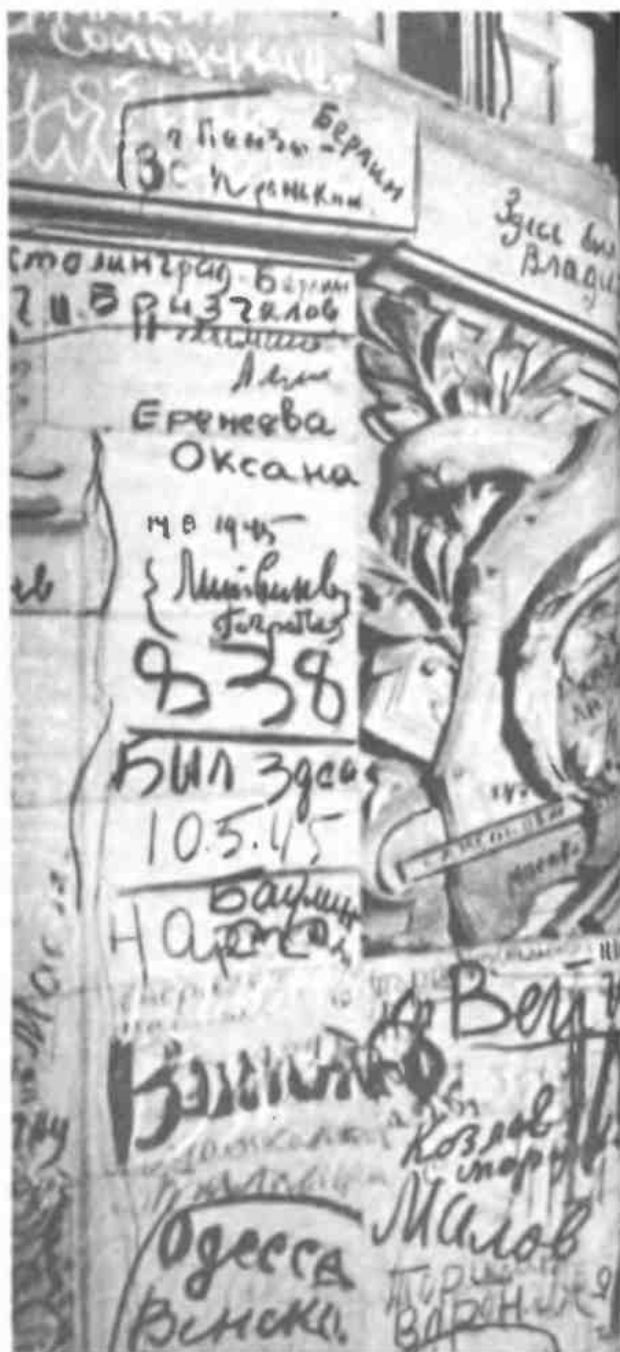
Я вижу, что Елена Канаева очень похожа на свою маму Ольгу Константиновну и хочу пожелать ей всегда брать с нее пример. Хочу надеяться, что не придется Елене пройти такой же огненный путь. Но верю, если придется, она пройдет его с честью!

Трогательное письмо получил я от Зинаиды Николаевны Томилиной, проживающей недалеко от Риги. Я увидел в этом письме искреннюю любовь скромной женщины к мужу и словно бы заглянул в семью Томилиных, узнал о ее устоях и порядках. Маленький городок в Латвии. Совершенно замотанный повседневными делами и заботами милиционер и рядом с ним, вообще-то рядом, но не часто им удастся побыть вместе, — деятельная, хлопотливая, не утратившая комсомольского задора подруга жизни.

«В прошлом году мне случайно попала в руки книга «От Сталинграда до Берлина», фото Якова Рюмкина. Перелистывая ее, я увидела фотографии с росписями на стенах и колоннах рейхстага и у меня промелькнула утопическая мысль: «Вдруг и мужа роспись есть». Каково же было мое удивление, когда, перевернув следующую страницу, я увидела:

Томилини. Воронеж.

Почерк не изменился. Муж увидел фотографию, очень разволновался, не верил своим глазам. Эта книга теперь у нас — драгоценная реликвия. Муж мог бы рассказать много интересного: он 17 лет ушел добровольцем на фронт. Но даже письмо Вам я не могла заставить его написать. Так он занят. Он в звании младшего лейтенанта демобилизовался в 1945 году. Работает в милиции. Был рядовым милиционером, проводником

служебной собаки, участковым. Сейчас инспектор наружной службы. Имеет ордена Красной Звезды, Славы, медали; теперь уже к военным прибавились милицмейские. Фронтная жизнь для него не кончилась. Вот сейчас заставляю его хоть конверт надписать. Нет, не вышло, вызвали его на дежурство, придется конверт подписывать самой.

Латвийская ССР, г. Салдус. Томилина».

Видите: вызвали на дежурство, даже надписать конверт не удалось.

Вот, что я знаю о Петре Денисовиче Томилине. Он 1925 года рождения, так что в Берлин пришел двадцатилетним. Он из села Терновое, из-под Воронежа. Тринадцати лет остался сиротой да еще с малолетним братом и сестрой. Брата взяли на воспитание в семью бездетного военного, и след его затерялся. Лишь через 30 лет, уже работая в милиции, Томи-

лин попросил своих сослуживцев провести совсем уж, кажется, безнадежный поиск. Не было известно ни фамилии военного, приютившего брата, ни подробностей.

Но чудо свершилось: через 32 года братья свиделись.

Этот факт, кажется, не имеет отношения к автографам на стенах рейхстага? Но разве не собрание чудес — эти имена и судьбы советских людей?

П. Д. Томилин, 1945 г.

Петр Томилин, по свидетельству своих товарищей из Салдусского районного отделения милиции, — чуткий человек. Жители участка, вверенного ему, хорошо знают этого худощавого, всегда сосредоточенного офицера милиции. Им известно, что строгость и сосредоточенность — лишь внешние черты Петра Томилина. Когда он проводит беседы со школьниками, мальчишки заворуженно смотрят на ордена Славы и Красной Звезды. Еще бы — этот воин штурмовал рейхстаг!

Зинаида Николаевна Томилина прислала мне фронтовую и современную фотографии мужа и на обороте одной из карточек я прочел: «Вот какой у меня муж хороший! Правда?» Мне стоило огромного труда добиться от самого Петра Томилина рассказа о боевом пути. 17-летний солдат-доброволец в начале февраля 1943 года в составе роты шагает на фронт и прямо попадает в огонь, в бой.

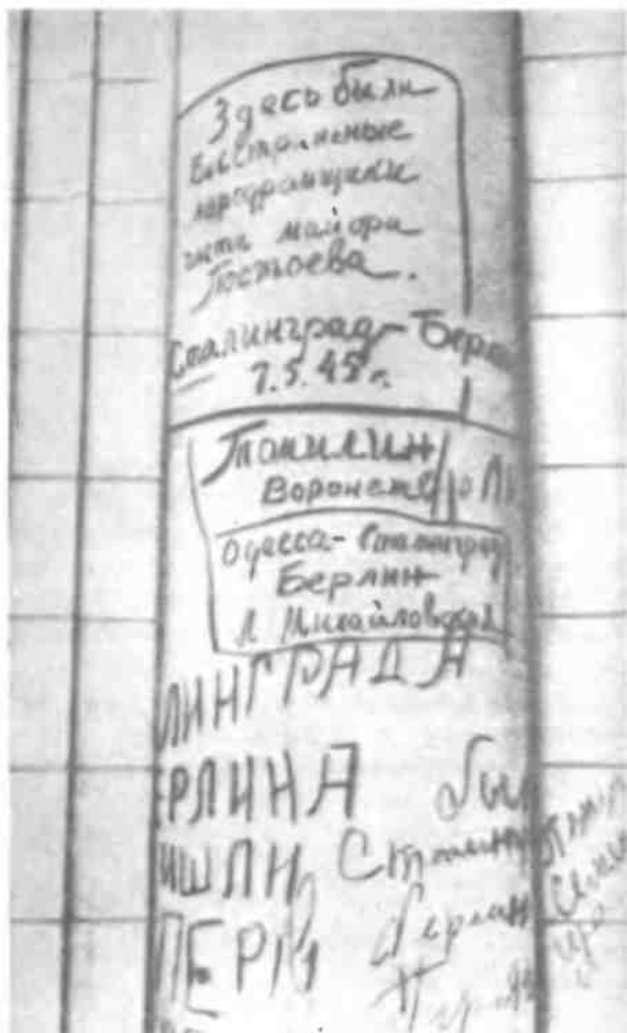
Старшие, опытные стрелки в окопчике учат его, как вести себя в бою. А через месяц все еще семнадцатилетний, но уже опытный стрелок, он сам учит бойцов пополнения трудной науке боя.

Более двух лет провел он на переднем крае (за вычетом времени, проведенного в госпитале — что поделаешь: от пули не уберешься).

Петр Томилин переплывал Миус, это было его боевое крещение. Но пришлось и Днепр форсировать, и Вислу, и Шпрее.

Милиционер из-под Риги пишет мне:

«Вы спрашиваете — за что я награжден? Да я и сам не знаю. Воевал, как все воевали в то время, и ничего выдающегося не сделал. Вот помню командира 2-го стрелкового батальона 100-го полка 35-гвардейской дивизии майора Бердникова, так он форсировал Вислу на первой лодке, за что и удостоен звания Героя Советского Союза. А я только воевал в составе его батальона от Вислы до

П. Д. Томили, 1970 г.

Герой Бранденбургских ворот
Павел Волик

Берлина. Самое большое и страшное, что я пережил, — это потерю фронтовых друзей, которые умирали на моих глазах мгновенно от пуль и осколков. В Берлине бои шли тяжелые: приходилось овладевать не только домом, но каждой комнатой и поворотом коридора. Мы в Берлине брали не рейхстаг, у нас были свои, для нас предназначенные улицы и кварталы. А когда завершили дело, было ликование, и я, как вы уже знаете, расписался: Томили, Воронеж».

Я очень быстро почувствовал правоту Зинаиды Томилиной, написавшей на обороте фотографии: «Вот какой у меня муж хороший! Правда?»

Конечно, правда!

Сержант запаса Иван Лобач, машинист загрузочного вагона на коксохимзаводе в городе Запорожье, пишет о своем односельчанине Павле Волике. Это его друг детства из села Ново-Прокофьевка, ныне — металлург, мастер огненной профессии. Он установил знамя на Бранденбургских воротах — утверждает Иван Лобач. Это не просто о земляке, это уже из самой истории. И я произвожу раскопки в своих бумагах, фронтовых блокнотах. Нахожу запись:

«30 апреля. Штурмовая группа сержанта Волика. Герингштрассе». У меня по-иному, чем у Ивана Лобача, записана фамилия красноармейца, сопровождавшего Волика со знаменем к Бранденбургским воротам: я тогда записал Лебедько, а Лобач теперь пишет Лебеденко. Вполне допускаю, что мог в горячке тех

дней неверно записать фамилию. Но надо проверить. Это один из важнейших вопросов, с которыми мне пришлось столкнуться, воспроизводя картины войны: многие имена искажены, ряд эпизодов имеет различные толкования, так как личные впечатления участников не были своевременно сопоставлены, обобщены и беспристрастно проверены. Чем дальше, тем труднее будет установить истину.

Но эти мысли, вызванные искажением фамилии солдата, к Павлу Волику неприменимы. Он,— несомненно, герой Бранденбургских ворот, и это должно стать известно всем.

Быть может, читателю небезынтересно, как приходилось разыскивать участников Берлинской битвы? Вот один характерный случай. После телевизионной передачи я получил следующее письмо;

«Вы просили сообщить о тех людях, кто писал на стенах рейхстага. Одного я такого знаю, я видела его фамилию — **Новосельцев И. И.** — однажды в газете, вырезала снимок с его фамилией на стенах рейхстага. Его просили откликнуться, но он не соглашался, и вот сегодня пишу сама за него. Он проживает по адресу: Запорожская обл., Акимовский р-н, с. Родионовка, Новосельцев Иван Иванович. Он часто вспоминает своих товарищей и павших в бою, и живых, а писать вроде как стесняется. И каждое 9 мая на День Победы стоит у знамени у памятника павшим воинам.

Седых А. И.»

Эта неизвестная мне А. И. Седых (знаю лишь, что она работает в Богатырском лесничестве)

Русский Иван был здесь
 Прибыли 7 мая 1945 года
 От Сталинграда в Берлин

Тальтенко И.В.	Дронов П.И.	Минаков В.М.
Новосельцев И.И.	Лобурев Г.А.	Радионых Г.С.
Оксиненко Ф.С.	Сидненко Ф.М.	Абидин Н.

Сталинград-Берлин
 Макаров И.
 Самоходный

Боевой путь
 от Ленинграда 1918-45
 до Сталина

вот так просто и человечно рассказала о своем односельчанине. Расшевелить Ивана Ивановича

Заслуженный тракторист
 И. И. Новосельцев

ча Новосельцева оказалось делом нелегким. После нескольких моих писем он наконец откликнулся. К тому времени в Музее Вооруженных Сил я обнаружил фотографию, на которой — свод потолка вестибюля рейхстага и слова:

РУССКИЙ ИВАН БЫЛ ЗДЕСЬ.

**ПРИБЫЛИ 7 МАЯ 1945 ГОДА
 ОТ СТАЛИНГРАДА В БЕРЛИН**

ГАЛЬЧЕНКО И. В.
 НОВОСЕЛЬЦЕВ И. И.
 ОКСИНЕНКО Ф. С.
 ДРОНОВ П. И.
 ЛОБУРЕВ Г. А.
 СИДНЕНКО Ф. М.
 МИНАКОВ В. М.
 РАДИОНОВ Г. С.
 АБИДИН Н.

Не надо быть графологом-экспертом, чтобы установить, что слова русский Иван был здесь написаны И. И. Новосельцевым. Кстати, из всей компании, расписавшейся 7 мая, он единственный Иван. Иван Иванович рассказал мне, как семнадцатилетним в 1943 году пошел на фронт в собственных, не казенных ботинках,

и они совсем развалились, а мороз был 40 градусов. Как довелось новобранцам, еще не воевавшим, жить в землянках в степи, топить печку-бочку бурьяном. В первый бой пошел он на Сандомирском плацдарме, конечно, уже в крепких сапогах и в звании младшего командира.

«Под Берлином попали в переплет. Нам было задание отрезать отходящие немецкие войска, мы их отрезали под городом Готов 30 апреля. Был я контужен, но все равно мы их разгромили. Меня подобрал пришедшие к нам на выручку танкисты, посадили на броню и 7 мая я на танке прибыл в Берлин. Был контужен, не все помню, но что 7 мая — это точно: записано на стене»

Иван Иванович — заслуженный тракторист, отец трех сыновей. Обычная судьба, великая в своей обычности... Спасибо товарищу Седых, напомнившей об односельчанине!

Все-таки постепенно стали поступать письма и от самих расписавшихся: взволнованные, душевные письма, за каждым из которых и личность, и судьба, и память...

Вот одно из них:

«В воскресном номере газеты, к своему удивлению, я обнаружила свою подпись на плите разрушенного рейхстага, на среднем снимке. Двухлетней девушкой в мае 1945 года я была в поверженном Берлине. За этой подписью и радость победы, и гордость за свой героический народ, и грусть о тех, кто не дождался своего близкого с войны. К этим подписям четыре долгих года шагали солдаты. Многие не дошли, многие стали инвалидами. Из моей семьи ушли на фронт трое мужчин. Брат мой погиб под Москвой, отец — под Козельском, муж старшей сестры — под Белостоком. В конце 1943 года я добровольно пошла на фронт. Я была радисткой в 28-й мотострелковой бригаде. Мы брали не Берлин, но Штеттин, Пренцлау. Расписались на рейхстаге, специально ездили. Как в те военные годы, мне хочется сказать в микрофон рации гвардейцам 28-й бригады:

«Я — Хитрость! Я — Хитрость! Как слышите меня? Прием».

Москва. Раиса Семеновна Платошкина». Другие товарищи воспользовались случаем, чтобы связаться с однополчанами. Страна наша огромна, раскидало участников войны здорово, найти друг друга не просто. Видимо, с годами все настоятельней необходимость чувствовать, пусть на расстоянии, плечо фронтового друга. Об этом говорится в десятках писем, подписанных фамилиями, запечатленными и на камнях рейхстага. Но на фотографиях, опубликованных в печати, ветераны ищут не столько свои подписи, сколько подписи друзей и товарищей.

Гвардии капитан запаса Евгений Федин откликнулся на фотографию, на которой: стена, балюстрада и выстроившиеся вдоль нее молодые парни деловито и сосредоточенно расписываются

«Мне кажется, на фото офицеры и сержанты моего подразделения. Точно разглядеть не могу, посылаю свое фото для сравнения. Если вы найдете сходство, то можно сделать переключку победителей».

Я вооружился увеличительными стеклами и стал сравнивать фотографию у балюстрады с групповым снимком, присланным Евгением Федем. К сожалению, точно установить сходство не удастся — на фотографии, сделанной в рейхстаге, все лица в тени: свет льется сверху, козырьки фуражек скрывают глаза. Но многие детали подтверждают правоту Евгения Алексеевича. Если даже он ошибся (надо отдать должное его скромности — он осторожно предполагает, что на фото его офицеры), все равно предлагаемая им переключка состоялась. Также призывая старых товарищей к переключке, капитан запаса из 150-й дивизии Николай Захаров спрашивает меня в письме: «Где Федин, Носков, Грязнов?» Не имея данных о других войнах, о Федеме могу ответить уже сейчас: Федин в Ярославле (живет в доме 18 по улице Наумова). Вот и получилась переключка!

Кстати, на фотографии, на которую ссылается Евгений Федин, нашел и узнал себя кавалер многих орденов, сержант запаса А. Замосян-

Шофер П. В. Васильев

чук — ныне механизатор на Одессчине. Медленно «раскачивались» участники битвы, не сразу откликнулись. Многие жалуются в письмах, что писать трудно, наверное, не так выразились. А «выразились» очень здорово — в их письмах характеры и судьбы прекрасно просматриваются! Вот, к примеру, одно из писем:

«Я выцарапал иголкой: Москва — Берлин — Чарыков, которая всегда была при мне с ниткой за воротником гимнастерки. После войны был я зам. коменданта района Панков. Вернувшись по демобилизации, работал в Главмосстрое. В 1961 году окончил институт. В настоящее время пенсионер».

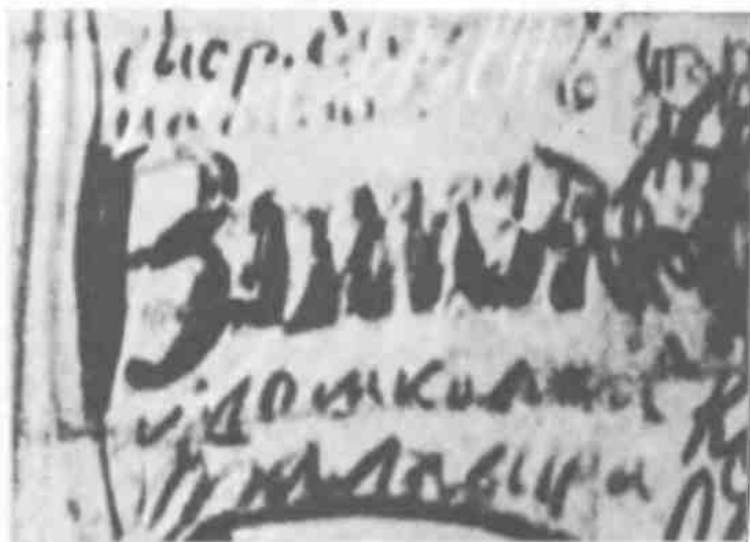
В этом кратком, телеграфного стиля письме есть деталь, показывающая упорство фронтовика и вызывающая глубокое уважение.

В пожилых годах — чуть не перед самым выходом на пенсию — воин и строитель закончил институт. Исключительное и типичное явление. И самое что ни на есть советское.

Что-то произошло, сместилось в понятиях о возрасте, о зрелости, о старости. Я и не

представлял себе, как много семнадцати-восемнадцатилетних участвовало в великой битве и какими они были взрослыми тогда. Участники войны оказались старшим поколением. А ведь взгляд на мир они сохранили юный, хотя много лет прошло. И в высокой степени умели и умеют они дружить и в каждом письме вспоминают товарища. Меня очень тронуло письмо бывшего партизана и стрелка, а ныне шофера Петра Васильева:

«...Решил, как могу, написать. Лично мне подвиги совершать не пришлось, но семнадцатилетним пришлось идти на дорогу войны и воевать среди талантливых смелых командиров и моих фронтовых друзей — солдат. Мне также пришлось дойти до Берлина и расписаться еще на горящем рейхстаге, и быть радостным, и видеть радостные лица наших торжествующих воинов.

Фамилия моя около нижнего угла рисунчатого изображения на той же плите, где написал свою фамилию Мирошников. Боевой путь мой до Берлина начался от родного дома на Псковщине — Опочецкий район. Жил с матерью дома, выполнял связь и поручения партизан. Потом пошел в седьмую Калининскую бригаду, которой командовал тов. Заверин, а после тов. Козлов. С отрядом пере-

шел линию фронта у ст. Дрисса в Белоруссии. Был тяжелый, с боем переход. Мы, партизаны, были направлены на ускоренную переподготовку — как воевать на фронте. Воевал в Прибалтике, потом прошел от Ковеля до Берлина. Расписывался вместе с сержантом А. Егоровым, стрелками В. Вистушко и В. Ракиным. Друзей никогда не забуду. Васильев Петр Васильевич, шофер, г. Желтые Воды».

Сейчас в моде социологические исследования. Я не очень верю обобщениям и выводам общественного характера, основанным на арифметических подсчетах. Однако, основываясь на своем поиске расписавшихся на рейхстаге, берусь утверждать, что существует особый человеческий тип, особый характер именно в нашем обществе — ветеран войны. Послевоенное время произвело безжалостный отбор, участвовало в формировании этого характера — он выработался не сразу.

Скромность и сдержанность — одно из типичных качеств фронтовиков, и это создало немалые трудности в моей работе. Люди стремятся преуменьшить свою роль в событиях, приводят достоверные и доказательные факты (касающиеся главным образом не их, а их товарищей). Но времени прошло много, родились и легенды, и просто небылицы. Бывает и так: созданная поверхностным автором притча постепенно овладевает сознанием персонажа, которому была посвящена. И он уже верит в придуманную и приукрашенную историю, как в действительно имевшую место. В солидной газете, например, я прочитал статью о штурме, составленную группой журналистов на материале бесед с ветеранами. Там написано, будто бы со слов одного из солдат, установивших флажок, что он форсировал наполненный водой ров на Королевской площади, надев на себя немецкий мундир и тем самым обманув противника. Ров, наполненный водой, действительно оказался неожиданным препятствием на Королевской площади. Это был недостроенный открытым способом туннель метрополитена, куда по приказу Гитлера

спустили воду из канала. Но советский воин, преодолевающий Королевскую площадь в немецком мундире, — картина невероятная! Такой маскарад не мог иметь места, а если бы — поверим в чудеса — имел, то обязательно кончился бы трагически...

Имя и фамилия на стенах рейхстага для друзей, сослуживцев, детей, соседей расписавшегося — важнейшая характеристика. Окружающие смотрят на такого человека большими и светлыми глазами. Он для них личность легендарная — победитель фашизма, освободитель Европы, хотя они и не знают и не могут определить и взвесить, каков его вклад в победу. У себя на заводе или в колхозе, в школе или в учреждении расписавшийся на рейхстаге — предмет гордости и уважения.

Было бы столь же неправомерно считать роспись на рейхстаге подвигом, как и считать, что роспись эта ничего не значит. Если в сознании нашего общества исписанные именами советских воинов здание рейхстага — символ завершения войны, с этим нельзя не считаться. Расписавшийся поставлен в положение представителя. Кстати, росписи в мае 1945 года были как бы представительскими. Вспомните: Сталинград — Берлин — фамилия; Мы от Кавказа дошли... и ряд фамилий. Летчики... Танкисты... Писались имена частей, города и села, где родились или жили. Писали имена погибших друзей. Клялись не допустить возрождения фашизма...

В наше время подпись каждого человека, а тем более тысяч людей имеет немаловажное значение. Послевоенная история помнит сбор подписей и во всемирном масштабе, как, например, под Стокгольмским воззванием за мир, и в масштабе стран и наций — требования о прекращении грязной войны во Вьетнаме, выступления против распространения атомного и бактериологического оружия, в защиту патриотов, преследуемых реакционными режимами...

Значение подписей, простых человеческих имен в наше время, как никогда, возросло. Может быть, в XX веке не было более сильного и значительного свода подписей, чем тот, что образовался на камнях рейхстага. Стихийно

уполномоченные всем советским народом воины, дошедшие до Берлина, подписали приговор фашизму. Каждая подпись бесконечно дорога и ценна, и все дороже и ценнее становится перед лицом неумолимого времени. Бесхитростные свидетельства очевидцев никогда не перестанут волновать нас. Они не берут на себя обобщающей роли, на которую способна художественная литература, но они легендарны в высоком смысле этого слова.

Легенды бывают разные. В одних подлинные факты приобретают лишь большую глубину и высоту, другие далеко уводят от истины. Бойцы мало думали об истории, когда шли сквозь огонь: они ее творили. Теперь мы сетуем на свою беспечность, на то, что не записаны многие важнейшие эпизоды, не сохранились документы: им не придавали значения, а когда хватились — было поздно.

Ну, что ж, пока еще живо военное поколение, будем слушать рассказы победителей, вчитываться в их письма, собирать по крупицам факты и эпизоды. Из откликов фронтовиков, из их бесхитростных писем сложилась большая картина жизни и действий на войне не просто людей, одетых в шинели и вооруженных, а именно советских людей. Это трогательные документы эпохи, и они не могут не волновать. Каждое письмо — живой рассказ, все видно — целая картина и характер на одной страничке.

«17-ти лет меня взяли в армию, я сразу попал на фронт. Нас было 300 пацанов, башкир. Мы были среди настоящих кадровых воинов, которые сберегали жизнь неопытных молодых солдат. Я одного хочу назвать. Это был Хромов, сам с Украины, как его звать не знаю — у нас обращались друг к другу только по фамилии. Я еще называл его «отец». А он меня сыном, за что нам не раз делали замечание.

Вот мы пришли в рейхстаг, как отец и сын. У меня был трофейный штык. Я отдал его Хромову, и он стал чертить на стене: **Смерть фашистским захватчикам!** Подписал крупными буквами **Хро-**

мов и почему-то помельче поставил мою фамилию. Я даже, признаюсь, был немного душевно недоволен этим. Но успокоил себя тем, что нам было некогда, мы выполняли задание, только заскочили в рейхстаг. После этого вскоре мой друг погиб. Несмотря на то, что победа была уже завоевана, сражаться нам приходилось еще много. После окончательного затишья мы вернулись в Россию, нас, молодых солдат, передали в пограничные войска.

Извините, что оторвал ваше внимание своим безграмотным письмом.

Григорий Гнездилов,
с 1926 года рождения.

Башкирская АССР, станция Зоря».

Это письмо со станции Зоря, если хотите, — готовый сюжет для кинофильма. Два бойца, два характера, два поколения!

Удивительную картину запомнил Рашит Мутагарович Мутагаров, ныне главный агроном колхоза имени Ленина Учалинского района Башкирской АССР.

Утром 3 мая вместе с командиром 46-й минометной бригады полковником Петром Ивановичем Колесником младший лейтенант Мутагаров пришел в рейхстаг. «На первом этаже, — пишет он, — как толькоходишь, находились солдаты и какой-то обоз, то есть лошади и телеги». Пожалуй, ничто так ярко не восставило в памяти те дни, как упоминание Рашита Мутагарова об обозе, 3 мая расположившемся в рейхстаге. Вот уж, значит, операция закончилась... А о том, как расписывались на рейхстаге, главный агроном колхоза имени Ленина тоже сказал просто и точно, так, что все видно.

«Мы с полковником поднялись на второй этаж. В это время на втором этаже ничего не было. Полковник говорит мне: давай, мол, оставим здесь какую-нибудь память. Правда, под руками у нас краски или подобного чего не было. Написали мы карандашом.

Полковник Колесник П. И. и младший лейтенант Мутагаров Р. М.».

Так же, как и в предыдущем письме, здесь есть психологическая картина: полковник и младший лейтенант в тишине второго этажа поверженного рейхстага... В какой другой армии было бы так?

Гвардии старшина запаса Третьяков, электро-сварщик из поселка Дербешка Анташинского района Татарской АССР, просит меня приукрасить, а потом уже опубликовать его рассказ. Не хочу приукрашивать бесхитростные воспоминания бойца первой линии. Да и не сумел бы я это сделать. И вообще «приукрашивать» — не входит в задачу писателя...

«В ночь 31 апреля мы подошли к Шпрее, завладели мостом, переправились, штурмовали рейхстаг и ко 2 мая взяли полностью. Гитлеровцы сопротивлялись, а все же с белыми флажками стали выходить. Наши разведчики Егоров и Кантария водрузили знамя. Входили мы в рейхстаг с западной стороны, как говорят, с парадного крыльца. Мы ставили свои фамилии где только было можно:

Третьяков Д. Д. Татария

Сгонников Вас. Курская обл.

Пугачев Алек. Белоруссия

Пустовалов Н. Новосибирск

Гайсин. Татария.

Наш командир полка полковник Зинченко был комендантом рейхстага. Может быть, найдется тот художник, который рисовал рейхстаг и на углу орудие нашего расчета. Это было, когда приезжали командующие фронтами».

Надо ли приукрашивать этот рассказ? Великое его достоинство в том, что он информационен, никакого бахвальства, все по делу. О художнике могу сообщить товарищу Третьякову. Это был Владимир Богаткин из студии имени Грекова. А о посещении рейхстага командующими фронтами Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, К. К. Рокоссовским вспоминают многие участники битвы. Они действительно приезжали.

Очень характерным для этих писем такие выражения: «мой командующий», «мой фронт». Острое чувство общей ответственности и сопричастности к великому...

В памяти ветеранов — чудесные картины фронтового братства. Расписавшийся на рейхстаге Григорий Демьянович Денисов, младший лейтенант запаса, ныне директор Дворца культуры на комсомольской стройке, рассказал в письме о встрече бойцов его части, входившей в состав 1-го Белорусского фронта (командующий маршал Г. К. Жуков), с солдатами 1-го Украинского (командующий маршал И. С. Конев).

Два фронта сошлись в Берлине. Бойцы обнимаются и целуются как братья, называют друг друга белорусами и украинцами — такие образовались фронтовые национальности. Среди белорусов и украинцев ищут своих земляков уральцы и дальневосточники, грузины и туркмены...

«Белорусами по фронту» были однополчане Григория Денисова: Григорий Вылегжанин из Кировской области, Алексей Степанов из Москвы, Назар Бондарь с Украины, Николай Маркузин из Ленинграда.

С горечью вспоминает Денисов, что в Берлине, на пороге победы был убит сибирский парень, полковой поэт лейтенант Василий Мазалов. Много интересных фактов, нигде ранее не зафиксированных, но достойных того, чтобы войти в историю Великой Отечественной войны, сообщается в письмах участников штурма Берлина. Вот, например, рассказ моряка Краснознаменной Днепровской флотилии, ныне капитана 1 ранга, А. П. Кудинова, о том, как шла к Берлину его часть.

«Известно, что морякам перед плаванием желают «7 футов под килем». В 1944 году, когда флотилия вышла на реку Западный Буг, у кораблей подчас не было ни одного фута под килем. Прибавьте к этому взорванные мосты. А корабли все же шли на Запад... с помощью тракторов. На перекатах мощные трактора, действующие с двух берегов, буксировали бронекатера. А тем временем подрывные партии проделывали проходы в обрушившихся мостах.

И флотилия вышла не только на Шпрее, но и на Одер и Эльбу».

Внушительное зрелище! Будь я живописцем, непременно нарисовал бы, как могучие трактора выполняют бурлацкую работу, да еще в условиях войны!

А. П. Кудинов не нашел на фотографии стен со своей росписью, сделанной на балке второго этажа, зато обнаружил фамилию своего фронтowego друга — Барер.

В письмах участников Берлинской битвы очень хорошо просматривается чувство ответственности, свойственное только советскому воину. Подполковник Петр Афанасьевич Куделя, бывший под Берлином старшим лейтенантом, связистом, пишет: «Кто знает, может, по восстановленным нами линиям проходили переговоры с Москвой, связанные с капитуляцией фашистской Германии?»

Петр Куделя написал на фасаде

МЫ ИЗ УКРАИНЫ. П. К.

Берлин не стал для него окончанием войны: пришлось еще участвовать в разгроме квантунской армии на Дальнем Востоке. Ныне он продолжает служить на Тихом океане...

Я прикоснулся вновь к солдатской рассудительности, к тому воинскому спокойствию, которое на всех войнах, где мне пришлось быть, прибавляло мне силы в самые трудные минуты. Ветераны пишут о боях деловито, сдержанно.

Бывший минометчик младший лейтенант запаса из 713-го стрелкового полка 171-й стрелковой дивизии (а значит, непосредственно участник штурма), ныне механизатор первого класса на Тамбовщине, Анатолий Рогачев так характеризует берлинское сражение:

«Боевые дни мало чем отличаются один от другого. Во время уличных боев приходилось оставлять минометы в укрытии и идти в атаки со стрелками, потому что их численность таяла с каждым часом. После того как я расписался у главного входа, на высоте примерно 2 метра — **Я с Тамбовщины. Рогачев,** — мне и товарищам пришлось продвигаться дальше на Запад и сталкиваться с немецкими войсками, снятыми с фронта наших союзников...»

Сухо, точно... А сколько за несколькими этими строками событий и как четко вырисовывается характер солдата...

Сколько человеческих судеб в письмах, встречах, записях, фотографиях сошлось ко мне! Не берусь классифицировать их, не хочу раскладывать их по полочкам. Я уже говорил, что не верю суммарным выводам. Однако поделиться впечатлениями о типичном и характерном очень хочется.

Многие молодые участники Берлинской битвы и других завершающих сражений Великой Отечественной войны остались служить в армии и служат в ее рядах и поныне. Рядовые, ефрейторы, сержанты тех дней — они теперь подполковники, полковники, генералы, они командуют частями и соединениями, пользуясь авторитетом и уважением у старших и младших товарищей.

Необходимая и неизбежная смена поколений вывела многих кадровых военных в запас и отставку. Отдавшие всю жизнь и здоровье строю и войне, эти товарищи остались военными, их нынешние заботы — патриотическое воспитание молодежи, военная подготовка, гражданская оборона, сохранение и приумножение традиций.

Я встречал их также в архивах за изучением материалов и в поиске, пафос которого — ничто и ничто не должно уйти в забвение!

Большинство сражавшихся вскоре после войны ушли в запас, вернулись к мирному труду. Из сел и деревень письма идут преимущественно от агрономов и механизаторов. Естественное развитие: не успев получить специальность раньше, воин по возвращении домой брался за передовое и самое важное в сельском хозяйстве. И, наверное, за самое трудное! Не для красного словца я так говорю, это просто правда, самая обыденная, именуемая в литературоведении «правдой характера», а в быту нашем еще не нашедшая своего наименования.

Четыре военных года и послевоенные сложности жизни помешали тысячам наших товарищей закончить школу. К тому же в тридцатые — сороковые годы всеобщее образование еще не было осуществлено. Фронтовикам

пришлось, став взрослыми, и трудиться на полях и заводах, и садиться по вечерам за парты. Закончив школу тридцатилетними, вошли во вкус, бросились штурмовать университеты и институты. Мне доставляет удовольствие сообщить, что большинство вышедших на перекличку победителей имеют теперь высшее образование — это инженеры, врачи, агрономы, педагоги. Я вспоминаю первые послевоенные годы. Мне приходилось выступать тогда в университетах, и я замечал в аудиториях слепых на первой скамье, и седоголовых студентов в стиранных гимнастерках с нашивками за ранения, и девушек с орденскими планками на скромных платьицах. О том, как трудно им было, они теперь вспоминают с улыбкой: преодоленная тяжесть становится радостью.

Передача Знамени Победы
для отправки в Москву

Какие бы препятствия не пришлось сейчас брать, они были не труднее, чем ров и огонь на Королевской площади, на подступах к «объекту 105». Многие участники Берлинской битвы стали педагогами. Мне бы хотелось назвать их не этим словом, хотя оно хорошее, а еще более дорогим мне термином — народный учитель. Ряд гордых писем получил я от пионеров и школьников — «наш учитель словесности расписывался на рейхстаге»... «Мы видели на фотографии и узнали почерк, ведь он красными чернилами делает пометки в наших тетрадях и табелях...»

Народный учитель с такой биографией, по-видимому, держит в руках дополнительные рычаги для воспитания смены. Диплом народного учителя — это в данном случае не только грамота, выданная высшим учебным заведением, но и право воспитывать любовь к Родине, в том числе и на основании своего личного участия в борьбе за ее свободу.

Проводимая ветеранами работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи огромна и достойна глубокого уважения. Мне рассказывал бывший командир одной из дивизий, участвовавших во взятии Берлина, что, уйдя в отставку, оказался загруженным работой не менее чем в пору своей службы.

— Пионеры и школьники — очень требовательные начальники. Только успевай справляться с их заданиями! А отказываться и отходить в сторону не хочется: ведь это будущее руководит тобой, юное и задорное, с красным галстуком на груди.

В письмах ветеранов немало места уделено их детям. Победители строги и требовательны к новому поколению, может быть, даже придирчивы.

В какие руки попадет завоеванный столь дорогой ценой мир?

И участники войны отвечают: «В крепкие руки красивых, сильных, образованных, безгранично любящих свою Родину сыновей и дочерей, родившихся после Победы».

Перед их строем прошла сегодня и всегда будет проходить перекличка победителей, передающих новым поколениям эстафету мужества, доблести и героизма.

БЕРЛИН, 2 МАЯ

Идут гвардейцы по Берлину,
Разбитому, как Сталинград,
Так вот предел дороги длинной,
Скопление сумрачных громад!

Так вот, о чем в землянках пели!
Сюда, товарищи, сюда
Нас через вьюги и метели
Несла военная страда.

Окаменевшее сражение,
Колонны пленных под дождем...
Но словно солнца отражение
Сияет на штыке твоём.

Друзья молчат. Какую фразу
Нам должно здесь произнести,
Чтоб охватить всем сердцем сразу
Величье нашего пути?

Замолкли пушки и «катюши»,
Спокойно дышит тишина.
Мы утолили наши души,
Германия побеждена.

Мечте такой не просто сбыться,
Мы начинали тяжело,
Пришлось четыре года биться,
И столько славных не дошло.

Их волей, их предсмертной жаждой
В бою овеяло живых, —
Вот почему сражался каждый
И за двоих, и за троих.

Идет счастливая пехота,
С седых громад не сводит глаз.
В Берлин открыли мы ворота,
Был ключ от них давно у нас:

Не тот, что сохранен в музее
Суровой памятью веков,
А тот, что горечью взлелеян
У переправ и у костров.

Поэт Е. Долматовский
[2 мая 1945 г. у Бранденбургских ворот]

М. Кантария (слева) и М. Ерозов
у здания рейхстага
после водружения на нем Знамени Победы

ПОБЕДА

(из поэмы «Одна судьба»)

Развалина. Столица всех развалин,
Обломки и руины — вкривь и вкось.
Ее Берлином некогда назвали,
Нам в сорок пятом брать ее пришлось.

В году есть месяц ветра и сирени,
Когда по вечерам в моей стране
На каждом перекрестке даже тени
Целуются в прозрачной тишине.

Когда все радости и все печали
Готовы счастьем сделаться уже,
И девушка играет на рояле
В открытых окнах в первом этаже.

Когда такие нежные рассветы
И зеленеют речек берега...
В том месяце мы вырвали победу
Из черных рук врага.

Разгромленная улица дымилась,
Клубилась рыжей пылью кирпича,
Сдаваясь победителям на милость,
Проклятия и просьбы бормоча.

Повсюду простыни висят, как флаги,
И стены поднимают руки вверх.
Фашистских пленных грязные ватаги
Влачатся к сборным пунктам в Лихтенберг.

Наш старый танк, уральской стали буря,
По улицам проходит, как во сне.
Глазам еще не веря, брови хмуря,
Стоят танкисты на его броне.

То там, то здесь взрываются фугасы.
Метро разверзлось —
Темный, мокрый ствол...
Смотри, товарищ, это Фридрихштрассе!
Ты выполнил присягу.
Ты дошел.

Молчит угрюмо обгоревший камень.
Но вижу — среди причудливых руин
Смеются люди, машут нам руками
И робко трогают броню машин.

Вот юноши, похожие на Мцыри, —
Истлевшие лохмотья на плечах.
Все языки, что можно слышать в мире,
На разбомбленной улице звучат.

Но громче всех звучат слова такие,
Что мы впитали с молоком России.

Поет звонкоголосая Полтава,
Шумит листвой бобруйская дубрава,
Проходит Псков — он стал совсем седым,
И курский соловей летит за ним.

И вновь горячие прямые взгляды.
В штанах лиловых, в кофточках цветных
Идут Франчески, Жанны и Милады
С флажками родни маленьких своих.

Солдатские щетинистые щеки,
Вы столько губ исколите теперь.
Я огорчил тебя, мой друг далекий?
Но ты великой верности поверь.

Любимые! Не следует бояться,
Когда под мирным покрывалом сна
Мы станем бредить, плакать и смеяться...
И повторять чужие имена.

Что ревновать нас к небу, где летали,
К земле, где столько узнано печали.

Что ревновать к тревогам,
Дальним странам,
К дорогам, где ползли, бежали, шли,
Что ревновать нас к нашим честным ранам
И к людям тем, которых мы спасли!

Вдали Тиргартен,
Сходят с пьедесталов
Седые памятники без носов.
Регулировщица с флажками встала
Над кипенью голов и голосов.

Вот мчатся негры на велосипедах...
Но наши мысли гордые вдали:
Каков в Москве он, этот День Победы,
К которому в Берлине мы пришли?

Наш древний город — молодой и нежный,
С открытыми сердцами и дверьми.
Там девушки танцуют на Манежной,
Которых мы оставили детьми.

Из общежитий коммунальных комнат
Большая радость вышла на простор.
Как первую любовь, Москва запомнит
Неистовых оркестров разговор.

Из мраморных ее бомбоубежищ
Перелетает песен серебро,
И ветерок — такой крутой и свежий,
Как будто с морем связано метро.

Москва светла, сияющая, лучиста.
С вершины счастья горя не видать.
Держа перед собой портрет танкиста,
В толпе проходит старенькая мать.

Какой он юный, строгий, тонколицый!
Портрет полоской черной окаймлен.
Два маленьких квадрата на петлицах! —
Давно снимался, видно, до погон.
Портрет плывет среди солнечного света.
«Смотри, сынок, смотри, сынок, Победа!»

А вот Берлин!
Угрюмые останки
Чудовища. Толпа идет, идет,
И мы стоим на старом верном танке,
Где на броне написано «Вперед!»

Над серою громадою рейхстага
Кумач пробитый шлет салют весне,
И я не знаю: это трепет флага
Иль наше сердце бьется в вышине.

СОДЕРЖАНИЕ

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков —		
предисловие	4	
Расписались на рейхстаге	7	
Под флагом	22	
Суровый мститель с открытым сердцем	28	
Дело о поджоге рейхстага	31	
О своих комиссарах	32	
Дошли!	35	
Крест на шлеме крестоносца	38	
Дедушке был 21 год	42	
Служили два друга в одном полку	43	
Ключи от берлинских ворот	46	
Добрые услуги	48	
Освободители своих отцов	51	
Огненные годы	53	
Связано с Рихардом Зорге	54	
Проездом	55	
Маленькое воинское подразделение	58	
Сабельная роспись	59	
Баллада об отце и сыне	61	
Священные плиты	62	
Трое из Закавказья	69	
БМ	70	
«Чтобы вы к нам больше не ходили»	71	
Входит в педагогический стаж	73	
На немецком языке	75	
В сорок пятом, в мае...	76	
Поэт	77	
Оправдаем Красное знамя	80	
Каменная почта	81	
Именно в День Победы	84	
Опоздание по уважительной причине	86	
Горсть родной земли	87	
Когда говорят стихами	89	
После серебряной свадьбы	90	
Ровесник века	96	
Дальний прицел		98
Посол Заполярья		99
Приговор подписан		100
Однополчане		100
Мрачная фамилия		101
И снова в бой		102
Привет одесситам!		104
Буланый и другие		106
О них никогда не писали		109
Танковые университеты		113
Иван		115
Волгарь		116
Горд		118
Добровольцы		120
Железная его дорога		121
Баку проживаем...		122
Победители на перекличке		126
Берлин, 2 мая		147
Победа [из поэмы «Одна судьба»]		148

Евгений Аронович Долматовский

АВТОГРАФЫ ПОБЕДЫ

Редактор **В. И. Золотухин**

Художественный редактор **Г. Л. Ушаков**

Технический редактор **З. И. Сарвина**

Корректоры **В. Н. Липидус, И. С. Судзиловская**

Г-14638. Сдано в набор 19/VII-71 г. Подписано к печати 2/III-72 г. Изд. № 3/6184. Формат 84×108^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Тираж 100 000. Цена 76 коп. в переплете № 5. Объем физ. п. л. 9,5. Уч.-изд. л. 17,72. Усл. 7—3—2
п. л. 15,96. Зак. 1-1532. $\frac{4763-71-53}{28638-71-18}$. Изд-во ДОСААФ,

107066. Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26.

Типоофсетная фабрика «Коммунист» Комитета по печати при Совете Министров УССР. Харьков, ул. Энгельса, 11.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

За каждой подписью на стенах рейхстага—большая жизнь людей, отстоявших свободу и независимость нашей Родины. Автор, конечно, не мог да и не ставил перед собой такую цель—рассказать о всех войнах, дошедших до фашистского логова и расписавшихся на его стенах; об их ратной жизни, являющейся примером для подрастающего поколения.

Издательство обращается к участникам взятия рейхстага, ко всем, изучающим события Великой Отечественной войны,— присылать нам свои отзывы о книге и пожелания. Издательство и автор просят также откликнуться и тех товарищей, кто найдет свою подпись на фотографиях стен рейхстага, опубликованных в этой книге.

Наш адрес: 107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26.

Генерал Берлин
Вс. Н. Франкин.

Инград. Берлин
Р. 4320. Лав
Анна
Ерещева
Оксана

14.5.1945
{ Минькин
Белый
9538

Мил. Здо
1054

Варшав
А. С.

Зимин
Одесса

Здесь был Ко-ко
Владимир Сергеевич
1915

Великий У. Б. 15
Шептун ВЗ
Торногаевки
Дерсонщина
Мирошников
Малов
И. С.

ПУСТЬ ЭТИ
РАЗВАДЕННЫ
ДОЛГИЕ ГОДЫ
НАПОМИНАЮТ
НЕ МЕЦКИМ
РАЗБОЙНИКАМ
О БОГАТЫРЬ-
СКОЙ СИ-
ЛЕ Красной
Армии
П. КАРПИН,
Г. РАВРЕБА
СИЛУЮК
Здесь был
Здесь был
Воробьев и
с Огд-

Цена 76 коп.

Автографы Победы!

